

ISSN: 2542-212X

Электронный журнал

Кавказология

Caucasology

III

2020

Электронный журнал

Кавказология

Caucasology

№ 3 / 2020

DOI: 10.31143/2542-212X-2020-3

*Свидетельство о
регистрации*

Эл № ФС77-59844
от 17 ноября 2014

ISSN

2542-212X

Периодичность

4 раза в год

Учредитель/Издатель

Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Кабардино-Балкарский
государственный университет
им. Х.М. Бербекова»

Е-mail редакции

caucasology.kbsu@gmail.com

URL-адрес издания

<http://www.kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/>

Редакционный совет

Альтудов Юрий Камбулатович, профессор, ректор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Барахоева Нина Мустафаевна, директор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, Магас, Россия.

Берсиров Батырбий Махмудович, главный научный сотрудник Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева», Майкоп, Россия.

Горбунов Александр Павлович, ректор Пятигорского государственного университета, Пятигорск, Россия.

Грусман Владимир Моисеевич, директор Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Гапуров Шахрудин Айдиевич, президент Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Россия.

Дердугьян Георгий Матвеевич, профессор Нью-Йоркского университета Абу-Даби, США.

Дмитриев Владимир Александрович, ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Дюмон Жерар Франсуа, географ, экономист и демограф, профессор, преподаватель Университета Париж-Сорбонна, Париж, Франция.

Ивахненко Евгений Николаевич, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Ильин Владимир Иванович, профессор кафедры социологии культуры и коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Карамурзов Барасби Сулейманович, профессор, руководитель Центра развития цифровой экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, действительный член Российской академии образования, Нальчик, Россия.

Левитская Алина Афакоевна, профессор Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия.

Магомедов Магомед Ибрагимович, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Махачкала, Россия.

Мусукаев Александр Ибрагимович, доктор исторических наук, профессор, Нальчик, Россия.

Мюльфрид Флориан, доктор наук, Йена, Германия.

Рябов Андрей Виленович, главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения», Москва, Россия.

Томеллери Витторио Спрингфилд, профессор департамента славянской филологии университета г. Мачерата, Марчета, Италия.

Узденов Таусолтан Аубекирович, ректор Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия.

Editorial Council

Altudov Yuri Kambulatovich, Professor, Rector, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Nina Mustafaevna Barakhoeva, Director, Ingush Institute for the Researches in Humanities, Magas, Russia.

Bersirov Batyrbiy Mahmudovich, Principal research fellow, Adyghe Republic's Institute for Humanitarian Studies, Maikop, Russia.

Gorbunov Alexandr Pavlovich, Rector, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

Grusman Vladimir Moiseevich, Director, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Gapurov Shahrudin Aidievich, President, Academy of Sciences of Chechen Republic, Groznyi, Russia.

Derluguian Georgi, Professor, New York University Abu Dhabi, UAE, USA.

Dmitriev Vladimir Alexandrovich, Leading Researcher, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Dumont Gerard Francois, geographer, economist and demographer, Professor of Paris-Sorbonne University, Paris, France.

Ivakhnenko Evgeny Nikolaevich, Professor, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Ilyin Vladimir Ivanovich, Professor, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Karamurzov Barasbi Suleymanovich, Professor, CEO, Lomonosov Moscow State University Digital Economy Development Center, Full Member of the Russian Academy of Education, Nalchik, Russia.

Levitskaja Alina Afakoevna, Professor, The North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Magomedov Magomed Ibragimovich, Principal Research Fellow, Institute of Language, Literature and Art, Makhachkala, Russia.

Musukaev Alexander Ibragimovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Nalchik, Russia.

Mühlfried Florian, PhD, Jena, Germany.

Ryabov Andrey Vilenovich, Editor-in-chief, World Economy and International Relations, Moscow, Russia.

Tomellery Vittorio Springfield, Professor, University of Macerata, Macerata, Italy.

Uzdenov Tausoltan Aubekirovich, Rector, Karachay-Cherkess State University, Karachaevsk, Russia.

Главный редактор

Боров Аслан Хажисмелович

Редакционная коллегия

Кажаров А.Г. (заместитель главного редактора),
Азикова Ю.М. (ответственный секретарь),
Аккиева С.И., Аствацатурова М.А., Баразбиев М.И.,
Бауаев К.К., Бгажноков Б.Х., Берберов Б.А.,
Бозиева Н.Б., Борова А.Р., Бугай Н.Ф., Бухуров М.Ф.,
Геграев Х.К., Гутов А.М., Дзамихов К.Ф.,
Иванова С.Ю., Канукова З.В., Кочесоков Р.Х.,
Кудаева З.Ж., Кузьминов П.А., Кучукова З.А.,
Мамсиров Х.Б., Муратова Е.Г., Нальчикова Е.А.,
Прасолов Д.Н., Сабанчиев Х.-М.А., Тамазов М.С.,
Текуева М.А., Тимижев Х.Т., Тхагапсоев Х.Г.,
Тенов Т.З., Узнародов Д.И., Узнародов И.М.

Editor-in-Chief

Borov Aslan Hazhismelovich

Editorial board

Kazharov A.G. (Deputy Editor-in-Chief),
Azikova Yu.M. (Executive Secretary),
Akkieva S.I., Astvatsaturova M.A., Barazbiev M.I.,
Bauaev K.K., Bgazhnokov B.Kh., Berberov B.A.,
Bozieva N.B., Borova A.R., Bugay N.F., Buhurov M.F.,
Gegraev Kh.K., Gutov A.M., Dzamihov K.F.,
Ivanova S.Yu., Kanukova Z.V., Kochesokov R.Kh.,
Kudayeva Z.Z., Kuzminov P.A., Kuchukova Z.A.,
Mamsirov Kh.B., Muratova E.G., Nalchikova E.A.,
Prasolov D.N., Sabadchiev Kh.-M.A., Tamazov M.S.,
Tekueva M.A., Timizhev Kh.T., Thagapsoev Kh.G.,
Tenov T.Z., Uznarodov D.I., Uznarodov I.M.

СОДЕРЖАНИЕ**ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ****Боров А.Х.**

Синергетика как способ представления динамики этно-региональных исторических систем **12-47**

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Археология и древняя история****Гончаров С.А., Кадиева А.А.**

Катакомба с поясным набором «общетюркского типа» из могильника Гоуст (по материалам раскопок В.И. Долбежева 1890 года) **48-59**

Средневековая и новая история**Нахушева И.Р.**

Приставское управление в Кабарде в 1769-1858 гг.: динамика, полномочия, персоналии **60-78**

Мирзоев А.С.

Трансформация института кровной мести у народов Центрального Кавказа в конце XVIII – первой половине XIX в.: факторы, механизмы, казусы **79-110**

Соегов М.

О генерале Н.Г. Петрусевице и его трудах **111-128**

Мурзаханов Ю.И., Норкина Е.С.

Правовое положение нальчикских горских евреев (вторая половина XIX – начало XX в.) **129-139**

Новейшая история**Муратова Е.Г., Органова Ю.А.**

Советские историки «второго плана»: случай Веры Ивановны Горемыкиной **140-153**

Этнография, этнология, антропология**Гусейнов Г.М.**

Развитие ремесел и промыслов равнины и предгорья и их место в экономике Дагестанской области на рубеже XIX-XX вв. **154-164**

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КАВКАЗА**Кажарова И.А.**

Облик исламского реформаторства в Кабарде (по страницам «Воспоминаний» Х.У. Эльбердова) **165-186**

Болатова (Атабиева) А.Д.

Теоретическое осмысление проблемы художественной циклизации (карачаево-балкарская поэзия и проза) **187-204**

ОЧЕРКИ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ**Анчабадзе Ю.Д.**

Рецензия на книгу «Евгения Джамурзовна Налоева. Наука быть Человеком (Воспоминания, переписка, документы) / Составитель А.С. Мирзоев. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2018. – 720 с.» **205-212**

Наши авторы**213-214**

CONTENTS

*GENERAL PROBLEMS***Borov A.Kh.**

Synergetics as a mode of representing the dynamics of ethno-regional historical systems **12-47**

*HISTORY, ETHNOLOGY AND ARCHAEOLOGY***Archaeology and ancient history****Goncharov S.A., Kadieva A.A.**

Catacomb with a belt pack of «pun-Turkish type» from the Goust burial (by materials from V.I. Dolbezhev's excavations of 1890) **48-59**

Medieval and modern history**Nahusheva I.R.**

The bailiff office in the Kabarda in 1769-1858: dynamics, powers, personalities **60-78**

Mirzoev A.S.

Transformations of the institution of blood feud among the peoples of the Central Caucasus in the late 18th – first half of the 19th century: factors, mechanisms and cases **79-110**

Soyegov M.

About General N.G. Petrusevich and his works **111-128**

Murzakhanov Yu.I., Norkina E.S.

Legal status of the Nalchik settlement Highlander Jews (second half of the 19th – early 20th century) **129-139**

Contemporary history**Muratova E.G., Ortanova Yu.A.**

Soviet historians of «the second plan»: The case of Vera Ivanovna Goremykina **140-153**

Ethnography, ethnology, anthropology**Guseynov G.M.**

Development of crafts and industries on the plains and foothills of Dagestan and their role in the economy of the region at the turn of the 19th – 20th centuries **154-164**

FOLKLORE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE CAUCASUS**Kazharova I.A.**

The face of Islamic reformism in Kabarda (From the pages of Kh.U. Elberdov's "Memoirs") **165-186**

Bolatova (Atabieva) A.D.

Theoretical understanding of the problem of artistic cyclization (Karachay-Balkarian poetry and prose) **187-204**

ESSAYS, NOTES, REVIEWS**Anchabadze Yu.D.**

Review of the book "Evgeniya Dzhamurzovna Naloeva. Science of Being Human (Memories, correspondence, documents) / Compiled by A.S. Mirzoev. – Nalchik: OOO «Pechatnyi dvor», 2018. – 720 p." **205-212**

Our authors**213-214**

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

УДК 93/94(470.6)

DOI 10.31143/2542-212X-2020-3-12-47

СИНЕРГЕТИКА КАК СПОСОБ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДИНАМИКИ ЭТНО-РЕГИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ СИСТЕМ**А.Х. БОРОВ**

*ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
Центр социально-политических исследований КБНЦ РАН
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: aslan-borov@mail.ru*

Аннотация. Синергетика представляет собой особую междисциплинарную область науки, в которой обобщаются описание и интерпретация динамических процессов в сложных открытых системах, находящихся вдали от равновесия. Предмет данной статьи относится не к синергетике как таковой или к «аутентичной синергетике», которая неотделима от математического языка выражения, а к области исторического знания. В ней делается попытка применить синергетический подход к уже накопленному в рамках исторической науки знанию в целях получения результатов, имеющих значение для общих интерпретаций истории народов Северного Кавказа. Любой попытке интерпретации исторических явлений и процессов в терминах «системной бифуркации», «самоорганизации», «нелинейности» и т.п. должно предшествовать определение исследуемого объекта как системы и определение его специфики как особого типа системы. С этой точки зрения адыгский этно-социальный ареал и Кабардино-Балкария, как объекты исторического познания могут быть представлены в качестве определенных разновидностей малых исторических систем, а именно – этно-региональных исторических систем. Это понятие подразумевает длительное существование во времени и воспроизводство культурно-специфической пространственно-временной исторической целостности. На их исторической траектории достаточно четко выделяются периоды стационарного (устойчивого) состояния и «разрывы» между ними, т.е. переходные периоды интенсивных социально-политических и культурных сдвигов. Это позволяет репрезентировать ее в терминах синергетики. Реконструкция механизмов и форм самоорганизации этнического социума на кризисных, неустойчивых фазах исторической траектории позволяет по новому представить соотношение внутренних и внешних, социально-экономических и социокультурных факторов его исторической эволюции. Есть достаточно оснований полагать, что когерентность (единообразие и согласованность) социального поведения в переломных ситуациях задавалась единым горизонтом этнической культуры, что необходимость адаптации к динамичной внешней среде определяла точки притяжения (аттракторы), вокруг которых стабилизировались новые, «наиболее вероятные» конфигурации общественных структур, что основным механизмом адаптации выступало культурное взаимодействие и, соответственно этому, основной функцией возникающих диссипативных (развитых, более сложных) структур оказывалось повышение степени коммуникативности культуры т.е. формирование каналов и агентов культурного

взаимодействия, развитие способности воспринимать и передавать опыт, обогащать и универсализировать собственные культурные смыслы.

Ключевые слова: история; синергетика; Северный Кавказ; адыги; карачаево-балкарцы; Кабардино-Балкария; этно-региональная историческая система.

SYNERGETICS AS A MODE OF REPRESENTING THE DYNAMICS OF ETHNO-REGIONAL HISTORICAL SYSTEMS

A.Kh. BOROV

*FSBSE «Federal Scientific Center
'Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences'»,
Center of socio-political researches
360000, KBR, Nalchik, Pushkin street, 18
E-mail: aslan-borov@mail.ru*

Abstract. Synergetics is a special interdisciplinary field of science, which generalizes the description and interpretation of dynamic processes in complex open systems far from equilibrium. The subject of this article does not refer to synergetics as such or to “authentic synergetics”, which is inseparable from the mathematical language of expression, but to the field of historical knowledge. It attempts to apply a synergetic approach to the knowledge already accumulated within the framework of historical science in order to obtain results that are important for general interpretations of the history of the peoples of the North Caucasus. Any attempt to interpret historical phenomena and processes in terms of “system bifurcation”, “self-organization”, “nonlinearity”, etc. should be preceded by the definition of the object under study as a system and the definition of its specificity as a special type of system. From this point of view, the Adyghe ethno-social area and Kabardino-Balkaria, as objects of historical knowledge can be represented as certain varieties of small historical systems, namely, ethno-regional historical systems. This concept implies a long existence in time and the reproduction of a culturally specific space-time historical integrity. On their historical trajectory, one can clearly distinguish periods of a stationary (stable) state and “gaps” between them i.e. transitional periods of intense socio-political and cultural shifts. This allows it to be represented in terms of synergetics. Reconstruction of the mechanisms and forms of self-organization of an ethnic society at crisis, unstable phases of the historical trajectory allows us to re-imagine the ratio of internal and external, socio-economic and socio-cultural factors of its historical evolution. There are sufficient grounds to believe that the coherence (uniformity and consistency) of social behavior in critical situations was set by a common horizon of ethnic culture, that the need to adapt to a dynamic external environment determined the points of attraction (attractors) around which new, “most probable” configuration of social structures were formed, that the main mechanism of adaptation was cultural interaction and, accordingly, the main function of emerging dissipative (developed, more complex) structures was to increase the degree of communicativeness of culture, i.e. the formation of channels and agents of cultural interaction, the development of the ability to perceive and transfer experience, to enrich and universalize their own cultural meanings.

Keywords: history; synergetics; North Caucasus; Adyghe; Karachai-Balkars; Kabardin-Balkaria; ethno-regional historical system.

Постановка проблемы

Синергетика сформировалась на протяжении последней трети XX в. как особая междисциплинарная область науки, в которой обобщаются описание и интерпретация динамических процессов в сложных открытых системах, находящихся вдали от равновесия. Как теория необратимых процессов в открытых неравновесных системах синергетика синтезирует результаты и методы ряда научных школ в различных областях естественных и точных наук, от физики лазера (Г. Хакен) до химической кинетики (И. Пригожин) [Капица и др. 1997; Ласло 1993; Шевлоков 1999].

Однако принятые синергетикой принципы, понятия и модели описания динамических процессов довольно скоро приобрели более широкое научное влияние, поскольку они имеют силу для весьма представительного класса объектов. «Так как сложные системы поистине вездесущи, – заметил один из основоположников синергетики Г. Хакен, – перед нами возникает острая проблема отыскания унифицирующих принципов, которые позволили бы нам должным образом подходить к исследованию таких систем» [Хакен 1991: 21]. Сегодня термин «синергетика» используется как обобщенное название ряда научных направлений, в рамках которых исследуются процессы самоорганизации и эволюции, упорядоченного поведения сложных нелинейных систем физической, химической, биологической, экологической, социальной и др. природы [Князева 2009: 861].

Синергетика представляет собой одно из передовых направлений современной науки, а то обстоятельство, что синергетические представления интерпретируются в равной мере и на онтологическом и на гносеологическом уровне придает им не просто междисциплинарный, но – в известных пределах – общенаучный характер. С этой точки зрения соотнесение логико-методологических оснований исторической науки с логикой синергетического подхода является вполне оправданным. Результаты такого соотнесения не могут быть предписаны заранее. Речь идет, прежде всего, о поддержании способности к внутринаучному диалогу, к пониманию и освоению общего интеллектуального содержания передовых отраслей научного знания.

В современной философии науки утвердилось представление о смене типов научной рациональности – классического (XVII – начало XX в.), неклассического (первая половина XX в.) и постнеклассического (с конца XX в.). Каждый из них расширяет поле исследуемых объектов (от доминирования в XVII-XVIII вв. исследований простых, механических систем, до включения в качестве главных объектов изучения сложных, саморегулирующихся, а затем и исторически развивающихся систем) [Стёпин 2009: 565]. В основе эволюции научной рациональности в XX в. по И. Пригожину лежит процесс преодоления тех предпосылок классической науки, «которые были сосредоточены вокруг основополагающего тезиса, согласно которому на определенном уровне мир устроен просто и подчиняется обратимым во времени фундаментальным законам» [Пригожин, Стенгерс 1986: 47]. В некоторых своих проявлениях (постмодернизм) этот процесс знаменовал радикальный разрыв с традициями

социологической и исторической науки, заложенными в эпоху модерна [Козлова, Смирнова 1995; Смит 1997; Ионин 1996]. В отличие от естественных наук здесь шла речь не об ограничении пространства действия предшествующих типов рациональности, а об их устранении. И параллели и расхождения в гносеологическом содержании этих явлений могут оказаться слишком значительными для перспектив истории как научной дисциплины, чтобы можно было уклониться от их обсуждения.

Основоположники синергетики усматривали возможность распространения синергетических представлений на изучение общества и истории. Г. Хакен рассматривал синергетику как мост между естественными и социальными науками. Еще недавно считалось, замечал он, что гуманитарные науки занимаются изучением истинно сложного поведения и сложных систем, тогда как физика долгое время почиталась за свою способность предсказывать события. Но чем больше физике приходится иметь дело с сложными системами, тем больше мы сознаем необходимость новых понятий. Физика все более утрачивает некоторые черты, считавшиеся ранее ее неотъемлемой принадлежностью, например, способность делать точные предсказания [Хакен 1991: 23]. В своих работах он фиксировал синергетические эффекты в экономике, психологии, формировании общественного мнения, в революционных переходах от одного общественного порядка к другому [Хакен 2003].

В книге И. Пригожина и И. Стенгерс «Порядок из хаоса» те или иные положения, интерпретирующие механизмы направленной во времени эволюции сложных систем нередко сопровождаются аналогиями с социальными и историческими процессами. Свой интерес к проблемам времени и неудовлетворенность скудостью естественнонаучных представлений в этой области И. Пригожин связывал с особенностями личного интеллектуального опыта, а именно, с тем обстоятельством, что еще до поступления в университет он изучал цикл гуманитарных наук, «из которых ведущими были история и археология» [Пригожин, Стенгерс 1986: 51]. Он исходил из того, что существует «сильное взаимодействие проблем, относящихся к культуре как к целому и внутренних концептуальных проблем естествознания» [Пригожин, Стенгерс 1986: 61-62]. С этой точки зрения новое открытие времени уходит своими корнями не только в собственную историю естественных наук, но и в тот социальный контекст, в котором находится современная наука, а общий интерес к неравновесным ситуациям, к эволюционирующим системам, по-видимому отражает ощущение того, что человечество в целом переживает сейчас некий переходный период [Пригожин, Стенгерс 1986: 62].

Таким образом, синергетические представления можно рассматривать в некотором смысле как результат обобщения на неорганический мир таких характеристик биологических и социальных систем, как высокая степень сложности, направленная во времени эволюция, воздействие на нее случайных отклонений, самоорганизация. Справедливым представляется суждение С.А. Гомаюнова, объясняющего все больший интерес современного научного сообщества к нелинейному (синергетическому) стилю мышления своеобразным

«узнаванием» синергетики биологами, социологами, экономистами, историками [Гомаюнов 1994: 99-100]. Дж.Л. Гэддис рассматривает такие категории синергетики как хаос, сложность, чувствительная зависимость от начальных условий, фракталы, самоорганизованная критичность и заключает, что историки оказываются на передовой линии современной научной революции именно тогда, когда занимают «реакционную позицию». Они видят, что сами того не сознавая практиковали «новые науки хаоса, сложности и даже критичности» и похожи на Мольеровского буржуа, с удивлением обнаружившего, что он всю жизнь разговаривал прозой [Gaddis 2002: 88].

С другой стороны, в отечественной литературе акцентируется парадигмальная новизна синергетики, представляющей собой «новый взгляд на окружающий мир, новый идеал научности, новый способ постановки и решения задач, наконец, новый принцип использования познавательных возможностей человека» [Сапронов 2001: 155-156]. Необходимость обращения к ней историков связывается с тем, что к концу XX в. большинство ученых-гуманитариев придерживались еще классической научной парадигмы, ориентировавшей их на поиск универсальной и безальтернативной теории исторического процесса, единственно-верных законов его протекания. Но непреодолимые трудности на этом пути породили дефицит теоретико-методологической фундированности исторического познания, что вкуче с постмодернистским натиском и экспансией других социально-гуманитарных дисциплин грозит утратой его научного статуса и дисциплинарной автономии. Для преодоления подобных тенденций необходимо перейти на новый мировоззренческий уровень, скоординировать логику исторического познания с логикой современной постнеклассической науки, принять новые представления об идеалах, критериях и ценностях научного мышления [Сапронов 2001: 150-151].

И действительно, российские историки достаточно много внимания уделяют обсуждению того, как меняется представление исторического процесса при использовании синергетических категорий. Достаточно полный и глубокий анализ дискуссий о соотношении синергетики и истории осуществлен Б.И. Бородкиным [Бородкин 2016: 132-182]. Это позволяет определить для себя ограничения и возможности применения категориально-понятийного аппарата синергетики к решению конкретных познавательных задач, не повторяя работу, уже проделанную специалистами.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что задачи данной работы не относятся к синергетике как таковой или к «аутентичной синергетике» [Круглый стол... 2006: 8-9], которая неотделима от математического языка выражения. Предметное поле теории синергетики включает в себя статистическую физику, термодинамику открытых систем, теорию динамического хаоса, теорию катастроф, теорию фракталов. Рассматривая соотношение широко употребляемых понятий «самоорганизация», «кибернетика» и «синергетика», Д.С. Чернавский отмечал общность их предмета. Но если чрезмерное обобщение принципов кибернетики привело к утрате ею научной строгости, то в синергетике владение математическим

аппаратом (теорией динамических систем, математическим моделированием) еще считается необходимым условием: «по существу синергетика состоит из математических моделей явлений самоорганизации» [Чернавский 2004: 82, 83]. Задачи же предлагаемой работы принадлежат к области исторического знания. В данном случае предполагается попытка применить синергетический подход к уже полученному в рамках исторической науки знанию в целях достижения результатов, имеющих значение для общих интерпретаций истории народов Северного Кавказа.

Следующий вопрос касается того, есть ли познавательная необходимость в использовании синергетического подхода к изучению истории. Такая необходимость может иметь двойные основания. Первое относится к случаю, когда источники дают возможность при изучении демографических, экономических, социальных процессов анализировать эмпирические временные ряды с использованием математических средств для выявления в них хаотических режимов. Это прикладной аспект теории хаоса, дающий существенное приращение знаний об объекте исторического исследования [Бородкин 2016: 157]. Другой случай имеет место, если предмет исторического исследования выступает как сложная, саморазвивающаяся система, если решаемые задачи связаны с развитием системы и фазовыми переходами. По оценке В.С. Стёпина экспансия синергетических методов в различные науки эффективна там и тогда, где и когда требуется учитывать саморазвитие, его интегральные характеристики и закономерности. При этом необходим анализ, связанный с постановкой проблемы: почему возможен перенос методов, каковы его основания? Он предполагает предварительное видение сходства предметных областей, с которыми скоррелирован метод [Стёпин 2007]. К настоящему исследованию приложим второй из указанных случаев. Цель его заключается в обобщенном представлении исторической эволюции региональных этносоциальных сообществ.

Это значит, что понятия синергетики будут употребляться далее не в их строгом математическом значении, а в качестве определенных метафор. Проблема метафоризации при обращении к синергетике представителей социогуманитарного знания носит достаточно острый характер. С точки зрения строгой синергетики она может восприниматься как ее профанация, но для историка, обращающегося к новым понятиям, может быть реальна их эвристическая ценность относительно его предмета. Дж.Л. Гэддис усматривает важность для историка категорий хаоса и сложности в том, что они дают ему как бы новую грамотность (*a new kind of literacy*) и, соответственно, новый набор терминов для представления исторических процессов, более гибкий и подвижный язык для сравнений и анализа. При этом он подчеркивает: «Позвольте мне быть совершенно откровенным: это метафоры. Это не сами процессы» [Gaddis 2002: 78]. Метафоричность многих понятий социальных наук традиционно признавалась их неустранимой характеристикой [Stone 1987: 42]. Но это не значит, что историк свободен в манипулировании смыслами используемых им понятий синергетики. Нельзя не согласиться с суждением Л.И. Бородкина о том, что различные «вольные» трактовки и интерпретации

синергетического подхода, его категорий, «оторвавшиеся» от базовых построений Пригожина, Хакена, Курдюмова и других отцов-основателей синергетики, должны корректироваться – даже в тех случаях, когда они получили уже распространение в социально-гуманитарных науках [Бородкин 2016: 159].

Таким образом, применение синергетического подхода в историческом исследовании предполагает необходимость эксплицировать: во-первых, смысл используемых понятий теории синергетики; во-вторых, авторское понимание специфики объекта изучения, к которому они будут приложены, и специфики познавательной ситуации в контексте которой происходит обращение к синергетическим представлениям; в-третьих, конкретный предмет и цель предполагаемого анализа. Обсуждение применимости синергетических принципов в историческом познании в этой статье, с одной стороны, непосредственно опирается на пригожинскую модель нелинейных процессов и процессов самоорганизации в открытых неравновесных системах, а с другой – ограничивается конкретным и достаточно узким научным интересом. Речь идет о методологических проблемах целостной реконструкции и обобщенной интерпретации истории адыгского этнического мира и Кабардино-Балкарской Республики (Кабардино-Балкарии).

Основные понятия теории диссипативных структур

Совокупность основных представлений, понятий и моделей синергетики, поскольку они применяются в качестве познавательных средств за пределами той сферы, в которой они были первоначально сформулированы, обозначается в этой статье как «синергетические принципы» или «синергетический подход». Некорректность буквального их переноса на область исторического познания очевидна. Абстрактно-логический анализ того, в какой мере возможна их строгая интерпретация на историческом материале относится скорее к специальным проблемам теории познания. Но в любом случае должна обеспечиваться адекватность их толкования и применения, а это делает необходимым представить в явном виде авторское понимание существа синергетических принципов.

В общем виде, они сводятся к следующему. Достаточно сложные и открытые (т.е. имеющие какие-либо формы обмена с окружающей средой) системы при «нормальных» значениях внутренних и внешних параметров пребывают в состоянии динамического равновесия, сохраняя свою структурную устойчивость и целостность. Отклонения параметров, управляющих состоянием системы, от обычных средних значений до определенных пределов не нарушают этого равновесия. Эволюция системы в этих пределах имеет монотонный и линейный (детерминированный) характер. Однако, когда отклонение какого-либо параметра достигает некоторой критической точки – порога устойчивости системы – она теряет способность гасить внутренние флуктуации и оставаться невосприимчивой к внешним. В таком, сильно неравновесном состоянии, поведение составляющих ее

элементов и подсистем становится неупорядоченным, хаотическим. С точки зрения общей эволюции системы это соответствует возникновению развилки (бифуркации) ее динамической траектории. В точке бифуркации перед системой возникает выбор одного из возможных путей дальнейшей эволюции, причем этот выбор никак не детерминируется ее предшествующим состоянием, а носит исключительно случайный характер. Предсказать какое из множества хаотических флуктуации стабилизируется и «завладеет» системой принципиально невозможно. Небольшая флуктуация может послужить началом эволюции в совершенно новом направлении, которое резко изменит все поведение макроскопической системы [Пригожин, Стенгерс 1986: 56]. Описание эволюции вблизи точек бифуркации может носить только вероятностный характер. Оно укладывается вместе с тем в рамки жесткой альтернативы – полная дезинтеграция системы или обретение ею новой, более сложной устойчивой структуры и новой траектории развития [Ласло 1993: 26]. Таким образом, то, что на макроскопическом уровне относительно предшествующего стационарного состояния системы выступает как полная неупорядоченность, как хаос – на микроскопическом уровне может представлять собой тонкую и чрезвычайно чувствительную форму самоорганизации, из которой спонтанно возникает новый макроскопический порядок.

Самоорганизация и возникновение нового устойчивого порядка из неустойчивого хаотического состояния становятся возможными в силу действия ряда механизмов. Спонтанное порождение порядка происходит, когда какое-то одно из колебательных движений (флуктуаций), раскачивающих систему, вдруг закрепляется, а затем с большой быстротой усиливается и распространяется на остальную часть системы, становясь доминирующим в ее динамике. Так что, когда из недр хаоса рождается новый порядок, он отражает структурные и функциональные характеристики закрепившегося колебания [Ласло 1993: 27]. В терминологии И. Пригожина это «порядок через флуктуацию». Трактовка этого процесса у Г. Хакена связана с понятиями «параметра порядка» и «принципа подчинения». Параметры порядка – это медленно меняющиеся переменные, которые подчиняют себе множество быстро меняющихся переменных и определяют ход макропроцесса, т.е. «позволяют системе находить свою структуру». А при изменении управляющих параметров в широком диапазоне системы могут проходить через иерархию неустойчивостей и сопровождающих их структур [Хакен 1991: 32]. Интересным представляется и редко комментируемое в литературе замечание Г. Хакена о том, что при надлежащей интерпретации результатов синергетики можно рассматривать возникновение смысла как возникновение нового качества или как саморождение смысла [Хакен 1991: 45]. Применительно к физике лазера он показывает, что параметр порядка (когерентная световая волна) с точки зрения информации играет двоякую роль: он сообщает атомам о том, как им надлежит вести себя и, кроме того, доводит до сведения наблюдателя о макроскопически упорядоченном состоянии системы [Хакен 1991: 48]. Взаимная дополнительность этих подходов достаточно очевидна. И в

том и в другом случае возникновение нового порядка связано с явлением когерентности, т.е. единообразным, «согласованным» поведением элементов и подсистем, в результате чего система начинает также вести себя как единое целое [Пригожин, Стенгерс 1986: 229].

Складывающиеся таким образом новые конфигурации устойчивых связей между элементами системы, И. Пригожин характеризует как диссипативные структуры. Этим подчеркивается, что они вырастают из процессов, сопровождающихся рассеянием (диссипацией) или потерями энергии и информации, снижением меры упорядоченности и устойчивости системы. Другая сторона специфики диссипативных структур отражает тот факт, что в неустойчивом состоянии резко повышается восприимчивость системы к внешним силам, к воздействию окружающей среды. Таким образом, диссипативные структуры могут рассматриваться как формы адаптации системы к внешним условиям [Пригожин, Стенгерс 1986: 55].

При этом всегда существуют некие особые силы или точки притяжения – аттракторы, которые задают траекторию системы, определяют наиболее вероятные ее состояния или структуры. Смена динамических режимов системы (от одного стационарного состояния через неустойчивость и бифуркацию к новой упорядоченности и устойчивости) означает, что каждый раз система начинает реагировать на новый набор аттракторов, задающих ей более сложную траекторию. В целом определение возможных путей дальнейшей эволюции системы осуществляется через механизм отбора. Таким образом, в ходе своей эволюции сложные неравновесные системы описывают траекторию в собственном фазовом пространстве (state space), отмеченном определенной характерной конфигурацией. Тот факт, что при бифуркации мы не можем предугадать точную траекторию системы, – не препятствие к тому, чтобы представить и предсказать базовые конфигурации, которые развивающаяся система явит с течением времени [Ласло 1993: 27].

Принципиальная новизна синергетики в ее общем виде заключается в том, что в противоположность классической динамике она описывает процессы в открытых динамических системах как направленные во времени (необратимые) и нелинейные (вероятностные, скачкообразные), но в противоположность классической термодинамике она одновременно рассматривает их как процессы самоорганизации, которые способны приводить не к неуклонному возрастанию энтропии и конечному хаосу, но к возникновению все более сложных упорядоченных структур. В этой связи в контекст синергетического подхода прямо вводится понятие «исторической перспективы», возникающей в ходе эволюции системы, а ее «история» моделируется следующим образом: «"Историческая" траектория, по которой эволюционирует система при увеличении управляющего параметра, характеризуется чередованием устойчивых областей, где доминируют детерминистические законы, и неустойчивых областей вблизи точек бифуркации, где перед системой открывается возможность выбора одного из вариантов будущего... Эта смесь необходимости и случайности и составляет "историю" системы» [Пригожин 1991: 50; Пригожин, Стенгерс 1986: 227-228].

Синергетика не претендует на всеобщность своих принципов. И. Пригожин и И. Стенгерс подчеркивают, что необратимость – явление не универсальное. Мир далеко не однороден, существуют различные классы динамических систем и синергетический подход применим лишь к определенным их типам. При этом каждый раз необходимо определять – имеется ли в структуре динамических систем данного типа нечто специфическое, что ориентирует их эволюцию во времени и позволяет им «отличать» прошлое от будущего [Пригожин, Стенгерс 1986: 58]. Ни в биологической, ни в экологической или социальной эволюции нельзя считать заданным определенное множество взаимодействующих единиц или определенное множество преобразований этих единиц. Это означает, «что определение системы необходимо модифицировать в ходе эволюции» [Пригожин, Стенгерс 1986: 250]. Любая попытка зафиксировать состояние системы, меру убывания или возрастания порядка требует всякий раз переопределять рассматриваемые единицы [Пригожин, Стенгерс 1986: 60]. Более того, в отличие от систем в слабо неравновесной области поведение сильно неравновесных систем весьма специфично. В сильно неравновесной области не существует универсального закона, из которого можно было бы вывести заключение относительно поведения всех без исключения систем. Каждая сильно неравновесная система требует особого рассмотрения [Пригожин, Стенгерс 1986: 200].

В совокупности этих положений усматривается одно из ключевых методологических условий адекватности применения синергетического подхода к объекту исторического познания. Оно заключается в том, что любой попытке интерпретации исторических явлений и процессов в терминах «системной бифуркации», «самоорганизации», «нелинейности» и т.п. должно предшествовать определение исследуемого объекта как системы и определение его специфики как особого типа системы. Речь в данном случае идет о логическом предшествовании. Синергетические модели по определению являются моделями особого рода системной эволюции.

На первый взгляд синергетический подход парадоксальным образом ставит под сомнение самые фундаментальные и очевидные для современного человека представления об историчности, т.е. направленной во времени эволюции социального мира. Ведь с точки зрения синергетики различие между прошлым и будущим и необратимость (стрела времени) могут входить в описание системы только в том случае если она ведет себя достаточно случайно если будущее не задано. Если будущее каким-то образом содержится в настоящем, в котором заключено и прошлое, то что собственно означает стрела времени? – спрашивают И. Пригожин и И. Стенгерс [Пригожин, Стенгерс 1986: 59]. Но практически все современные общества в своей жизнедеятельности руководствуются представлением о взаимообусловленности прошлого настоящего и будущего [Барг 1987: 5]. Они не могут функционировать, не помня своего прошлого и не проецируя это знание на будущее. Конструкция времени, различающая его модальности, оказывается функцией не наблюдателя или исследователя, а самого общества и реализуется она в его культуре.

Различение прошлого, настоящего и будущего в этом случае должно не только входить в описание системы но и существенно модифицировать представление о случайном поведении применительно к человеческому обществу. Здесь следует принимать во внимание две специфические характеристики социальных систем (целостностей).

Во-первых, в отличие от физико-химических систем (но подобно биологическим) человеческое общество и на микроскопическом (вплоть до индивидуального) и на макроскопическом уровне характеризуется высокой степенью сложности. И. Пригожин и И. Стенгерс подчеркивают любопытное различие примеров самоорганизации из неорганической химии и биологии. В первом случае молекулы участвующие в реакциях просты тогда как механизмы реакции сложны. Во втором схемы реакций просты, тогда как молекулы в них участвующие весьма сложны. Объясняется это тем что у биологических систем есть прошлое. Образующие их молекулы итог предшествующей эволюции [Пригожин, Стенгерс 1986: 209]. Это наблюдение имеет еще больше оснований для случая социальных систем. Социальное время не просто проходит, а накапливается в опыте, культуре и институтах общества. Индивиды обретают способность к выполнению социальных ролей только в процессе социализации, в частности, получив знания о сложившихся до них правилах, по которым функционирует данная социальная система. Институты же как функциональные подсистемы общества целиком являются продуктом социальной эволюции. И в этом смысле, социальная жизнь по определению выступает как феномен самоорганизации.

Во-вторых, человеческое общество и на микроскопическом и на макроскопическом уровне функционирует сознательно (но не обязательно рационально). Индивидуальное и общественное самосознание подразумевает отношение к прошлым и будущим поколениям как к «другим». Общество обладает не только историей, но и историческим сознанием. Последнее соединяет в себе и познавательный (ту или иную интерпретацию происхождения данной социальной целостности) и практический (индивидуальное и общественное целеполагание) интерес. Столь же существенно и другое. Практически всем социальным явлениям, институтам и действиям приписывается некоторое ценностное (культурное) значение. Любые флуктуации в системе социальных взаимодействий соотносятся с ценностно-нормативными основами социального порядка и приобретают тот или иной смысл. С этой точки зрения даже общественный хаос должен быть понят, а общественная эволюция всегда находит свое объяснение. Общество в принципе не может согласиться с тем, что выбор дальнейшей траектории его развития есть «такой же случайный процесс как бросание монеты» [Пригожин, Стенгерс 1986: 237].

Познавательный контекст применения синергетического подхода к эволюции этно-региональных исторических систем

Выше отмечены только наиболее общие черты, отличающие социальные образования от природных систем. С одной стороны, этого достаточно, чтобы увидеть – применительно к объекту исторического познания синергетический подход может предложить некий дополнительный способ описания, но не может заменить иные способы. С другой стороны, его реализация требует существенно более конкретного и четкого определения объекта исследования. Именно в этом направлении идет в последние годы в теоретической социологии и в философии истории развитие представлений об основной единице социологического и исторического анализа – обществе.

В русле марксистской традиции весьма глубокие и плодотворные идеи развивал Ю.И. Семёнов [Семёнов 1997]. Прежде всего, он предлагал различать основные значения слова «общество». Во-первых, это конкретное отдельное общество, представляющее собой относительно самостоятельную единицу исторического развития – социально-исторический организм или социор. Во-вторых, это пространственно ограниченная система социально-исторических организмов или социорная система. В-третьих, это все когда либо существовавшие социально-исторические организмы вместе взятые – человеческое общество в целом. В-четвертых, это общество вообще, безотносительно к каким-либо конкретным формам его реального существования. В-пятых, это общество определенного типа (например феодальное или индустриальное). Субъектами исторического процесса являются и отдельные социально-исторические организмы и социорные системы различного иерархического уровня и человеческое общество в целом [Семёнов 1997: 160-161]. Основной порок ортодоксальной версии смены общественно экономических формации Ю.И. Семенов видел в том, что в ней единство мировой истории сводилось к общности законов, действующих в каждом социально-историческом организме и предписывающих каждому из них прохождение одних и тех же стадий или формационных ступеней. А вот связям горизонтальным, связям между сосуществующими в пространстве социально-историческими организмами значения не придавалось [Семёнов 1997: 159]. И проистекал этот порок именно из-за отсутствия в ортодоксальном историческом материализме «понятия конкретного отдельного общества, являющегося относительно самостоятельной единицей исторического развития, т.е. понятия социоисторического организма» [Семёнов 1996: 82].

Со своей стороны, крупнейший западный социолог нашего времени Э. Гидденс возражает против концентрации внимания на обществе как четко отграниченной социальной системе во всей ее полноте. Во-первых, такое представление стимулирует преимущественный интерес к эндогенным моделям социального изменения, предполагающим, что исходные побудительные импульсы социальной трансформации проистекают изнутри общества. Э. Гидденс считает очевидной ограниченность такой позиции. Ведь все типы

социальных систем, начиная от малых дописьменных культур и аграрных государств и кончая современными социальными образованиями, всегда существуют в контексте интерсоциальных систем, который самым серьезным образом влияет на их природу и траектории развития. Во-вторых, оно плохо согласуется с характером дописьменных культур и аграрных государств прежних эпох, то есть тех «обществ», с которыми была связана большая часть исторической жизни человечества. С одной стороны, аграрные государства, как правило, отличались крайней сегментарностью и внутренней гетерогенностью; они не обладали границами в современном смысле слова, а скорее имели размытые, подвижные «рубежи». С другой – что касается дописьменных культур, то вопреки традиции, отождествляющей «общество» с ограниченной локальной общиной, крайне трудно определить, где кончается одна культурная единица и начинается другая [Гидденс 1993: 65-66].

Наиболее последовательный вариант критического пересмотра понятия «общество» как основной единицы социального и исторического анализа принадлежит основоположнику современной школы миросистемных исследований И. Валлерстайну [Валлерстайн 1997]. Он подвергает сомнению основные постулаты либерально-прогрессивистской (просветительской) идеологии относительно природы общества и истории. Среди них представление о рациональном характере общественных структур и предопределенности прогресса; о том, что общества суть самодостаточные социальные системы с исключительным членством, границы которых, соответствуют границам государств («что каждое государство содержит одно и только одно “общество” и что каждый из нас является членом только одного такого общества»); о том, что экономика, гражданское общество и государство представляют собой автономные сферы общественной жизни, подчиняющиеся собственным принципам [Валлерстайн 1997: 12-13].

Основной единицей социального анализа на его взгляд, должно служить не «общество», а «исторические системы». Они выстраиваются на основе развивающегося разделения труда и границы их определяются границами эффективности свойственного им разделения труда; они обладают разнообразными институтами, обеспечивающими их функционирование и воспроизводство в соответствии со своими базисными принципами (причем «все институты действуют одновременно и политически, и экономически, и социокультурно и не могут быть эффективными иначе»). Вместе с тем они историчны и каждая из них имеет свое начало и свой конец [Валлерстайн 1997: 13]. В качестве примеров исторических систем И. Валлерстайн указывает капиталистическую мировую экономику, Римскую империю, структуры майя в Центральной Америке и замечает, что существует несчетное количество малых исторических систем [Валлерстайн 1997: 14].

В центре интересов самого И. Валлерстайна находится мировая капиталистическая система (или современная мир-система), возникновение которой он относит к концу XV в. Здесь нет возможности и необходимости излагать его концепцию по существу. Отметим главное для целей этой статьи. При объяснении механизмов генезиса мировой капиталистической системы, ее

функционирования и нынешней фазы трансформации используется, по словам самого И. Валлерстайна, пригожинская модель нелинейных процессов, выражающая некумулятивные, недетерминированные радикальные трансформации. «Концептуальное объяснение упорядочивания процессов мирового универсума не связанных с детерминацией, – подчеркивает он, – выступает наиболее интересным достижением познания в области естественных наук за последние десятилетия и означает коренной пересмотр господствующего научного мировоззрения характерного для модерна. Оно также является на мой взгляд наиболее удачным возрождением идеи творческого начала во Вселенной включая человеческое общество» [Валлерстайн 1997: 18].

Во всех рассмотренных вариантах построения более конкретных, дифференцированных представлений об объекте социально-исторического познания можно обнаружить некоторые общие черты. Во-первых, это стремление в более полной мере учитывать, что любые социально-исторические образования представляют собой не жестко отграниченные друг от друга самодостаточные единицы, а открытые системы высокой степени сложности. Во-вторых, это ясное понимание того, что первичные единицы социальной реальности (будь то общества или исторические системы) всегда включены в более широкие интерсоциальные системы различного уровня (от локально-регионального до мирового) а, следовательно, историк всегда решает двойную проблему выбора и определения (вычленения) объекта своего исследования. В-третьих, из сути отмеченного выше, следует, что каждая, выделенная таким образом социально-историческая система (как субъект исторического процесса), имеет собственную индивидуальную историческую траекторию, которая в ее конкретном виде не выводима из каких-либо общих законов и вместе с тем не поддается полному объяснению на основе только внутренних для данной системы причинно-следственных связей.

Дальнейшие уточнения связаны со спецификой истории по сравнению с другими науками, изучающими общество и человека. Любые социальные образования становятся объектами исторического познания только будучи соотнесены со временем, с каким-то процессом изменений, одновременно отделяющим и связывающим прошлое и настоящее [Савельева, Полетаев 1997: 19-20]. Следовательно, синергетический подход может оказаться «адекватным», обоснованным и продуктивным и в случае его применения к описанию и объяснению всей исторической траектории данной системы, а не только в выборочно-иллюстративной привязке к ее отдельным аспектам и фазам.

С этой точки зрения адыгский мир и Кабардино-Балкария, как объекты исторического (в отличие от социологического, этнологического и т.п.) познания могут быть представлены в качестве определенных разновидностей малых исторических систем, а именно – этно-региональных исторических систем. И в том и в другом случае это понятие в определенной степени соответствует понятию цивилизации в узком смысле данного обозначения, которое подразумевает просто «длительное существование во времени и

воспроизводство специфической пространственно-временной исторической целостности» [Хвостова 1995: 189]. Оно соответствует, как можно полагать, методологическим принципам и самой синергетики, для которой признание универсального эволюционизма не означает неизбежности единого универсального описания. Напротив, подчеркивают специалисты, центральной идеей теории самоорганизации при исследовании эволюционирующих общественных систем является четкое определение различных уровней описания и выяснение условий, позволяющих переходить от одного уровня к другому [Пригожин 1985: 12].

В реальной исследовательской практике построение или применение любых моделей, интерпретирующих всю историческую траекторию данного социального образования (общества, государства, народа и т.д. и т.п.) возможно только в соотношении со всей суммой накопленного эмпирического (источникового) и концептуального (историографического) знания о нем. Никакие новые «переосмысления», предполагающие игнорирование или отбрасывание этого знания, не могут претендовать на сколь-нибудь фундаментальное значение. Как подчеркивал В.Б. Губин, нельзя применять «синергетический подход», т.е. какие-то феноменологические описания, уравнения или эффекты синергетики, не выяснив предварительно, что там происходит на самом деле [Губин 2006: 11].

С другой стороны, дело не может ограничиваться и традиционной формой анализа историографии проблемы. В данном случае следует учитывать и более глубокие факторы, ориентирующие историческое познание. Описание и анализ социальных процессов, отмечают И.М. Савельева и А.В. Полетаев, зависят от положения наблюдателя во времени, от того, что именно для него является прошлым, настоящим и будущим и, соответственно, от его представлений о каждом из этих трех компонентов временного процесса: его памяти (знаний, информации, представлений о прошлом) и его ожиданий (прогнозов, представлений о будущем). Существенное значение имеет, наконец, степень осознания исследователем своей двойственной роли наблюдателя и действующего [Савельева, Полетаев 1997: 91]. Иными словами требуется учитывать более общий познавательный контекст, в котором осуществляется историческое познание.

Современная познавательная ситуация в историографии и мировой, и российской, и региональной поддается, как минимум, метафорическому описанию в терминах синергетики. Громадное расширение предметного поля исторических исследований вплотную подвело к порогу устойчивости истории как единой научной дисциплины, к развитию процессов ее фрагментации и дезинтеграции. Соответственно этому, имеет место глубокий кризис принятых ранее синтезных моделей объяснения исторического процесса. В области теоретико-методологических построений наблюдается то, что можно было бы назвать парадигмальным хаосом. Наряду с разработкой традиционных и новых синтезных объяснительных схем провозглашается полный релятивистский отказ от поиска глобальных исторических парадигм и агрессивное выдвижение концепций, прямо направленных на разрушение гносеологических основ и

всего традиционного образа истории, как дисциплины, реконструирующей прошлое в его наиболее существенных чертах [Могильницкий 1993: 7].

В российской исторической науке (включая северокавказскую и кабардино-балкарскую историографию) ситуация усугубляется неукорененностью традиций теоретико-методологического плюрализма и крушением теоретической монополии ортодоксальной советской версии марксизма. В результате, резкая политизация исторической науки и кристаллизация весьма острых граней идейно-политического плюрализма в сообществе российских историков несколько опередили процесс становления естественного плюрализма научно-теоретических подходов. Тем не менее он развивается, показателем чего служит довольно активное обсуждение теоретико-методологических проблем на страницах исторических журналов. Гораздо более тревожной, с точки зрения науки, представляется ситуация в сообществе историков Кабардино-Балкарии. Во-первых, здесь на первый план выступил не столько политический плюрализм, сколько этноцентристские тенденции и этнонациональное размежевание. Во-вторых, затянулось состояние своего рода «концептуальной апатии» историков Кабардино-Балкарии, активная разработка и широкое обсуждение проблем теоретико-методологического переоснащения исторической науки практически не начаты.

Между тем нельзя рассчитывать, что одно только расширение источниковой базы и фактических данных обеспечит дальнейшее продвижение и позволит идти в ногу с российской и мировой исторической наукой. В истории исторической науки континуитет, т.е. значительная преемственность фактической ее основы, сочетается с прерывностью, периодической сменой объяснительных схем, концептуальных структур, парадигм [Барг 1987: 18]. Современная познавательная ситуация воплощает скорее эту вторую сторону развития науки. Более того все шире утверждается представление о «нелинейности» процессов обновления научного знания, о невыводимости, принятых на данной стадии теорий, как особых способов символического представления действительности, из предшествующих этапов развития науки. Наиболее общие и фундаментальные проблемы возникают или «встают» перед историографией, как правило, не в связи с ее внутренним развитием, а в связи с глубокими изменениями окружающей исторической действительности.

Под таким углом зрения Ю.Н. Афанасьев рассматривал советскую историографию, характеризуя ее как «особый научно-политический феномен». За годы своего развития она накопила целую систему свойств и качеств, сформировала особый образ науки, собственные представления о критериях научности, функциях, задачах, назначении истории. Она создала свой пантеон актуальных тем и проблем и собственный язык. Между тем конец XX в. принес обществу целую серию новых идей и проблем, которые нынешней отечественной историографией, во многом еще связанной с советским периодом его развития не могут быть восприняты. Речь идет не о том, что она не способна решать те или иные проблемы, а о том, что она неспособна воспринимать эти проблемы как научные. Кроме того, советская историография была органическим элементом определенного типа

общественного развития. Кризис, в котором он оказался на исходе века, возможно преодолеть через изменение традиционалистских основ общества, раскрыть которые исторической науке не довелось [Афанасьев 1996: 165-166].

Этой оценке не откажешь в глубине и весомости. Вместе с тем здесь неявно подразумевается, что сам объект науки – реалии исторического прошлого – никак не отразился в ней, не повлиял на ее логику, проблематику, язык. Более обобщенный, и, пожалуй, более убедительный подход к анализу эволюции исторического знания развивал Н.И. Смоленский. Перерывы постепенности в развитии исторической теории он связывает с тем, что качественное развитие истории не завершено ни в одной из ее фаз, и эта незавершенность порождает необходимость переосмысления соотношении теории с развивающейся действительностью. Повороты истории, ее обновление могут приводить к развитию и обогащению одних теоретических положений, к отрицанию других и к возникновению иных вариантов теории, соотношение которых с наличным теоретическим наследием невозможно предугадать [Смоленский 1998: 8]. Но в конечном счете, любые теории нацелены на объяснение реально осуществившегося в прошлом исторического развития, фундаментальным свойством которого является инвариантность. Один из нескольких или единственно возможный вариант развития событий, реализованный в действительности, и есть ставшая, т.е. окончательная и неизменная с точки зрения последующего развития или познавательных интересов людей форма исторической реальности [Смоленский 1996: 5].

Не означает ли это, что одна-единственная, ставшая, история может быть адекватно описана и объяснена только на основе одной-единственной истинной теории? Такой вывод не содержится и не вытекает из рассматриваемой позиции. История у людей одна, замечает Н.И. Смоленский, но «она никого ни к чему не обязывает, ибо ни в теоретико-познавательном отношении, ни в социально-практическом плане не предписывает какого-либо однозначного к себе подхода» [Смоленский 1996: 5]. Более того, множественность, плюрализм теоретических и конкретно-исторических интерпретаций не только возможны, а неизбежны, и составляют естественную форму развития исторического знания. Во-первых, возможность и неизбежность плюрализма заложена в самой действительности, фундаментальными свойствами которой являются многообразие, многогранность каждого явления и неисчерпаемость, причем ни одно из этих качеств не может быть преодолено вполне в индивидуальном акте познания. Во-вторых, гносеологической основой плюрализма является активность позиции историка, которая неустранима из познания, и которая делает его подход к действительности избирательным [Смоленский 1998: 8-9].

Здесь становится очевидным, как думается, что адекватным способом осмысления современной познавательной, ситуации в области исторической науки может быть ее анализ с привлечением общего гносеологического содержания принципа дополненности. Он был сформулирован Н. Бором как обобщение соотношения неопределенностей В. Гейзенберга для релятивистской квантовой механики, а в дальнейшем органически вошел в систему познавательных принципов синергетики. В контексте данной статьи

существенны два его основных аспекта. Во-первых, это отход от классического понятия объективности в физике, согласно которому существует единственное объективное описание, и оно является полным описанием системы «такой, как она есть», не зависящим от выбора способа наблюдения. Однако принципиальная невозможность одновременно зафиксировать и координаты и импульс объекта при квантово-механическом измерении заставляет выбирать измерительное устройство (макроскопический измерительный прибор) в соответствии с тем, что именно собирается измерить наблюдатель, т.е. в соответствии с вопросом на который требуется дать ответ. Результат измерения в этом смысле может быть представлен только как описание взаимодействия между квантово-механической системой и измерительным прибором, описание прибора входит как неустранимый элемент в описание объекта. Во-вторых, поскольку физику приходится каждый раз выбирать свой вопрос, свой язык, свой макроскопический прибор, то существует неустранимая множественность представлений системы. Ее физическое содержание не исчерпывается каким-либо одним теоретическим языком. Но различные языки и точки зрения на систему могут оказаться дополнительными. Все они связаны с одной и той же реальностью, но не сводятся к одному и тому же описанию. «Реальный урок, который мы можем извлечь из принципа дополненности (урок, важный и для других областей знания), – обобщают И. Пригожин и И. Стенгерс, – состоит в констатации богатства и разнообразия реальности, превосходящей изобразительные возможности любого отдельно взятого языка, любой отдельно взятой логической структуры. Каждый язык способен выразить лишь какую-то часть реальности» [Пригожин, Стенгерс 1986: 290].

Здесь надо подчеркнуть, что взаимная дополненность различных описаний достигается не простым их суммированием, а возможностью переходить с одного языка описания на другой. В свою очередь этот переход может происходить только на весьма высоком уровне обобщений, выявляющем логико-методологические основания (характеристики «измерительных средств») каждого из них. Следовательно, признание неустранимой множественности теоретических и конкретно-исторических интерпретаций не снимает вопроса о достижимости исторического синтеза. Поиски предпосылок для исторического синтеза ведутся в двух основных направлениях. На онтологическом уровне они связаны с постулированием либо обоснованием фундаментального единства предмета исторического познания (инвариантности прошлого, исторической закономерности, единства всемирно-исторического процесса, человеческого фактора т.п.). На гносеологическом уровне на первый план выдвигается поиск единства и границ истории как научной дисциплины через определение специфического для нее метода, способа представления реальности, каковым обычно признается исторический нарратив. Весьма перспективным здесь представляется тот анализ познавательных предпосылок исторического синтеза, который развивает И.Н. Ионов, опираясь на позднейшие разработки в рамках традиции немецкого историзма [Ионов 1995]. Причем этот анализ в значительной степени гносеологически адекватен принципу дополненности. В самом общем виде

речь идет о построении единой теории исторического времени, но важно учитывать специфику подхода к решаемой задаче.

Прежде всего, в современном контексте антропологизации истории по-новому ставится проблема человека не только как субъекта истории, но и субъекта исторического исследования, и вопрос о соотношении объективного и субъективного моментов в историческом знании ставится в центр анализа. Решение его основывается на понимании науки как инструмента адаптации человека к среде его деятельности, причем не только к внешней, но и духовной среде, к созданному самим человеком образу мира. С этой точки зрения всякое знание, в том числе историческое, представляет собой не только познавательный, но и компенсаторный механизм. Гуманитарная наука (подобно религии и философии) представляет собой инструмент преодоления разрыва между сущим и должным в мире [Ионов 1995: 21].

Активная позиция историка, стремление достичь соединения сущего и должного не в потустороннем, а в реальном мире приводит к тому, что в центр его внимания ставится воля человека в истории, историк организует исторические события как «свою» историю, историю своего народа и государства. Вне компенсаторной функции истории невозможно выявление ее смысла для познающего поколения, а значит невозможно достичь исторического синтеза. Если бы логика собственного времени историка не воздействовала на процесс исследования, то его результаты остались бы совершенно экзотичны и непонятны для современников, как по форме, так и по содержанию [Ионов 1995: 22-31].

Таким образом, предметом изучения историка является не просто прошлое, а прошлое, которое тесно связано с настоящим и будущим. Вопрос заключается в том, как в данном настоящем связаны временные измерения прошлого и будущего. Объектом исторического исследования становится «перевал во времени», процесс реорганизации прошлого и будущего по отношению к настоящему. Следствием такой постановки вопроса был вывод о множественности стратегий историка по отношению к исторической реальности и самое главное – о множественности его волевых проявлений, в числе которых изучение прошлого как предпосылки собственного настоящего является не единственным, а лишь самым простым вариантом. Исторический горизонт, как «горизонт ожидания» может быть перемещен и в область «не нашего» прошлого, не реализованных пока в широком масштабе, «спящих» исторических альтернатив. Целью такой операции может быть поиск возможных исторических предшественников для возможного будущего, в котором оказались бы разрешаемыми проблемы настоящего. Одновременно с предпосылками исторического синтеза здесь создаются предпосылки для преодоления кризиса ориентации, поразившего современное общество. Индивидуальный смысл истории для историка может объективироваться, войдя в историческое сознание общества и стать предпосылкой общественной деятельности [Ионов 1995: 32-33].

Тщательный анализ намеченных в указанном подходе путей к историческому синтезу особенно актуален для российской исторической науки

и отдельных национальных школ в ее рамках. В самом деле, расщепленное состояние исторического процесса (очередной модернизационный «рывок» России и новая фаза ее культурной колонизации Западом одновременно с постмодернизационным сдвигом на самом Западе и в ряде традиционных обществ) сопровождалась глубоким духовно-идеологическим кризисом, который далеко не преодолен [Федотова 1996; Кара-Мурза и др. 1995]. Проявлялся он, согласно наиболее убедительным оценкам, в двух основных формах: а) в кризисе национальной идентичности, утрате чувства исторической перспективы и понижении уровня самооценки нации; б) в разрыве единого духовного пространства и утрате национального консенсуса по поводу базовых ценностей [Кара-Мурза и др. 1995: 6]. В этих условиях весьма глубокими представляются замечания В.Г. Федотовой о том, что социальные сдвиги требуют от историка установления связи времен и хранения и установления идентичности. (Кто мы? Куда идем? Как соотносимся со своим прошлым? Что ждет нас в будущем?). Идентичность, как самоощущенность, и вместе с тем нахождение более общего источника своих норм соединяет локальное и универсальное. Потеря идентичности ведет к утрате ценностей в масштабе общества, к потере смысла жизнедеятельности и доверия к себе. В точках разрыва, где идентичность разорвана реально, историк не может восстановить ее иначе, как на бумаге. Но он может проследить другие такие точки, опасные пределы потери самосознания. Его исследования по отечественной истории и есть история идентичности и самосознания, каким бы конкретным предметом он ни был занят [Федотова 1996: 61].

Наблюдения за текущим состоянием и северокавказской историографии, и историографии Кабардино-Балкарии подтверждают актуальность для них отмеченных выше тенденций. В различной степени тяготея к научности или к мифологизации, историки так или иначе пытались решить четыре фундаментальные проблемы. Во-первых, проблему реконструкции прошлого как собственной истории, как особого исторического пути, самостоятельно пройденного народами Северного Кавказа. Во-вторых, это подводило к неизбежности к поиску форм представления народов региона в качестве субъектов исторического процесса, а не «этнографического материала» или объекта исторического творчества каких-либо внешних сил. В-третьих, возникла необходимость переосмыслить соотношение разрывов и преемственности в историческом развитии, соотношение традиции, современности и перспектив жизни народов региона в рамках целостных концепций их национальной истории. В-четвертых, явно ощущалась потребность найти такое содержание концепций национальной истории, которое могло бы воплотиться в формы общественного сознания, стать инструментом ориентации и предпосылкой общественной практики.

Таким образом, синергетические принципы нельзя просто ввести в область исторического адыговедения и истории Кабардино-Балкарии взамен каких-либо «устаревших» подходов. Они могут выступить как некий дополнительный способ описания и интерпретации исторического процесса, способствующий более полному осмыслению исторического опыта

современных адыгов и балкаро-карачаевцев. Но целостность исторического опыта (как проявление континуитета, преемственности в историческом развитии) и единство исторического субъекта этого опыта (как проявление его самоидентичности) представляют собой не эмпирическую данность, а проблему, искомый результат научной реконструкции исторического процесса.

Конкретный вид, который приобретает эта проблема зависит от гносеологической, культурной и гражданской идентичности субъекта исторического исследования, от самосознания и позиции историка. Они проявляются в его представлениях о настоящем и будущем названных выше этно-региональных систем, и о природе основных структурных компонентов их составляющих. В основе же этих представлений лежат ценностные ориентации историка, его отношение к элементам традиционного и современного в структуре этих систем, к дифференцирующим и интегрирующим тенденциям в их развитии.

Историческая траектория адыгского этносоциального ареала в терминах синергетики

Имеет смысл начать очерк исторической траектории адыгского мира и Кабардино-Балкарии «в терминах синергетики» с определения ее периодизационной схемы. Она должна опираться на утвердившиеся в историографии представления о значимых вехах исторического развития и вместе с тем последовательно воплощать общую логику «стационарно-разрывных» моделей исторической периодизации, с четким выделением периодов стационарного (устойчивого) состояния, интересующих нас исторических систем и «разрывов» между ними, т.е. переходных периодов интенсивных социально-политических и культурных сдвигов [Савельева, Полетаев 1997].

С этой точки зрения в общем представлении адыгской истории выделяются три крупные эпохи [Исторический очерк 2006].

Во-первых, это эпоха генезиса и становления традиционного адыгского мира и традиционной Кабарды и Балкарии (до XV в.).

Во-вторых, эпоха зрелости и кризиса традиционного адыгского мира; эпоха исторической Кабардино-Балкарии (XVI – начало XX в.).

В-третьих, современная эпоха, эпоха социально-политической интеграции адыгской этно-региональной системы в Российское большое общество, эпоха модернизации и этнонациональной консолидации современных адыгских народов, эпоха современной Кабардино-Балкарии (1917 – конец XX в.).

В контексте этой работы представляет интерес и более детальная периодизация традиционной и современной эпохи с обозначенных выше позиций.

В рамках традиционной эпохи можно, таким образом, выделить 1) XVI-XVIII вв., как период устойчивого воспроизводства традиционной этно-региональной системы; 2) 1790-1860-е годы, как период ее разрушений и

кризиса; 3) 1870-1917 год как период стабилизации и первичной адаптации адыгской и кабардино-балкарской этно-региональных систем в новой социально-политической среде.

В рамках современной эпохи выделяются 1) 1917-1950-е годы, как период интенсивной перестройки институциональной, социальной, культурной сфер воспроизводства этно-региональных систем; 2) 1960-1980-е годы как период модернизации и активного освоения этническими сообществами социального и культурного пространства большого советского общества; 3) 1990-е годы как кризисный и переходный к новому социальному порядку период.

Достаточно очевидно, что эта схема соответствует и синергетическому представлению истории системы, как нелинейной траектории, которая характеризуется чередованием устойчивых областей, где доминируют детерминистические законы и неустойчивых областей вблизи точек бифуркации, где развитие приобретает вероятностную природу [Пригожин, Стенгерс 1986: 227]. Это неудивительно, ибо вряд ли надо доказывать, что в истории адыгской и кабардино-балкарской этно-региональных систем роль «переключателя», открывающего очередной переходный период и уводящего от равновесия, играли каждый раз экзогенные для них, т.е. внутренне недетерминированные факторы. По этой причине попытка описания их исторической динамики в «терминах синергетики» может иметь определенный смысл.

Для устойчивых областей исторической траектории основные вопросы будут связаны, видимо, с анализом механизмов их интеграции и воспроизводства, факторов структурной устойчивости, с выявлением социального центра тяжести изучаемых систем. Для неустойчивых областей на первый план выступает описание процессов самоорганизации и анализ сопутствующих им явлений (параметры порядка, когерентность социального поведения, структурные предпосылки адаптации систем к среде). Следует подчеркнуть, в общем плане, что если в неустойчивой, кризисной фазе не прослеживаются процессы самоорганизации и адаптации, то нельзя говорить о продолжении истории данной системы. Наконец, общая интерпретация исторической динамики как нелинейного процесса подразумевает, во-первых, что система эволюционирует в пределах «собственного фазового пространства», демонстрируя преемственность своих базовых конфигураций, а во-вторых, что она развивается, приобретая все более сложные «диссипативные» структуры.

Дальнейшее изложение построено с учетом высказанных соображений. Целостность адыгской этно-региональной системы в период ее зрелости (XVI-XVIII вв.) обеспечивалось весьма сложным (и неодинаковым для различных сфер общественной жизни) сочетанием вертикальных и горизонтальных связей. Но в обобщенном выражении ей был скорее присущ своеобразный горизонтальный тип социетальной интеграции. Здесь отсутствовало единое для адыгского мира пространственное и функциональное средоточие центральных институтов политической и культурной системы, а следовательно отсутствовала и периферия. Множество вертикальных иерархических

социально-политических связей, присущих любому традиционному обществу с достаточно дифференцированной социальной структурой, сходилось в вершинных точках локальных структур и политических сегментов этно-региональной системы. Все вертикальные социополитические структуры, связи и зависимости замыкались и легитимировались в едином культурном горизонте. Базовая для него система ценностно-нормативная система выполняла функции «параметров порядка», основного фактора интеграции и регулирования всех видов социальных взаимодействий внутри адыгского мира.

Основной социальной единицей, местом сгущения всех социальных связей и средоточием отправления почти всей полноты функций социокультурного воспроизводства выступала адыгская деревня, вотчина-община. С этим связана важная особенность сферы трансляции социальных традиций и поддержания ценностно-нормативных образцов традиционной культуры, а именно – неспециализированность, синкретизм общественных и культурных функций различных социальных групп и институтов. Но адыгское общество не может быть сведено к локальной общине, ибо в рамках отдельных социальных единиц указанные функции легитимировались именно этносоциальной традицией и отнесением к общеадыгскому культурному миру.

Явно выраженная культурная однородность адыгского этнического ареала составляла основу еще двух факторов его интеграции. Во-первых, внутри него существовала весьма высокая степень осознания общеадыгской идентичности и «выделенности» из социокультурного окружения. Возможно, это объясняется длительным историческим опытом выживания в динамичной и часто «агрессивной» этнополитической среде, а также тем, что адыгский мир так и не был интегрирован в более широкие культурно-цивилизационные общности (христианскую или исламскую). Традиционная культура адыгов носила именно этнический характер. Во-вторых, благодаря этим обстоятельствам, довольно четкая территориально-политическая локализация субэтнических групп в принципе не препятствовала демографическому обмену и поддержанию «дальнодействующих» (в масштабах общеадыгского пространства) видов социально-политических связей.

Феодално-иерархические структуры и отношения выступали в качестве основного механизма интеграции надобщинных, надвотчинных социально-политических единиц (территориально-политических образований). Но они же прочно блокировали тенденции к политической консолидации в более широких масштабах.

Стабилизация адыгской этно-региональной системы в окружающей социально-политической среде обеспечивалась гетерогенным и достаточно сложным механизмом. Прежде всего, она имела не четко очерченные и жесткие внешние границы, а скорее размытые и подвижные «рубежи» (в терминологии Э. Гидденса). Отношения с непосредственным этносоциальным и этнополитическим окружением поддерживались через устойчивые, институализированные формы социально-политического «сцепления» с ним по всему периметру адыгского мира. Напротив, в отношениях с более отдаленными, но могущественными геополитическими центрами притяжения

действовала своего рода система взаимодействия-отталкивания, воплощающаяся в неинституализированном, конъюнктурном поведении субъектов политической активности, каковыми являлись по преимуществу группировки феодальной элиты.

Таким образом, адыгская этно-региональная система в «классический» период традиционной эпохи (XVI-XVIII вв.) – это своеобразный исторический феномен. Она представляла собой нечто большее, чем только этническая общность и нечто иное чем общество, а тем более государство. Думается, что к ней применимо понятие «цивилизация» том смысле, в каком его применяли основоположники школы «Аналлов». Под цивилизацией они имели в виду социокультурную целостность произвольного масштаба, воплощенную в образе жизни и типе ментальности, которые, в свою очередь, связаны с естественно-географической, демографической и социально-политической средой, с хозяйственно-экономическими и политическими способами выживания в условиях этой среды [Ионов 1994: 45]. Может быть, терминологически предпочтительнее понятие «социоцивилизационной системы» (Ш. Айзенштадт). С одной стороны, оно акцентирует первичность социокультурных критериев идентификации системы, а с другой – более отчетливо указывает на ее локальный, маломасштабный характер.

Относительная рыхлость, как бы «делимость» социально-политического тела адыгской социоцивилизационной системы порождала ее особую уязвимость и проблематичность воспроизводства ее пространственной и временной целостности в случае столкновения с достаточно мощным, проникающим и жестким воздействием извне. Но ввиду неспециализированности, синкретизма функций социокультурного воспроизводства в адыгском обществе его отдельные подсистемы, структурные единицы и институты могли выступать носителями более или менее целостного генетического кода традиционной социоцивилизационной системы. Она допускала как бы передачу социокультурной эстафеты через те или иные социальные подсистемы, в зависимости от характера внешних воздействий и эволюции внутренней социальной структуры при неизбежном накоплении трансформирующих ее сдвигов. Разрывы общеадыгского социокультурного пространства не обязательно должны были повлечь немедленную и полную утрату внутреннего культурного качества адыгского социума, интегрированного хотя бы в пределах субэтнических и даже локальных образований. С этим связан достаточно высокий потенциал выживаемости традиционной культурной системы и ее адаптивности к модернизационным факторам внешнего происхождения.

Если понимать адыгскую этно-региональную систему как особое социоцивилизационное образование, то становится очевидным, что проблематика всего периода имперского военного натиска и включения адыгского ареала в административно-политическую систему Российского государства (1790-е – 1860-е годы) не может быть описана только в терминах политической истории. Дело далеко не сводится к утрате независимости, т. е. контроля над собственной территорией. Целостность и самодостаточность

адыгской социоцивилизационной системы испытывали напряжение и по другим, может быть, более значимым измерениям.

Главное – произошло отчуждение базовых функций традиционной культурной системы по легитимации нормативного порядка в обществе. Эти функции были узурпированы колониальной административно-политической надстройкой над традиционным обществом. Масштабы неизбежной дезорганизации общественных отношений и глубина кризиса традиционных общественных институтов глубоко исследованы на примере Кабарды [Кажаров 1994]. Дальнейшая эволюция адыгской этно-региональной системы в пределах ее «собственного фазового пространства», т.е. продолжение ее истории за пределами этого кризисного периода могут быть поняты как результат действия механизмов самоорганизации и самосохранения этнического социума, позволивших стабилизировать некий новый порядок ее интеграции и воспроизводства.

В принципиальном плане перед адыгской этно-региональной системой возник выбор между двумя возможными вариантами становления новой структуры, в зависимости от того, какой тип когерентного социального действия в ней возобладает. Когерентность как политическая консолидация и единство в борьбе за независимость могла быть порождена только активностью контрэлит, способных бросить вызов традиционной феодальной аристократии, и она могла сложиться только вокруг новых социокультурных символов, диктующих существенную перестройку традиционного нормативного порядка в обществе. Подобная тенденция реально проявила себя – в «шариатском движении» в Кабарде, в «демократическом перевороте» и дальнейших попытках политической консолидации у западных адыгов. Но массовое поведение и элит и низов оставалось устойчиво когерентным лишь в плане следования нормам и правилам социокультурной традиции. Она не требовала и, более того, не допускала установления общеадыгских политических связей, координации и институционализации политической целостности адыгского этнического социума. Его самоорганизация оказалась возможной только в пределах локальных социальных организмов. На исходе Кавказской войны адыгская этно-региональная система оказалась в хаотическом состоянии. «Выбор» между подчинением макросоциальным «управляющим параметрам», привносимым извне российским государством и попыткой «уйти» от них совершался на микросоциальном уровне отдельных индивидуумов и общин и не приобрел общеадыгского охвата. В результате адыгская этно-региональная система в ее исходном социоцивилизационном качестве была разрушена.

Вместе с тем социальная конфигурация адыгской этно-региональной системы в новой фазе ее устойчивого состояния (1870-1917 гг.) была такой, что можно говорить о ее базовой структурной преемственности по отношению этносоциальной традиции.

Прежде всего, сохранился традиционный социальный центр тяжести ее общественной организации. Хозяйственно-экономический строй и социальная структура адыгской деревни, как социальной формы, в которой реализовались

функции демографического и социокультурного воспроизводства не подверглись кардинальной перестройке или разрушению.

Не произошло также радикальной ломки или перестройки ментальных структур и традиционных культурных форм как способов духовного освоения реальности. Способом преодоления «культурного шока», вызванного столкновением адыгского сельского населения с социальными и культурными формами иного порядка стала не столько ассимиляция, сколько культурная «геттоизация», если использовать термины социологии культуры [Ионин 1996: 17].

Крестьянская семья и фамильная организация оставались основными элементами социальной структуры и носителями функций межпоколенной трансмиссии традиционных социокультурных образцов. То есть структурная устойчивость имела место на микросоциальном уровне. Однако не приходится говорить, что адыгская этно-региональная система обрела более сложную, «диссипативную» макросоциальную структуру. Напротив, она оказалась фрагментированной, раздробленной в территориальном плане, и усеченной, неполной в плане социально-политическом. В силу этого не могла быть реализована в полной мере и функция активного приспособления к изменившейся социально-политической среде. Адаптация к ней адыгского этнического социума была еще в эти годы только первичной, пассивной. Он приобрел характеристики своеобразного социокультурного анклава в имперском экономическом и культурном пространстве.

Предпосылки обретения им новой более сложной структуры, позволяющей активно осваивать макросоциальную среду модернизирующейся России, проявлялись в самых ограниченных масштабах и включали в себя:

- спорадические факты индивидуальной социальной мобильности на основе получения образования, государственной службы и предпринимательской деятельности;
- первичную социализацию новых поколений в «эkleктичном» нормативном порядке;
- некоторое расширение каналов культурного взаимодействия с окружающим миром и расширение групп этнической интеллигенции, как носителей функций освоения и передачи чужого опыта.

Адыгская этно-региональная система в этот период может быть достаточно полно описана в терминах этнографии, т.е. именно как этническая общность, как этнос, рассредоточенный между несколькими ареалами компактного проживания.

В 1920-1950-е годы адыгская этно-региональная система оказалась ввергнутой в неустойчивое состояние вновь в результате резких изменений социально-политической и культурно-идеологической среды, в то время как этнический социум был в самом начале процесса адаптации к ее прежним условиям.

Специфика этого периода связана с тем, что активное воздействие среды на автономные институты и элементы этнической культуры приобрело чрезвычайно интенсивный и постоянный характер. Источником такого

давления была универсалистская идеология, нацеленная на осуществление в сжатые сроки социалистической модернизации, причем не только «построение нового общества», но и «воспитание нового человека». Сферами его воздействия, пусть в неравной мере, но стали – ценностно-нормативное содержание, познавательные модели и коммуникативные аспекты традиционной культуры, технико-экономические основы и организационно-политические формы воспроизводства общественной жизни, микроструктуры общества, механизмы социализации и личной самоидентификации его членов.

Предпосылки перехода к новому порядку и устойчивому состоянию этно-региональной системы накапливались в различных формах.

С одной стороны, до конца 1950-х годов сохранялись аграрный тип экономической и этносоциальной организации, деревенская специфика жизни и традиционный тип патриархальной малой семьи. Наследие традиционной культуры фиксировалось в глубинных ментальных структурах массового сознания, в бытовой и обрядовой сторонах повседневной жизни. Вместе с тем каналы культурного взаимодействия, как проводники современной светской и сциентистской культуры, пронизали собой всю толщу этнического социума.

С другой стороны, зависимость воспроизводства даже первичных социальных ячеек от их включенности в механизмы советской системы породила своеобразную адаптивную когерентность массового социального поведения. Такая возможность была заложена в нерелигиозном, «инструментальном» характере традиционной культуры, оставлявшем место для широкого набора допустимых промежуточных целей и автономного индивидуального жизненного поведения. А восстановление на новой основе полной социально-политической структуры этнического социума с пирамидальной иерархией социальных статусов и ролей, открывало возможности восходящей социальной мобильности без выхода за его рамки. Накопление «критической массы» партийно-государственной, хозяйственно-управленческой и культурной этнической элиты, запустившее механизм ее самовоспроизводства – важнейший результат процессов самоорганизации этнического социума.

Три десятилетия с начала 1960-х и до конца 1980-х годов были временем значительных изменений, связанных с интенсивной модернизацией социально-экономических структур в адыгской этно-региональной системе. Тем не менее они составляют на ее исторической траектории устойчивую область, стационарный период ее развития, поскольку оно осуществлялось в тех институциональных и культурных формах, которые были заданы предыдущим, переходным от традиции к современности, периодом.

Можно ли говорить, что эволюция адыгской этно-региональной системы происходила в пределах ее «собственного фазового пространства» и была преемственной по отношению к традиции? Видимо да.

Прежде всего, структуры национальной государственности стали не просто символическим воплощением этнической идентичности, а важнейшим элементом социально-политических и культурных механизмов этнонациональной консолидации современных адыгских народов. Причем они

несли определенную преемственность по отношению к историческим субэтническим центрам в адыгском этнополитическом ареале. Они несли также важные функции торможения процессов национальной ассимиляции – прежде всего, через институциональное закрепление этнической идентичности, самодетельных и профессиональных форм воспроизводства «национальной культуры», а также через поддержание функциональности ценностно-нормативных и коммуникативных аспектов традиционной этнической культуры.

Рационалистическое обоснование преемственной связи современности с этнокультурной традицией в научных концепциях прогрессивного исторического развития народов и действие новых факторов этнонациональной консолидации (в частности, массовая образованность и расширение слоя национальной интеллигенции) привели к тому, что сознание исторической преемственной связи с традиционным адыгским миром стало важнейшим элементом национальной идентичности современных адыгских народов.

Представляется, что для этой фазы может идти речь об обретении адыгской этно-региональной системой более сложной, «диссипативной» структуры. Во-первых, традиционная культура оставалась фактором горизонтальной интеграции этнического социума и сохраняла значимые социорегулятивные функции. Вместе с тем механизмы социализации на всех уровнях (включая семью) были переориентированы на активное освоение жизненных шансов в рамках большого советского общества. Традиционные этнические структуры, лояльности и нормы действовали как функциональный ресурс, обеспечивающий индивидуальную социальную мобильность и успех на «рынке» социальных статусов и ролей. Во-вторых, производственный базис и социальная структура общества приобрели сложный, дифференцированный характер; резко возросли социальная и географическая мобильность, интенсивность и многообразие социальных взаимодействий; повысилась интегрированность, адаптивность и способность социальной системы к самовоспроизводству. В-третьих, социетальная интеграция получила институциональное оформление в автономной политической системе; этнический социум вышел за пределы локальных социальных единиц и «заполнил» свою национально-государственную форму. Четко обозначились признаки консолидации национальных обществ и протополитий. В-четвертых, сложилась развитая система каналов культурного взаимодействия с окружающим миром, причем агентами этого взаимодействия выступают не только элиты, но и массовые слои населения. «Жизненный мир» личности и культурная система социума приобрели синкретический характер, соединяющий элементы традиционного (этнического) и современного (интернационального).

Адыгская этно-региональная система на этой фазе своего исторического существования может быть описана как сообщество современных адыгских народов.

История Кабардино-Балкарии как смена форм порядка

С точки зрения анализируемого в этой статье методологического подхода история адыгов, балкаро-карачаевцев и история Кабардино-Балкарии должны отвечать требованиям принципа дополнительности. Допущение логически непротиворечивого перехода от одного из этих способов представления исторической реальности к другому может выступать как критерий их научности. Можно полагать, что адыги и балкаро-карачаевцы на Северном Кавказе образовывали однотипные этно-региональные исторические системы и описанные выше механизмы эволюции адыгской этно-региональной системы так или иначе срабатывали в истории балкаро-карачаевцев.

Очевидно, далее, что Кабардино-Балкария может рассматриваться как особая этно-региональная историческая система. При этом важно учитывать две специфические характеристики механизмов ее интеграции и воспроизводства. Во-первых, она выделяется не по критерию социокультурной целостности, а по критерию устойчивой территориальной связанности. Различные аспекты и механизмы этой связанности – хозяйственно-экономические, социально-политические, демографические, социокультурные – в ходе исторического развития приобрели в значительной степени самовоспроизводящийся характер и, в данном случае, вполне правомерен анализ в духе «географического детерминизма». Но, во-вторых, основные субъекты истории Кабардино-Балкарии – ее народы – не могут быть отделены в социокультурном плане от своих более широких этнических миров. Таким образом, Кабардино-Балкария представляет собой историческую область устойчивого взаимодействия адыгской и балкаро-карачаевской этно-региональных систем как социокультурных целостностей, а ее историческая траектория соответствует эволюции форм социально-политической организации и упорядочения этого взаимодействия.

«Историческая» Кабардино-Балкария XVI-XVIII вв. сложилась как результат «автохтонной» самоорганизации и поддержания упорядоченных отношений между Кабардой и Балкарией, а вся их совокупная территория представляла собой область весьма однородного традиционного социального порядка. Феодално-вассальные отношения, покровительство, аталычество, установление родственных связей и т.д. и т.п. были единственно возможными тогда формами социальных взаимодействий, определявшими внутренний строй кабардинского и балкарского общества, которые естественным образом проецировались на их взаимные отношения. Их установление означало для обеих сторон стабилизацию понятного и естественного порядка в ближайшей социально-политической среде. Эту фазу можно обозначить как фазу автохтонного традиционного порядка в истории кабардино-балкарской этно-региональной системы.

На следующем этапе (1790-1860), когда возможности вполне самостоятельного упорядочения взаимных отношений Кабарды и Балкарии были утрачены, но исторически сложившийся хозяйственно-экономический и

социокультурный их уклад не претерпел радикальных изменений, функционировала система, которую можно было бы обозначить как традиционный порядок интеграции и воспроизводства кабардино-балкарской этно-региональной системы, опосредованный контролем извне.

Окончательное утверждение в 1860-е гг. имперской административно-политической системы имело своим следствием стабилизацию (в 1870-х – 1917 гг.) порядка, параметры которого задавались извне. Однако, в известном смысле, это был консервативный порядок, поскольку он не трансформировал существенным образом структуры жизнедеятельности сельских обществ. В это время Кабарда и Балкария выступают как этносоциальные и этнокультурные ареалы в пределах этнически обезличенной административной единицы – Нальчикского округа в составе Терской области, а их взаимодействие приобретает характер собственно межэтнических отношений.

Кабардино-Балкария, включенная в жестко централизованную партийно-государственную систему СССР 1920-х – 1950-х гг., может рассматриваться как область заданного советским государством порядка, который носил динамичный характер, направленный на мобилизацию и интеграцию этнических социумов в процессы социалистической модернизации и в советскую партийно-государственную систему. Важно однако, что при полном выхолащивании реального политического содержания национальной государственности в этот период складываются символические, экономические и социально-культурные условия этнонациональной консолидации кабардинского и балкарского народов.

В 1960-1980-е гг., в условиях позднего госсосоциализма, восстановления полной социально-политической структуры кабардинского и балкарского народов, расширения и усложнения состава национальных элит, сосредоточивших в своих руках достаточно широкий набор функций общественного управления, складывается опосредованный развивающий и интегрирующий порядок функционирования кабардино-балкарской этно-региональной системы. Вместе с тем в этот период складываются предпосылки возможной этнополитической консолидации Кабарды и Балкарии, обретающих инфраструктуру национальных обществ.

Крушение государственной и общественной системы советского социализма открыло современную фазу автономного политического порядка в истории кабардино-балкарской этно-региональной системы. Перспективы ее дальнейшей эволюции главным образом определяются двойственностью и незавершенностью процессов социокультурного и политического развития кабардинского и балкарского народов – сосуществованием дивергирующей тенденции к их национально-политической консолидации на этнической основе и интегрирующей тенденции к социетальной и политической консолидации на гражданской основе в рамках многонациональной протополитии – единой Кабардино-Балкарской Республики.

Заключение

Выводы, которые можно сформулировать на основе предшествующего анализа представляются достаточно простыми, но не тривиальными.

Что касается фундаментального уровня теории исторического процесса, то суть дела не в том, что синергетика «подтверждает» отсутствие всецело детерминированного, законосообразного линейно-поступательного развития и, напротив, присутствие элементов неопределенности, альтернативности в истории адыгской и кабардино-балкарской этно-региональных систем. Синергетический подход – и это главное – прямо подводит к постановке вопроса о том, какие механизмы самоорганизации сработали в каждой неустойчивой области исторической траектории и как следует описывать новое состояние системы. Смысл этого вопроса не в пересмотре прошлого – содержание исторического процесса предстает здесь в конечном счете как инвариант, но анализ альтернатив и механизмов развития с позиции синергетики позволяет индивидуализировать, сделать полнее и многозначнее его понимание.

Пройдя длительный путь культурного, социального и политического становления адыгский мир приобрел, по меньшей мере в XV в., устойчивые очертания региональной социоцивилизационной системы. Совокупность ментальных, культурных и социальных форм ее воплощения составила «классический пласт» адыгской исторической традиции и легла в основу этнокультурной идентичности современных адыгов. К концу XIX в. пространственная целостность и социально-политическая автономность традиционного адыгского мира были разрушены. Но сохранились устойчивые этнокультурные традиции и осознанное культурно-историческое единство раздробленных фрагментов прежнего адыгского этнического массива. Иными словами, воспроизводство исторической этно-региональной системы реализовалось теперь в жизнедеятельности адыгского этноса. На протяжении XX в. он испытывал беспрецедентно интенсивное и «проникающее» воздействие идущих извне модернизационных (или, по меньшей мере, антитрадиционалистских) факторов. Активная адаптация к ним через механизмы и формы самоорганизации, выводящие за пределы этнокультурной традиции, но преемственные по отношению к ней, стала условием его самосохранения. В результате, адыгская этно-региональная система приобрела современную усложненную структуру сообщества адыгских народов.

Признание нелинейности индивидуальной исторической траектории данной этно-региональной системы выявляет недостаточность интуитивно-априорных представлений о единстве (преемственности) ее исторического бытия. С одной стороны, требуется специальный анализ, демонстрирующий, что ее движение на каждой значимой фазе исторической эволюции происходило в пределах ее «собственного фазового пространства». С другой – возникает проблема выявления «структур большой длительности», связывающих и в объективном (природно-географическом, хозяйственном,

институциональном) и в субъективном (ментальном, этнокультурном) плане современную эпоху адыгской и кабардино-балкарской истории с традиционной и архаической эпохами.

Реконструкция (хотя бы в первом приближении) механизмов и форм самоорганизации этнического социума на кризисных, неустойчивых фазах исторической траектории позволяет по новому представить соотношение внутренних и внешних, социально-экономических и социокультурных факторов его исторической эволюции. Есть достаточно оснований полагать, что когерентность (единообразие и согласованность) социального поведения в переломных ситуациях задавалась единым горизонтом этнической культуры, что необходимость адаптации к динамичной и весьма активной внешней среде определяла точки притяжения (аттракторы), вокруг которых стабилизировались новые, «наиболее вероятные» конфигурации общественных структур, что основным механизмом адаптации выступало культурное взаимодействие, что, соответственно этому, основной функцией возникающих диссипативных (развитых, более сложных) структур оказывалось повышение степени коммуникативности культуры т.е. формирование каналов и агентов культурного взаимодействия, развитие способности воспринимать и передавать опыт, обогащать и универсализировать собственные культурные смыслы.

Таким образом, применительно к адыгской и кабардино-балкарской истории можно было бы сказать, что их преемственный исторический субъект, который на каждой фазе развития поддается описанию в качестве целостной и автономной системы, находящейся во взаимодействии со своей исторической средой, есть социокультурный субъект. В то же время историческая Кабардино-Балкария образует специфическую пространственную и временную целостность именно как область устойчивого порядка, воспроизводство и обновление которого есть результат самоорганизации ее народов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Афанасьев 1996 – *Афанасьев Ю.Н.* Феномен советской историографии // Отечественная история. – 1996. – № 5. – С. 144-168.

Барг 1987 – *Барг М.А.* Эпохи и идеи: Становление историзма. – М.: Мысль, 1987. – 354 с.

Бородкин 2016 – *Бородкин Л.И.* Моделирование исторических процессов: от реконструкции реальности к анализу альтернатив. – СПб.: Алетейя, 2016. – 303 с.

Валлерстайн 1997 – *Валлерстайн И.* Социальное изменение вечно? Ничто никогда не меняется? // Социс. Социологические исследования. – 1997. – № 1. – С. 8-21.

Гидденс 1993 – *Гидденс Э.* Девять тезисов о будущем социологии // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. – 1993. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 57-82.

Гомаюнов 1994 – *Гомаюнов С.А.* От истории синергетики к синергетике истории // Общественные науки и современность. – 1994. – № 2. – С. 99-106.

Губин 2006 – *Губин В.Б.* Псевдосинергетика – новейшая лженаука // В защиту науки / отв. ред. Э.П. Кругляков; Комис. по борьбе с лженаукой и фальсификацией науч. исслед. РАН. – М.: Наука, 2006. – С. 110-119.

Ионин 1996 – *Ионин Л.Г.* Социология культуры. – М.: Логос, 1996. – 280 с.

- Ионов 1994 – *Ионов И.Н.* Теория цивилизаций: этапы становления и развития // Новая и новейшая история. – 1994. – № 4-5. – С. 33-50.
- Ионов 1995 – *Ионов И.Н.* На пути к теории цивилизации (познавательные предпосылки и трудности исторического синтеза) // Цивилизации. Вып. 3. – М.: Наука, 1995. – С. 15-37.
- Исторический очерк 2006 – *Исторический очерк* // Адыгская (черкесская) энциклопедия. – М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. – С. 55-312.
- Кажаров 1994 – *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX в. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1994. – 438 с.
- Капица и др. 1997 – *Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г.* Синергетика и прогнозы будущего. – М.: Наука, 1997. – 285 с.
- Кара-Мурза и др. 1995 – *Кара-Мурза А.А., Панарин А.С., Пантин И.К.* Духовно-идеологическая ситуация в современной России: перспективы развития // Полис. Политические исследования. – 1995. – № 4. – С. 6-17.
- Князева 2009 – *Князева Е.Н.* Синергетика // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: «Канон⁺» РОССИИ «Реабилитация», 2009. – С. 861-862.
- Козлова, Смирнова 1995 – *Козлова Н.Н., Смирнова Н.М.* Кризис классических методологий и современная познавательная ситуация // Социс. Социологические исследования. – 1995. – № 11. – С. 12-22.
- Круглый стол... 2006 – *Круглый стол* «Синергетика: перспективы, проблемы, трудности» // Вопросы философии. – 2006. – № 9. – С. 3-33.
- Ласло 1993 – *Ласло Э.* Рождение слова – науки – эпохи // Полис. Политические исследования. – 1993. – № 2. – С. 25-30.
- Могильницкий 1993 – *Могильницкий Б.Г.* Между объективизмом и релятивизмом: Дискуссии в современной американской историографии // Новая и новейшая история. – 1993. – № 5. – С. 3-17.
- Пригожин 1985 – *Пригожин И.* От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках. – М.: Наука, 1985. – 328 с.
- Пригожин 1991 – *Пригожин И.* Философия нестабильности // Вопросы философии. – 1991. – № 6. – С. 46-57.
- Пригожин, Стенгерс 1986 – *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
- Савельева, Полетаев 1997 – *Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и время. В поисках утраченного. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 800 с.
- Сапронов 2001 – *Сапронов М.В.* Концепции самоорганизации в общественности: мода или необходимость? (Размышления о будущем исторической науки) // Общественные науки и современность. – 2001. – № 1. – С. 148-161.
- Семёнов 1996 – *Семёнов Ю.И.* Материалистическое понимание истории: недавнее прошлое, настоящее, будущее // Новая и новейшая история. – 1996. – № 3. – С. 80-84.
- Семёнов 1997 – *Семёнов Ю.И.* Всемирная история как единый процесс развития человечества во времени и пространстве // Философия и общество. – 1997. – № 1. – С. 156-217.
- Смит 1997 – *Смит С.* Постмодернизм и социальная история на Западе: проблемы и перспективы // Вопросы истории. – 1997. – № 8. – С. 154-161.
- Смоленский 1996 – *Смоленский Н.И.* Возможна ли общеисторическая теория? // Новая и новейшая история. – 1996. – № 1. – С. 5-11.
- Смоленский 1998 – *Смоленский Н.И.* Проблемы теоретического плюрализма // Новая и новейшая история. – 1998. – № 1. – С. 6-18.
- Стёпин 2007 – *Стёпин В.С.* О философских основаниях синергетики // Синергетическая парадигма. Синергетика образования. – М.: Прогресс-Традиция, 2007. – С. 97-102.

- Стёпин 2009 – *Стёпин В.С.* Наука // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: «Канон⁺» РОССИ «Реабилитация», 2009. – С. 560-566.
- Федотова 1996 – *Федотова В.Г.* Методология истории сегодня // Новая и новейшая история. – 1996. – № 6. – С. 61-75.
- Хакен 1991 – *Хакен Г.* Информация и самоорганизация. Макроскопический подход к сложным системам. – М.: Мир, 1991. – 240 с.
- Хакен 2003 – *Хакен Г.* Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии. – М.; Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2003. – 320 с.
- Хвостова 1995 – *Хвостова К.В.* Способы функционирования Византийской цивилизации во времени // Цивилизации. Вып. 3. – М.: Наука, 1995. – С. 189-198.
- Чернавский 2004 – *Чернавский Д.С.* Синергетика и информация (динамическая теория информации). – М.: Editorial URSS, 2004. – 288 с.
- Шевлоков 1999 – *Шевлоков В.А.* Новые горизонты синергетических исследований: социосинергетика // Мир этноса (аспекты и методы исследования). – Нальчик: Б.и., 1999. – С. 6-29.
- Gaddis 2002 – *Gaddis J.L.* The Landscape of History. How Historians Map the Past. – New York: Oxford University Press, 2002. – 192 p.
- Stone 1987 – *Stone L.* History and the Social Sciences in the Twentieth Century // Stone L. The Past and the Present Revisited. – London and New York: Routledge, 1987. – P. 3-44.

REFERENCES

- AFANAS'EV Yu.N. *Fenomen sovetskoi istoriografii* [Phenomenon of soviet historiography]. IN: *Otechestvennaya istoriya*. – 1996. – No. 5. – P. 144-168. (In Russian)
- BARG M.A. *Epokhi i idei: Stanovlenie istorizma* [Epochs and ideas: The forming of historicism]. – М.: Mysl', 1987. – 354 p. (In Russian)
- BORODKIN L.I. *Modelirovanie istoricheskikh protsessov: ot rekonstruktsii real'nosti k analizu al'ternativ* [Modeling of historical processes: from the reconstruction of reality to the analysis of alternatives]. – Spb.: Aleteiya, 2016. – 303 p. (In Russian)
- CHERNAVSKII D. S. *Sinergetika i informatsiya (dinamicheskaya teoriya informatsii)* [Synergetics and Information (dynamic theory of information)]. – М.: Editorial URSS, 2004. – 288 p. (In Russian)
- FEDOTOVA V.G. *Metodologiya istorii segodnya* [Methodology of history today]. IN: *Novaya i noveishaya istoriya*. – 1996. – No. 6. – P. 61-75. (In Russian)
- GADDIS J.L. *The Landscape of History. How Historians Map the Past*. – New York: Oxford University Press, 2002. – 192 p. (In English)
- GIDDENS A. *Devyat' tezisov o budushchem sotsiologii* [Nine theses on the future of sociology]. IN: *THESIS. Teoriya i istoriya ekonomicheskikh i sotsial'nykh institutov i sistem*. – 1993. – Vol. 1. – Iss. 1. – P. 57-82. (In Russian)
- GOMAYUNOV S.A. *Ot istorii sinergetiki k sinergetike istorii* [From the history of synergetics to the synergetics of history]. IN: *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. – 1994. – No. 2. – P. 99-106. (In Russian)
- GUBIN V.B. *Pseudosinergetika – noveishaya lzhenauka* [Pseudo-synergetics – newest pseudo-science]. IN: *V zashchitu nauki / otv. red. E.P. Kruglyakov* [In defense of science / E.P. Kruglyakov ed.]. – М.: Nauka, 2006. – P. 110-119. (In Russian)
- HAKEN H. *Informatsiya i samoorganizatsiya. Makroskopicheskii podkhod k slozhnym sistemam* [Information and Self-Organization. A Macroscopic Approach to Complex Systems]. – М.: Mir, 1991. – 240 p. (In Russian)
- HAKEN H. *Tainy prirody. Sinergetika: uchenie o vzaimodeistvii* [Secrets of Nature. Synergetics: Science of Interaction]. – М.; Izhevsk: Institut komp'yuternykh issledovaniy, 2003. – 320 p. (In Russian)
- IONIN L.G. *Sotsiologiya kul'tury* [Sociology of culture]. – М.: Logos, 1996. – 280 p. (In Russian)

IONOV I.N. Na puti k teorii tsivilizatsii (poznatel'nye predposylki i trudnosti istoricheskogo sinteza) [Towards a theory of civilization (cognitive prerequisites and difficulties of historical synthesis)]. IN: *Tsivilizatsii. Vyp. 3* [Civilizations. 3d issue]. – M.: Nauka, 1995. – P. 15-37. (In Russian)

IONOV I.N. *Teoriya tsivilizatsii: etapy stanovleniya i razvitiya* [Theory of civilization: stages of forming and development]. IN: *Novaya i noveishaya istoriya*. – 1994. – No. 4-5. – P. 33-50. (In Russian)

Istoricheskii ocherk [Outline of history]. IN: *Adygsкая (cherkessкая) entsiklopediya* [Adyghe (Circassian) encyclopedia]. – M.: Fond im. B.Kh. Akbasheva, 2006. – P. 55-312. (In Russian)

KAPITSA S.P., KURDYUMOV S.P., MALINETSKII G.G. *Sinergetika i prognozy budushchego* [Synergetics and future forecasts]. – M.: Nauka, 1997. – 285 p. (In Russian)

KARA-MURZA A.A., PANARIN A.S., PANTIN I.K. *Dukhovno-ideologicheskaya situatsiya v sovremennoi Rossii: perspektivy razvitiya* [Spiritual and ideological situation in modern Russia: development prospects]. IN: *Polis. Politicheskie issledovaniya*. – 1995. – No. 4. – P. 6-17. (In Russian)

KAZHAROV V.Kh. *Traditsionnye obshchestvennye instituty kabardintsev i ikh krizis v kontse XVIII – pervoi polovine XIX v.* [Traditional social institutions of Kabardians and their crisis in the late 18th – first half of the 19th century] – Nal'chik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 1994. – 438 p. (In Russian)

KHVOSTOVA K.V. *Sposoby funktsionirovaniya Vizantiiskoi tsivilizatsii vo vremeni* [The ways of functioning of the Byzantine civilization in time]. IN: *Tsivilizatsii. Vyp. 3* [Civilizations. 3d issue]. – M.: Nauka, 1995. – P. 189-198. (In Russian)

KNYAZEVA E.N. *Sinergetika* [Synergetics]. IN: *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of epistemology and philosophy of science]. – M.: «Kanon+» ROII «Reabilitatsiya», 2009. – P. 861-862. (In Russian)

KOZLOVA N.N., SMIRNOVA N.M. *Krizis klassicheskikh metodologii i sovremennaya poznatel'naya situatsiya* [The crisis of classical methodologies and the modern cognitive situation]. IN: *Sotsis. Sotsiologicheskie issledovaniya*. – 1995. – No.11. – P. 12-22. (In Russian)

Kruglyi stol «Sinergetika: perspektivy, problemy, trudnosti» [Round table “Synergetics: prospects, problems, difficulties”]. IN: *Voprosy filosofii*. – 2006. – No. 9. – P. 3-33. (In Russian)

LASZLO E. *Rozhdenie slova – nauki – epokhi* [The birth of the word – science – era]. IN: *Polis. Politicheskie issledovaniya*. – 1993. – No. 2. – P. 25-30. (In Russian)

MOGIL'NITSKII B.G. *Mezhdub"ektivizmom i relyativizmom: Diskussii v sovremennoi amerikanskoi istoriografii* [Between objectivism and relativism: discussions in modern American historiography]. IN: *Novaya i noveishaya istoriya*. – 1993. – No. 5. – P. 3-17. (In Russian)

PRIGOGINE I. *Filosofiya nestabil'nosti* [Philosophy of instability]. IN: *Voprosy filosofii*. – 1991. – No. 6. – P. 46-57. (In Russian)

PRIGOGINE I. *Ot sushchestvuyushchego k voznikayushchemu. Vremya i slozhnost' v fizicheskikh naukakh* [From Being to Becoming: time and complexity in the physical sciences]. – M.: Nauka, 1985. – 328 p. (In Russian)

PRIGOGINE I., STENGERS I. *Poryadok iz khaosa: Novyi dialog cheloveka s prirodoj* [Order out of Chaos. Man's new dialogue with nature]. – M.: Progress, 1986. – 432 p. (In Russian)

SAPRONOV M.V. *Kontseptsii samoorganizatsii v obshchestvoznanii: moda ili neobkhodimost'?* (*Razmyshleniya o budushchem istoricheskoi nauki*) [Self-organization concepts in social science: fashion or necessity? (Reflections on the future of historical science)]. IN: *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. – 2001. – No. 1. – P. 148-161. (In Russian)

SAVEL'EVA I.M., POLETAEV A.V. *Istoriya i vremya. V poiskakh utrachennogo* [History and time. In search of the lost]. – M.: Yazyki russkoi kul'tury, 1997. – 800 p. (In Russian)

SEME NOV Yu.I. *Materialisticheskoe ponimanie istorii: nedavnee proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Materialistic understanding of history: its recent past, present, future]. IN: *Novaya i noveishaya istoriya*. – 1996. – No. 3. – P. 80-84. (In Russian)

SEMENOV Yu.I. *Vsemirnaya istoriya kak edinyi protsess razvitiya chelovechestva vo vremeni i prostranstve* [World history as a single process of human development in time and space]. IN: *Filosofiya i obshchestvo*. – 1997. – No. 1. – P. 156-217. (In Russian)

SHEVLOKOV V.A. *Novye gorizonty sinergeticheskikh issledovaniy: sotsiosinergetika* [New horizons of studies in synergetics: socio-synergetics]. IN: *Mir etnosa (aspekty i metody issledovaniya)* [The world of ethnos (aspects and methods of study)]. – Nal'chik: B.i., 1999. – P. 6-29. (In Russian)

SMITH S. *Postmodernizm i sotsial'naya istoriya na Zapade: problemy i perspektivy* [Postmodernism and Social History in the West: Issues and Prospects]. IN: *Voprosy istorii*. – 1997. – No. 8. – P. 154-161. (In Russian)

SMOLENSKII N.I. *Problemy teoreticheskogo plyuralizma* [Problems of theoretical pluralism]. IN: *Novaya i noveishaya istoriya*. – 1998. – No. 1. – P. 6-18. (In Russian)

SMOLENSKII N.I. *Vozmozhna li obshcheistoricheskaya teoriya?* [Is a general historical theory possible?]. IN: *Novaya i noveishaya istoriya*. – 1996. – No.1. – P. 5-11. (In Russian)

STEPIN V.S. *Nauka* [Science]. IN: *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of epistemology and philosophy of science]. – M.: «Kanon+» ROII «Reabilitatsiya», 2009. – P. 560-566. (In Russian)

STEPIN V.S. *O filosofskikh osnovaniyakh sinergetiki* [On philosophic foundations of synergetics]. IN: *Sinergeticheskaya paradigma. Sinergetika obrazovaniya* [Synergetic paradigm. Synergetics of education]. – M.: Progress-Traditsiya, 2007. – P. 97-102. (In Russian)

STONE L. *History and the Social Sciences in the Twentieth Century*. IN: STONE L. *The Past and the Present Revisited*. – London and New York: Routledge, 1987. – P. 3-44. (In English)

WALLERSTAIN I. *Sotsial'noe izmenenie vechno? Nichto nikogda ne menyaetsya?* [Is social change perpetual? Nothing ever changes?]. IN: *Sotsis. Sotsiologicheskie issledovaniya*. – 1997. – No. 1. – P. 8-21. (In Russian)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Археология и древняя история**

УДК 902/904

DOI 10.31143/2542-212X-2020-3-48-59

**КАТАКОМБА С ПОЯСНЫМ НАБОРОМ «ОБЩЕТЮРКСКОГО ТИПА»
ИЗ МОГИЛЬНИКА ГОУСТ
(ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК В.И. ДОЛБЕЖЕВА 1890 ГОДА)****С.А. ГОНЧАРОВ**

*Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова
119991, РФ, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4*

E-mail: goncharov.serafim@yandex.ru

А.А. КАДИЕВА

ФГБУК Государственный исторический музей

Отдел археологических памятников

109012, РФ, г. Москва, Красная площадь, д.1

E-mail: adelgeida85@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу результатов раскопок средневекового могильника, расположенного вблизи селения Гоуст в Ингушетии. Он был впервые открыт В.И. Долбежевым в 1890 году. Погребение обладает характерным инвентарем салтовского времени конца VIII-IX вв. н.э.: ременная гарнитура с характерным изображением лотосов, стеклянный перстень типа «Орбети», бронзовые бубенчики. Кроме того, в работе уделено внимание хронологии поясов «общетюркского типа» на Северном Кавказе, которые появляются на Алтае еще в VII веке. Анализ материала Северного Кавказа показывает, что пояса «общетюркского типа» существовали на Кавказе с середины VIII по начало XI вв.

Ключевые слова: Аланская археологическая культура; салтово-маяцкая археологическая культура; ременная гарнитура; хронология; средневековье.

**CATACOMB WITH A BELT PACK OF «PUN-TURKISH TYPE» FROM
THE GOUST BURIAL
(BY MATERIALS FROM V.I. DOLBEZHEV'S EXCAVATIONS OF 1890)****S.A. GONCHAROV**

Lomonosov Moscow state University

119991, Russian Federation, Moscow, Lomonosov Prospect 27, corp. 4

E-mail: goncharov.serafim@yandex.ru

A.A. KADIEVA

*The State Historical Museum
Department of Archaeological Monuments
109012, Russian Federation, Moscow, Red Square, 1
E-mail: adelgeida85@mail.ru*

Abstract. The article presents an analysis of the results of the archaeological excavations of the medieval burial ground situated near the Goust village in Ingushetia. It was first found by V.I. Dolbezhev in 1890. The characteristic funeral equipment of Saltovo-Mayatskaya culture time the second part of the 8-9 A.D. was discovered there: overlays on the belt with a Lotus-shaped ornament, glass ring type «Orbeti» and bells of bronze. Besides, we paid attention to the chronology of the belts of «pun-turkish type» in the North Caucasus. That type appeared on the Altai in the 7 A.D. Our research shows that this type of belts was in use on the North Caucasian territories from the second part of the 8 to the 11 A.D.

Keywords: North Caucasus Alanian archeological culture; Saltovo-Mayatskaya culture; belts; chronology; medieval time.

Изучение и публикация музейных коллекций является одной из задач, необходимых для верного понимания материалов современных раскопок. В предлагаемой вниманию читателя работе представлен анализ материалов катакомбы 5 могильника Гоуст, исследованной В.И. Долбежевым в 1890 году [Долбежев 1893: 87-96]. Материалы погребения хранятся сегодня в Государственном Историческом музее.

Село Гоуст (Гоуздка), давшее название могильнику, расположено на территории современной Ингушетии в Джейрахском районе. В описании В.И. Долбежева сказано, что могильник расположен «повыше села Гоуздка, на восточном скате обширного оврага, тянувшегося от подножия горы «Столовой» на юг» [Долбежев 1893: 87]. Джейрахское ущелье отходит от ущелья Верхнего Терека на Юго-Восток недалеко от села Чми, так же известного раннесредневековым могильником. Село Гоуст расположено в 24 км от Владикавказа, в 7 км от Чми и в 13 км от могильника Балта.

В.И. Долбежев, описывая найденные им погребения, называет их «пещерками», вырытыми в плотном глинистом грунте. «Пещерки» были заложены каменными плитами [Долбежев 1893: 87]. О входных ямах исследователь не говорит, но данных достаточно, чтобы понять, что В.И. Долбежев обнаружил катакомбы. Этот погребальный обряд связывается с аланской археологической культурой.

Исследователи неоднократно обращались к материалам могильника Гоуст и, в частности, катакомбы 5. В.Б. Ковалевская в работе 1981 года отнесла наборный пояс из этой катакомбы к VIII-IX вв. [Ковалевская 1981: 177], а в работе 2005 года, используя данные матрицы квазитреугольного вида, отнесла наборный пояс к IX в. [Ковалевская 2005: 140, 274]. Х.М. Мамаев датировал Гоустский могильник концом VIII-IX вв. [Мамаев 1985: 6-7]. Несмотря на использование материалов могильника в построение опорных схем хронологии

Северного Кавказа (см. [Ковалевская 1981: 177]), этот комплекс никогда не был полностью опубликован и аргументировано датирован. Что вызывает необходимость восполнить этот пробел.

Предметы, обнаруженные в катакомбе 5 могильника Гоуст

Элементы поясной гарнитуры.

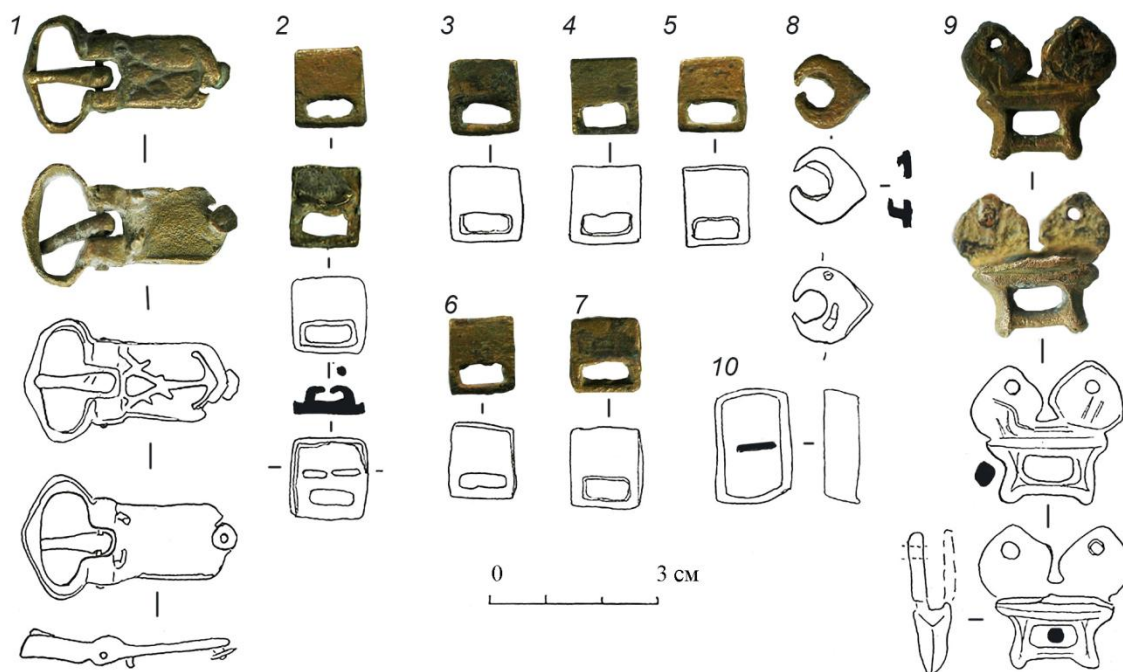
Бронзовая треугольнорамчатая пряжка с щитком. На лицевой стороне щитка расположен растительный орнамент, на оборотной три шпенька для крепления к ремню. Длина всей пряжки 3,4 см; ширина пряжки 2,14 см; ширина щитка 1,3 см (Рис. 1: 1).

Ременные бронзовые накладки в форме прямоугольника с прорезью (6 штук). Накладки крепились к ремню при помощи двух крючков на оборотной стороне. Размеры накладок колеблются от 1,4 x 1,3 до 1,36 x 1,26 см (Рис.1: 2-7).

Ременная бронзовая накладка сердцевидной формы. Крепились к ремню при помощи двух крючков. Скорее всего, это оковка ремennого отверстия. Размеры: 1,4 x 1,2 см (Рис. 1: 8).

Бронзовый ременной распределитель. К основному ремню крепился двумя штифтами, от которых отходит прямоугольная бронзовая рамка (Щитки для крепления к ремню выполнены в виде изображения цветка лотоса, характерного для салтово-маяцкой культуры). Размеры: 2,8 x 2,6 см (Рис. 1: 9).

Прямоугольная обойма из бронзовой ленты. Длина: 2 см; ширина: 1,4 см; высота 0,6 см (Рис. 1: 10).

Рисунок 1. Могильник Гоуст. Погребение 5. Элементы ременной гарнитуры. 1 -пряжка, 2-9 ременные накладки, 10 – ременная обойма. 1-10 – бронза.

Украшения.

Бронзовый бубенчик, спаянный из двух продольных половинок, между которыми расположено кольцо для подвешивания. На бубенчике прочерчены бороздки. Размеры: 3 x 1,5 см (Рис. 2: 1).

Бронзовые литые бубенчики (х 3) с прорезью внизу и прочерченными горизонтальными канавками. Размеры: 1,7 x 1,15 до 1,8 x 1,2 см (Рис. 2: 2-3, 5).

Бронзовый литой бубенчик с прорезью внизу. Размеры: 1,84 x 1,34 см (Рис. 2: 4).

Бронзовый литой бубенчик с прорезью внизу и горизонтальным валиком. Размеры: 1,6 x 1,2 см (Рис. 2: 6).

Браслет из бронзовой круглой в сечении проволоки. Часть браслета украшена поперечными насечками. Диаметр 6,9 см, сечение 0,3 см (Рис. 2: 7).

Браслет из бронзовой проволоки овальной в сечении. Концы браслета приплюснуты и украшены насечками. Диаметр 5,2 см, сечение 0,4 см (Рис. 2: 8).

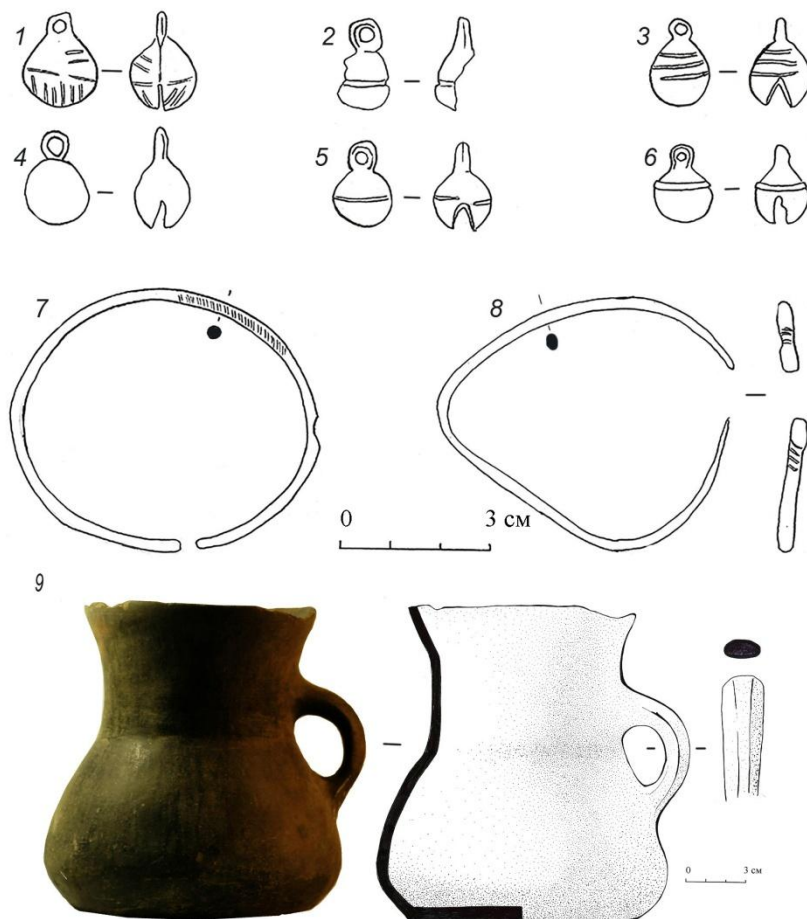

Рисунок 2. Могильник Гоуст. Погребение 5. Погребальный инвентарь. 1-6 – бубенчики, 7-8 – браслеты, 9 – кружка. 1-8 – бронза; 9 – керамика.

Украшения из стекла.

Фрагментированный перстень типа «Орбети» по Х.М. Мамаеву [Мамаев 2010: 398] из темно-зеленого стекла. Диаметр 2,42 см, сечение 0,2 см (Рис. 3: 1).

Многочастная пронизь из темно-синего стекла. Размеры: 2 x 0,6 см (Рис. 3: 2).

Серебrostеклянная многочастная пронизка. Размеры: 2,2 x 0,6 см (Рис. 3: 3).

Четырнадцатигранная бусина из желтоватого прозрачного стекла. Размеры 1,3 x 1,15 см (Рис. 3: 4).

Желтые непрозрачные бусы зонной формы (x 11). Размеры: 0,5 x 0,3 см (Рис. 3: 5).

Вытянутая мозаичная бусина. Основа из зеленого стекла с синими полосами. Нанесены желто-красно-бело-синие глазки. Размеры: 1,15 x 0,5 см (Рис. 3: 6).

Округлая бусина из синего непрозрачного стекла с капельными бело-синими глазками. Размеры 2 x 1,9 см (Рис. 3: 7).

Округлая бусина в бежево-синюю полосу. Размеры: 0,8 x 0,8 (Рис. 3: 8).

Биконическая бусина из прозрачного стекла, изготовлена методом прокола тянутой палочки. Размеры: 0,86 x 0,8 см (Рис. 3: 9).

Бисер из синего непрозрачного стекла. Размеры 0,3 x 0,34 см (Рис. 3: 10).

Рисунок 3. Могильник Гоуст. Погребение 5. Изделия из стекла. 1 – стеклянный перстень, 2 – 11 – бусы.

Керамика.

Кружка без выделенного венчика с сужающимся к основанию горлом. Высота горла равна высоте тулова. Плечики выражены слабо. Дно плоское. Ручка верхним прилепом крепится к горлу, а нижним к верхней части тулова. Внешняя поверхность чернолощёная, внутренняя поверхность серого цвета, заглажена. Тесто однородное, без крупных частиц. Высота: 16 см. Диаметр

тулова: 15 см. Диаметр горла 10 см. Диаметр дна 28 см. Диаметр венчика 12 см. (Рис. 2: 9).

Кроме этого, из отчета В.И. Долбежева [Долбежев 1893: 89-90] следует, что в катакомбе 5 так же был найден «стеклянный, зеленого цвета, орнаментированный стакан». Подобные кубки характерны для погребений VIII-X века. В описи Государственного Исторического музея стакан не числится.

Хронологическая позиция комплекса погребального инвентаря катакомбы 5 могильника Гоуст в системе синхронных древностей Кавказа и сопредельных территорий

Треугольнорамчатая пряжка с литым щитком (Рис.1: 1) и ременной распределитель с изображением лотоса (Рис.1: 9) находят множество параллелей в памятниках салтовского времени второй половины VIII-IX вв. Наиболее близкая аналогия ременного распределителя находится в катакомбе 31 могильника Даргавс [Дзаттиаты 2014: 28, таб. LXXI]. В одном комплексе с распределителем находится кружка из светлой глины с ручкой, крепящейся верхним прилепом к венчику, и небольшой топорик-секира. Оба этих предмета датируется началом X века [Дзаттиаты и др. 2018: 330]. Так же аналогии можно найти в погребениях Маяцкого селища [Винников, Афанасьев 1991: 15, рис. 6:4].

Стеклянные перстни типа «Орбети» (Рис.3: 1) имеют Закавказское происхождение [Щапова 1963: 119]. По мнению А.К. Амброза, стеклянные перстни из темного стекла обнаруженные в Чми и других памятников Центрального Кавказа относятся ко второй половине VIII – первой половиной IX века [Амброз 1971: 130].

Х.М. Мамаев датирует перстни этого типа «последними десятилетиями VIII – начальным этапом IX века». Отсутствие «ранних» перстней этого типа (VI – первая половина VIII века) на Северном Кавказе, связывается автором с беспокойной обстановкой арабо-хазарских войн 642-799 годов, мешающих торговым отношениям Закавказья и Северного Кавказа. В начале IX века влияние христианских традиций на погребальный обряд населения Грузии усиливается и стеклянные перстни перестают попадать в захоронения, но зато оседают в языческих погребениях Северного Кавказа [Мамаев 2010: 398].

Пристального внимания заслуживают ременные гладкие накладки «общетюркского типа» [Торгоев 2016: 322], так же этот тип поясных накладок называют «геометрическим» [Добжанский 1990: 41]. Легко запоминающиеся формы сердцевидных и прямоугольных накладок с прорезью кажутся достаточно распространенными. Однако закрытых комплексов с ременными гладкими накладками «тюркского типа» на Северном Кавказе обнаружено немного. Рассмотрим их.

Тарский могильник, катакомба 8 [Кантемиров, Дзаттиаты 1995: 261, 357]. В погребении была найдена ременная гарнитура, состоящая из: 17 прямоугольных гладких накладок с прорезью и 10 сердцевидных гладких накладок. Треугольнорамчатая литая пряжка из «белого сплава» с щитком украшенным орнаментом (по форме и орнаментации полностью совпадает с

пряжкой из катакомбы 5 Гоуста, изготовленной из бронзы). Кроме того, в катакомбе находилась вторая треугольнорамчатая литая пряжка с гладким щитком и бронзовая ременная привеска, трактованная авторами раскопок, как пряжка. Также были обнаружены бронзовые литые бубенчики, браслет из бронзовой проволоки, фрагмент железного ножа и две секиры. Авторы относят катакомбу к салтовскому времени.

Могильник Мартан-Чу, катакомба 6, костяк 1 [Виноградов, Мамаев 1984: 68-69]. В погребении были обнаружены «четыре бляшки двух типов» – неясно, сколько конкретно прямоугольных и сердцевидных накладок было найдено, но число их не превышало четырех. Кроме того, в погребении были обнаружены: серебряный гладкий наконечник поясного набора, два серебряных височных кольца, железный нож. Так же в погребении находились двулезвийная секира с выступающим сверху и снизу широким передним лезвием, заднее лезвие длинное и узкое, трапециевидной формы, расширяется к окончанию. Авторы раскопок относят это погребение к IX веку [Виноградов, Мамаев 1984: 84].

Могильник Мартан-Чу катакомба 19 [Виноградов, Мамаев 1985: 5, 6, 8, рис. 2]. В катакомбе находилось шесть костяков. Из публикации не всегда можно уверенно понять, какие поясные накладки относились к какому костяку. Также однотипные поясные накладки были отрисованы по одной иллюстрации на тип и поэтому установить соотношение прямоугольных и сердцевидных гладких накладок не представляется возможным. Из хронологических маркеров в катакомбе были обнаружены предметы салтовской эпохи: серьги с подвижными и неподвижными стержнями с нанизанными на них бусинами, перстни с лапками, бронзовые бубенчики, проволочные браслеты, двулезвийные секиры. Авторы раскопок относят это погребение ко второй половине IX века [Виноградов, Мамаев 1985: 22].

Могильник Мартан-Чу катакомба 30 [Виноградов, Мамаев 1985: 19-22, 24, рис. 14]. В катакомбе был обнаружен пояс, с литыми рельефными накладками с шестиугольными подвесками для крепления дополнительных ремней. Щиток шарнирной пряжки украшен геометрическим рельефным орнаментом. На конце ремня между орнаментированным наконечником и накладками с привесками расположены 5 гладких сердцевидных накладок [Виноградов, Мамаев 1985: рис. 14: 21, 25]. Кроме пояса в погребении были обнаружены четыре ромбовидных наконечника стрел, один трехгранный наконечник, палаш с перекрестием, расширяющимся к середине, и украшенным шаровидными окончаниями, двулезвийная секира, бронзовые литые бубенчики, среди них грушевидный с крестовидной прорезью. В дромосе катакомбы располагался тайник, в котором располагались начальник и бронзовые листовидные подвески [Виноградов, Мамаев 1985: рис. 14: 1, 2, 4, 17, 20]. Кроме этого, в погребении был обнаружен солид императора Феофила 829-842 гг. с отверстием для подвешивания. Авторы раскопок датируют погребение рубежом IX-X – началом X века. Датировку X веком подтверждает и находка стремени со слабо выраженной петлей и скруглённой подножкой [Плетнева 1981: 214].

Могильник Хулам катакомба 1 [Чеченов 1987: 107-109, 156, рис. 26]. В погребении было обнаружены 9 прямоугольных бронзовых накладок с прорезьями, две круглые и одна дисковидная с отверстием посередине [Чеченов 1987: рис. 26: 9, 10, 17]. Кроме этого, в катакомбе были найдены индикаторы салтовского времени: фрагмент стержня серьги с нанизанными полыми бусинами, литые бронзовые бубенчики с прорезьями внизу, бронзовые грибовидные пуговицы, фрагменты сероглиняного горшка с насечками на венчике, железная секира, фрагмент стеклянного сосуда из полупрозрачного стекла с сосцевидными концентрическими выступами [Чеченов 1987: рис. 26: 2, 14-16, 20, 23, 28]. К более поздней эпохе относятся крыловидная бляха и пятиугольная литая рельефная накладка с фестончатым оформлением углов и прямоугольной прорезью, (генетически восходит к поясам «общетюркского типа») [Чеченов 1987: рис. 26: 11-12]. Такие накладки и близкие по форме предметы были распространены в восточноевропейских степях X – начала XI века [Плетнева 1981: 167, 259]. И.М. Чеченов датировал погребение IX – началом X века [Чеченов 1987: 117].

Из приведенной выборки можно сделать вывод, что гладкие поясные накладки «тюркского типа» бытовали на Северном Кавказе достаточно долго: от конца VIII века до, как минимум, начала XI века.

Установив хронологические рамки бытования гладких ременных накладок «тюркского типа» на Кавказе, интересно заметить, что первые экземпляры этого типа появились на Алтае еще во время II-го Тюркского каганата. Алтайские гладкие поясные накладки «общетюркского типа» датируются концом VII-IX вв. [Добжанский 1990: 31-32.] А.И. Торгоев отмечает, что пояса этого типа существовали на территории от Амударьи до Дуная с VIII по конец X в. [Торгоев 2016: 322]. Следовательно, этот тип поясного набора продолжал существовать в западных районах Великой степи, когда на территории Саяно-Алтая он был уже забыт. При этом первые экземпляры поясов «общетюркского типа» появляются на Южном Урале и в Прикамье уже во второй половине VII века, где сосуществуют некоторое время с геральдическими накладками с прорезным узором на литых основах [Геннинг 1979: 101-108]. С середины VIII века гладкие накладки «общетюркского типа» фиксируются в погребениях Больше-Тиганского могильника [Халикова, Халиков 2018: 109-110].

Пояса «общетюркского типа» встречаются и в древностях салтово-маяцкой культуры [Плетнева 1967: 163; Комар 1999: 130; Комар 2001: рис. 3: 29]. А.В. Комар даже выделяет восточнотюркскую группу среди поясов раннесалтовского типа (вместе с крымско-византийской и аварской) [Комар 2001: 106, 108-109].

В этом случае неясным выглядит отсутствие поясов «общетюркского типа» в материалах памятников соколовского типа – группы степных восточноевропейских захоронений рубежа VII / VIII – начала IX в. Памятники соколовского типа в историографии сегодня устойчиво ассоциируется с хазарским компонентом [Комар 2018: 83; Круглов 2019: 145]. В памятниках этого типа гладкие накладки «общетюркского типа» обнаружить не удалось.

Таким образом, гладкие поясные накладки «общетюркского типа» появляются на Кавказе в середине VIII века и существуют, минимум до начала XI века. При этом важно отметить, что данный тип поясных накладок появляется на границе Восточной Европы и степей Приуралья значительно раньше – в середине VII века. Выявление причин столь длительного хронологического разрыва между появлением изучаемого типа поясов в различных регионах является темой дальнейшей работы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Амброз 1971 – *Амброз А.К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. II // Советская Археология. – 1971. – № 3. – С. 106-134.

Винников, Афанасьев 1991 – *Винников А.З., Афанасьев Г.Е.* Культовые комплексы Маяцкого селища. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1991. – 193 с.

Виноградов, Мамаев 1984 – *Виноградов В.Б., Мамаев Х.М.* Аланский могильник у села Мартан-Чу в Чечне (Материалы 1970-1976 гг.) // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. – Орджоникидзе: СОНИИ, 1984. – С. 62-86.

Виноградов, Мамаев 1985 – *Виноградов В.Е., Мамаев Х.М.* Мартан-Чуйский 1-й могильник в Чечне (материалы раскопок 1977-1978 гг.) // Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. – Грозный: ЧИНИИИСФ, 1985. – С. 5-27.

Генинг 1979 – *Генинг В.Ф.* Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н.э.: (По материалам могильников Прикамья) // Краткие сообщения Института Археологии. – 1979. – Вып. 158. – С. 96-106.

Дзаттиаты 2014 – *Дзаттиаты Р.Г.* Аланские древности Даргавса. – Владикавказ: Ир, 2014. – 239 с.

Дзаттиаты и др. 2018 – *Дзаттиаты Р.Г., Успенский П.С., Царикаева (Албегова) З.Х.* Оружие населения Центрального Кавказа VII-X вв. по материалам Даргавского могильника // Кавказ в системе культурных связей в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа». Материалы международной научной конференции / Отв. ред. У.Ю. Кочкаров. – Карачаевск: КЧГУ им. У.Д. Алиева, 2018. – С. 326-330.

Добжанский 1990 – *Добжанский В.Н.* Наборные пояса кочевников Азии. – Новосибирск: Издательство НГУ, 1990. – 164 с.

Долбежев 1893 – *Долбежев В.И.* Раскопки на Кавказе. В Терской области // Отчет императорской археологической комиссии за 1890. – СПб.: Типография Главного Управления уделов, 1893. – С. 87-110.

Кантемиров, Дзаттиаты 1995 – *Кантемиров Э.С., Дзаттиаты Р.Г.* Тарский катакомбный могильник VIII-IX вв. // Аланы: история и культура. Т. III. – Владикавказ: Северо-осетинский институт гуманитарных исследований, 1995. – С. 259-314.

Ковалевская 1981 – *Ковалевская В.Б.* Северокавказские древности // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья / отв. ред. С.А. Плетнева. – М.: Наука, 1981. – С. 83-97.

Ковалевская 2005 – *Ковалевская В.Б.* Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. – Пушино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2005. – 398 с.

Комар 1999 – *Комар А.В.* Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // VITA ANTIQUA. – 1999. – № 2. – С. 111-136.

Комар 2001 – *Комар А.В.* Происхождение поясных наборов раннесалтовского типа // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (из истории костюма) Т. 2 / Ред. Д.А. Стащенко. – Самара: Самар. обл. ист.-краевед. музей им. П.В. Алабина, 2001. – С. 103-117.

Комар 2018 – *Комар А.В.* История и археология древних мадьяр в эпоху миграции / Komar Olekszij. A korai magyarság vándorlásának történeti és régészeti emlékei. – Будапешт: Pauker Nyomdaipari Kft. 2018. – 424 с.

Круглов 2019 – *Круглов Е.В.* Формирование источниковой базы памятников типа Соколовской балки. Мыськов Е.П.: курганный могильник «Нагавский II» (работы 1987 и 1991 гг.) // Археология как жизнь. Памяти Евгения Павловича Мыськова / ФГБОУ ВО ВГСПУ; ВОО ВДАО; ВРО ВООПИиК. – Волгоград: Сфера, 2019. – С. 129-157.

Мамаев 1985 – *Мамаев Х.М.* Население плоскостной зоны Среднего Притеречья в эпоху раннего средневековья (Материальная культура по данным погребальных памятников). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 1985. – 16 с.

Мамаев 2010 – *Мамаев Х.М.* О дате Верхнеалкунской катакомбы 1939 г. (к хронологии могильника Мамисондон) // Албегова З.Х., Верещинский-Бабайлов Л.И. Раннесредневековый могильник Мамисондон: результаты охранных археологических исследований 2007-2008 гг. в зоне строительства водохранилища Зарамагских ГЭС. Материалы охранных археологических исследований. – М.: Ин-т археологии РАН: ТАУС: 2010. – С. 390-409.

Плетнева 1967 – *Плетнева С.А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – М.: Наука, 1967. – 209 с. (Материалы и исследования по археологии СССР (МИА), № 142)

Плетнева 1989 – *Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). – М.: Наука, 1989. – 286 с.

Торгоев 2016 – *Торгоев А.И.* Венгры на Северном Кавказе? // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара: каталог выставки (19 февраля – 18 сентября 2016 г.; Казань) / науч. ред., авт. предисл.: А.И. Торгоев, И.Р. Ахмедов. – М.: Издательский дом Марджани, 2016 – С. 310-313.

Халикова, Халиков 2018 – *Халикова Е.А., Халиков А.Х.* Ранние венгры на Каме и Урале (Больше-Тиганский могильник). – Казань: Изд-во «Фэн», 2018. – 144 с. (Археология евразийских степей. Приложение к журналу. Выпуск 25)

Щапова 1963 – *Щапова Ю.Л.* Стекланные изделия средневековой Тмутаракани // Керамика и стекло древней Тмутаракани. – М.: Наука, 1963. – С. 102-134.

REFERENCES

AMBROZ A.K. *Problemy rannesrednevekovoi khronologii Vostochnoi Evropy. Ch. II* [Problems of early medieval chronology of Eastern Europe]. IN: *Sovetskaya Arkheologiya*. – 1971. – No. 3. – P. 106-134. (In Russian)

DOBZHANSKII V.N. *Nabornye poyasa kochevnikov Azii* [Stacked belts of nomads of Asia]. – Novosibirsk: Izdatel'stvo NGU, 1990. – 164 p. (In Russian)

DOLBEZHEV V.I. *Raskopki v Terskoi oblasti* [Excavations in the Caucasus. In the Terek region]. IN: *Otchet imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1890* [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1890]. – SPb.: Tipografiya Glavnogo Upravleniya udelov, 1893. – P. 87-110. (In Russian)

DZATTIATY R.G. *Alanskie drevnosti Dargavs* [Alanian antiquities of Dargavs]. – Vladikavkaz: Ir, 2014. – 239 p. (In Russian)

DZATTIATY R.G., USPENSKII P.S., TSARIKAEVA (ALBEGOVA) Z.Kh. *Oruzhie naseleniya Tsentral'nogo Kavkaza VII-X vv. po materialam Dargavsskogo mogil'nika* [Weapons of the population of the Central Caucasus VII-X centuries, based on materials from the Dargavssky burial ground]. IN: *Kavkaz v sisteme kul'turnykh svyazei v drevnosti i srednevekov'e. KhKhKh «Krupnovskie chteniya po arkheologii Severnogo Kavkaza». Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii / Otv. red. U.Yu. Kochkarov* [Caucasus in the system of cultural ties in antiquity and the Middle Ages. XXX "Krupnov readings on the archeology of the North Caucasus." Materials of the international scientific conference. Ed. by W.Yu. Kochkarov.]. – Karachaevsk: KChGU im. U.D. Alieva, 2018. – P. 326-330. (In Russian)

GENING V.F. *Khronologiya poyasnoi garnitury I tysyacheletiya n.e.: (Po materialam mogil'nikov Prikam'ya)* [Chronology of a belt set of the 1st millennium A.D. : (Based on materials from the Kama region burial grounds)]. IN: *Kratkie soobshcheniya Instituta Arkheologii.* – 1979. – Iss. 158. – P. 96-106. (In Russian)

KANTEMIROV E.S., DZATTIATY R.G. *Tarskii katakombnyi mogil'nik VIII-IX vv.* [Tarski catacomb burial ground VIII-IX centuries]. IN: *Alany: istoriya i kul'tura. T. III* [Alans: history and culture. Volume III]. – Vladikavkaz: Severo-oseinskii institut gumanitarnykh issledovaniy, 1995. – P. 259-314. (In Russian)

KHALIKOVA E.A., KHALIKOV A.Kh. *Raniie vengry na Kame i Urale (Bol'she-Tiganskii mogil'nik)* [Early Hungarians in the Kama and Urals (Bolshe-Tigansky burial ground)]. – Kazan': Izd-vo «Fen», 2018. – 144 p. (*Arkheologiya evraziiskikh stepei. Prilozhenie k zhurnalu. Vypusk 25*) [Archeology of the Eurasian steppes. Appendix to the journal. Issue 25] (In Russian)

KOMAR A.V. *Istoriya i arkheologiya drevnikh mad'yar v epokhu migratsii / KOMAR OLEKSZIJ. A korai magyarság vándorlásának történeti és régészeti emlékei* [History and archeology of the Ancient Hungarians in the era of migration]. – Budapest: Pauker Nyomdaipari Kft. 2018. – 424 p. (In Russian; In Hungarian)

KOMAR A.V. *Predsaltovskie i rannesaltovskii gorizonty Vostochnoi Evropy (voprosy khronologii)* [Pre-Saltov and early Saltov horizons of Eastern Europe (questions of chronology)]. IN: *VITA ANTIQUA.* – 1999. – No. 2. – P. 111-136. (In Russian)

KOMAR A.V. *Proiskhozhdenie poyasnykh naborov rannesaltovskogo tipa* [The origin of belt sets of the early Saltov type]. IN: *Kul'tury Evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tys. n. e. (iz istorii kostyuma) T. 2 / Red. D.A. Stashenkov* [Cultures of the Eurasian steppes of the second half of the 1st millennium AD (from costume history) Vol. 2]. – Samara: Samar. obl. ist.-kraeved. muzei im. P.V. Alabina, 2001. – P. 103-117. (In Russian)

KOVALEVSKAYA V.B. *Kavkaz – skify, sarmaty, alany I tys. do n.e. – I tys. n.e.* [Caucasus - Scythians, Sarmatians, Alans of the 1st millennium BC – 1st millennium AD]. – Pushchino: ONTI PNTs RAN, 2005. – 398 p. (In Russian)

KOVALEVSKAYA V.B. *Severokavkazskie drevnosti* [North Caucasian antiquities]. IN: *Arkheologiya SSSR. Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya / otv. red. S.A. Pletneva* [Archeology of the USSR. The steppes of Eurasia in the Middle Ages. Ed. by S.A. Pletnev]. – M.: Nauka, 1981. – P. 83-97. (In Russian)

KRUGLOV E.V. *Formirovanie istochnikovoi bazy pamyatnikov tipa Sokolovskoi balki. Mys'kov E.P.: kurgannyi mogil'nik «Nagavskii II» (raboty 1987 i 1991 gg.)* [Formation of the source base for monuments such as Sokolovskaya Balka. Myskov E.P.: burial mound "Nagavsky II" (works in 1987 and 1991)]. IN: *Arkheologiya kak zhizn'. Pamyati Evgeniya Pavlovicha Mys'kova* [Archeology as life. In memory of Evgeny Pavlovich Myskov]. – Volgograd: Sfera, 2019. – P. 129-157. (In Russian)

MAMAEV Kh.M. *Naselenie ploskostnoi zony Srednego Priterech'ya v epokhu rannego srednevekov'ya (Material'naya kul'tura po dannym pogrebal'nykh pamyatnikov). Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [Population of the flat zone of the Middle Priterechye in the early Middle Ages (Material culture according to data from burial monuments). Abstract of dissertation for the candidate of historical sciences degree]. – M., 1985. – 16 p. (In Russian)

MAMAEV Kh.M. *O date Verkhnealkunskoi katakomby 1939 g. (k khronologii mogil'nika Mamisondon)* [About the date of the Upper Alkun catacomb in 1939 (to the chronology of the Mamisondon burial ground)]. IN: *ALBEGOVA Z.Kh., VERESHCHINSKII-BABAILOV L.I. Rannesrednevekovyi mogil'nik Mamisondon: rezul'taty okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy 2007-2008 gg. v zone stroitel'stva vodokhranilishcha Zaramagaskikh GES. Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy* [Early medieval burial ground Mamisondon: results of protective archaeological research 2007-2008. in the construction zone of the Zaramagskie HPP reservoir. Materials of protective archaeological research]. – M.: In-t arkheologii RAN: TAUS: 2010. – P. 390-409. (In Russian)

PLETNEVA S.A. *Na slavyano-khazarskom pogranich'e (Dmitrievskii arkheologicheskii kompleks)* [On the Slavic-Khazar borderland (Dmitrievsky archaeological complex)]. – M.: Nauka, 1989. – 286 p. (In Russian)

PLETNEVA S.A. *Ot kochevii k gorodam. Saltovo-mayatskaya kul'tura* [From nomads to cities. Saltovo-Mayatskaya culture]. – M.: Nauka, 1967. – 209 p. (*Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (MIA), № 142*) [Materials and research on archeology of the USSR (MIA), No. 142] (In Russian)

SHCHAPOVA Yu.L. *Steklyannye izdeliya srednevekovoi Tmutarakani* [Glassware of medieval Tmutarakan]. IN: *Keramika i steklo drevnei Tmutarakani* [Ceramics and glass of ancient Tmutarakan]. – M.: Nauka, 1963. – P. 102-134. (In Russian)

TORGGOEV A.I. *Vengry na Severnom Kavkaze?* [Hungarians in the North Caucasus?]. IN: *Puteshestvie Ibn Fadlana: Volzhskii put' ot Bagdada do Bulgara: katalog vystavki (19 fevralya – 18 sentyabrya 2016 g.; Kazan') / nauch. red., avt. predisl.: A.I. Torgoev, I.R. Akhmedov* [Travel of Ibn Fadlan: Volga route from Baghdad to Bulgar: exhibition catalog (February 19 – September 18, 2016; Kazan). Scientific. ed., foreword: A.I. Torgoev, I.R. Akhmedov]. – M.: Izdatel'skii dom Mardzhani, 2016 – P. 310-313. (In Russian)

VINNIKOV A.Z. Afanas'ev G.E. *Kul'tovye komplekсы Mayatskogo selishcha* [Religious buildings at the Mayatskoye settlement]. – Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 1991. – 193 p. (In Russian)

VINOGRADOV V.B., MAMAEV Kh.M. *Alanskii mogil'nik u sela Martan-Chu v Chechne (Materialy 1970-1976 gg.)* [Alan burial ground near the village of Martan-Chu (1970-1976)]. IN: *Voprosy arkheologii i etnografii Severnoi Osetii* [Archeological issues of North Ossetia]. – Ordzhonikidze: SONII, 1984. – P. 62-86. (In Russian)

VINOGRADOV V.E. MAMAEV Kh.M. *Martan-Chuiskii 1-i mogil'nik v Chechne (materialy raskopok 1977-1978 gg.)* [1st burial ground near the village of Martan-Chu in Chechnya (1977-1978)]. IN: *Srednevekovye pogrebal'nye pamyatniki Checheno-Ingushetii* [Medieval burial monuments of Checheno-Ingushetia]. – Grozny: ChINIISF, 1985. – P. 5-27. (In Russian)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Средневековая и новая история**

УДК 94(47)

DOI 10.31143/2542-212X-2020-3-60-78

**ПРИСТАВСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ В КАБАРДЕ В 1769-1858 гг.:
ДИНАМИКА, ПОЛНОМОЧИЯ, ПЕРСОНАЛИИ****И.Р. НАХУШЕВА**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: nakhusheva.inara@bk.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены динамика, объем полномочий и персоналии приставского управления Кабарды в 1769-1858 гг. Проблема изучается в рамках 3 подпериодов: 1) 1769-1793 гг. – образование и деятельность приставского управления, как первого учреждения локального судебно-административного контроля в Кабарде; 2) 1793-1822 гг. – рассредоточение функций локального судебно-административного контроля между приставским управлением и Моздокским верхним пограничным судом; 3) 1822-1858 гг. – образование Кабардинского временного суда, упразднение кабардинского и образование малокабардинского приставства. Определено, что в круг их полномочий входило отправление посреднических функций между российской властью и коренными жителями, решение споров и конфликтов среди местного населения, посредничество при урегулировании междоусобных разногласий, выдача проездных билетов и контроль за индивидуальной и групповой миграцией, сбор сведений об общественном быте подведомственного населения и т.п. Установлено, что приставские управления на Левом крыле Кавказской линии, в том числе и малокабардинское, были ликвидированы в результате административных преобразований 1858 г. Делается вывод, что в новых условиях служащими, наделенными схожими с приставскими полномочиями, стали помощники начальников округов на местах, затем начальники участков.

Ключевые слова: кабардинцы; Кабарда; Северный Кавказ; Российская империя; приставство; административная система.

**THE BAILIFF OFFICE IN THE KABARDA IN 1769-1858:
DYNAMICS, POWERS, PERSONALITIES****I.R. NAHUSHEVA**

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov"
360000, KBR, Nalchik, Chernishevskogo st., 173
E-mail: nakhusheva.inara@bk.ru

Abstract. The article considers the dynamics, scope of powers and personalities of the Kabarda bailiff administration in 1769-1858. The problem is studied within 3 sub-periods: 1) 1769-1793 – the education and activities of the bailiff administration, as the first institution of local judicial and administrative control in the Kabarda; 2) 1793-1822 dispersal of the functions of local judicial and administrative control between the bailiff department and the Mozdok Upper Border Court; 3) 1822-1858 – the formation of the Kabardian provisional court and the transformation of the Kabardian bailiff administration into Malokabardian. It is specified that military officers and (in some cases) civil servants were appointed bailiffs. It was determined that their powers included the exercise of mediation functions between the Russian authorities and the indigenous inhabitants, establishing partnerships with representatives of the Kabardian ethnic elite, resolving disputes and conflicts among representatives of the local population, mediation in the settlement of internecine disputes, prevention of possible conflicts, issuance of travel tickets and control over individual and group migration, collection of information about the public life of the controlled population, etc. that the Bailiff administrations on the Left Wing of the Caucasian Line were liquidated in 1858 as a result of the transformations, aimed at the establishment of institutes of military-public administration, the formation of districts and their unification in the Terek region. It is concluded that in the new conditions, the assistants of the district chiefs in the field, then the chiefs of the sites, were similar to the bailiff structures.

Keywords: the Kabardians; Kabarda; North Caucasus; Russian Empire; bailiff; administrative system.

Введение

Инкорпорация народов Северного Кавказа в политико-правовое пространство России – длительный процесс, затрагивавший большинство сфер их общественной жизни. В этом плане большой научный интерес вызывает образование и деятельность здесь административных учреждений Российской империи на разных этапах исторического процесса. Поэтому исследование проблем политико-административного взаимодействия институтов, находящихся на разных уровнях организации власти, в исторической ретроспективе актуально как для сложившихся, так и для переходных управленческих структур.

Формирование административной системы России на Северном Кавказе в последней трети XVIII – первой половине XIX в. затрагивало разные уровни управленческой иерархии: от крупных политико-правовых образований (наместничество, губерния, область) до локальных форм судебно-административного контроля (приставства, родовые суды). Поэтому изучение истории образования и деятельности приставского управления в Кабарде в это время представляется важной научной задачей, требующей комплексного исследования. При этом приставское управление в Кабарде может рассматриваться как часть складывавшейся на Кавказе в последней трети XVIII – первой половине XIX в. системы локального судебно-административного контроля. В это время на Северо-Западном, Центральном, Северо-Восточном

Кавказе, а также в Среднем и части Восточного Предкавказья создавались и успешно функционировали главные и частные приставские управления, которые имели схожие структуры и полномочия.

Некоторые аспекты функционирования приставского управления в Кабарде в указанный период затрагивались в трудах П.Г. Буткова [Бутков 2001: 266], Н.Ф. Грабовского [Грабовский 2008], С.Э. Эсадзе [Эсадзе 1907], М.М. Блиева [Блиев 1964], Ж.А. Калмыкова [Калмыков 1995; Калмыков 2007], Г.Н. Малаховой [Малахова 1997], Б.К. Мальбахова [Мальбахов 1998], З.М. Блиевой [Блиева 1992; Блиева 2005], Ш.А. Гапурова [Гапуров 2003а; Гапуров 2003b; Гапуров 2004], Е.Г. Муратовой [Битова 2005; Муратова 2016], М.И. Афауновой [Афаунова 2007], В.Н. Мальцева и А.Ю. Чирга [Мальцев, Чирг 2012], З.Ж. Глашевой [Глашева 2017а; Глашева 2017b; Глашева 2018], А.Х. Абазова [Абазов 2016; Абазов 2019] и др. Однако накопленная к настоящему времени источниковая база помогает дополнить и детализировать известные сведения о функционировании данного института. В частности, в работе использовались нормативные и делопроизводственные источники, опубликованные Кавказской археографической комиссией или извлеченные из архивохранилищ гг. Нальчик (УЦГА АС КБР, Архив ИГИ КБНЦ РАН) и Владикавказ (ЦГА РСО – Алания). К числу нормативных источников, содержащих сведения о функциях и объеме полномочий кабардинских приставов, относятся различного рода инструкции (например, «Инструкция, данная секунд-майору Дмитрию Таганову, определенному к исправлению должности пристава при кабардинцах» (1769) [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 39]). К числу делопроизводственных источников относятся рапорта (в том числе, начальников округов вышестоящему начальству), аналитические записки (например, записка «главного штаба Кавказской армии о преобразовании приставских управлений на Кавказе» (1858 г.)). В рапортах содержались сведения о состоянии текущих дел в регионе, особенностях организации деятельности приставских управлений и т.п. В некоторых делопроизводственных документах содержались сведения о функциях приставов. Так, например, в предписании П.Д. Цицианова И.П. Дельпоцо от 29 января 1805 г., выданном ему при вступлении в должность пристава (управляющего делами) Кабардинского народа, были поставлены конкретные цели, что подробно характеризует круг его полномочий [АКАК 1868: 958]. Документы этой группы позволили установить персональный состав управлений, источники и объемы финансирования их деятельности, подходы к преобразованию приставства и т.п. В целом, анализ источников и литературы позволяет глубже изучить основные направления политики России по установлению на Кавказе первоначальных форм локального судебно-административного контроля, определить персональный состав и структуру приставского управления, наметить перспективы изучения каналов социальной мобильности, открывавшихся служащим этих учреждений, и т.п.

Результаты исследования

Общие сведения

Приставское управление функционировало в Кабарде в 1769-1858 гг. В рамках данного периода можно выделить 3 подпериода: 1) 1769-1793 гг. – образование и деятельность приставского управления, как первого учреждения локального судебно-административного контроля в Кабарде; 2) 1793-1822 гг. – рассредоточение функций локального судебно-административного контроля между приставским управлением и Моздокским верхним пограничным судом; 3) 1822-1858 гг. – образование Кабардинского временного суда, упразднение кабардинского приставского управления, образование малокабардинского и его ликвидация в 1858 г.

Приставами назначались военные офицеры и (в некоторых случаях) гражданские чиновники. В круг их полномочий входило отправление посреднических функций между российской властью и коренными жителями, установление дружественных взаимоотношений с представителями кабардинской этноэлиты, решение и превенция споров и конфликтов среди представителей местного населения, посредничество при урегулировании междоусобных разногласий, выдача проездных билетов и контроль за индивидуальной и групповой миграцией, сбор сведений об общественном быте подведомственного населения и т.п. С течением времени набор полномочий приставов менялся: добавлялись новые, изменялись или передавались другим учреждениям прежние и т.п.

Образование и деятельность приставского управления, как первого учреждения локального судебно-административного контроля в Кабарде (1769-1793)

В 1769 г. было учреждено первое приставское управление на Центральном Кавказе. 3 ноября этого года Екатерины II специальным указом назначила приставом кабардинского народа секунд-майора Дмитрия Таганова [Урушадзе 2011: 13]. Моздок с 1769 г. вплоть до конца XVIII в. являлся местом пребывания кабардинского пристава.

До назначения приставом Кабарды Д. Таганов занимал схожую должность «при делах калмыцких» [Афаунова 2007: 101]. В указе Екатерины II генерал-майору И.Ф. де Медему от 21 июля 1769 г. отмечалось: «Секунд-майора [Д.] Таганова, находившегося при Калмыцких делах, приказано употребить по Кабардинским делам, тем, чтобы знатною его порою воспользоваться» [АКАК 1866: 83]. Здесь имелось в виду, что Д.В. Таганов был внуком знатного ногойского мурзы – «Мусы-Мурзы, главного над Солтанаульскими Татарами, составляющими большую часть Кубанского народа...» [АКАК 1866: 83]. В.А. Потто писал, что «еще будучи ребенком Таганов отдан был в аманаты и жил в Кизляре» [Потто 1991: 90]. Д. Таганов получил образование в Санкт-Петербурге [Кидирниязов 2014: 23].

Круг полномочий первого кабардинского пристава был установлен специальной инструкцией [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 39]. Основной его функцией было «наблюдение за кабардинскими князьями, которые должны были согласовывать с ним свои действия» [Хлынина и др. 2012: 33]. В его обязанности входило и установление отношений с закубанскими черкесами [Афаунова 2007: 101]. Помимо прочего, пристав Кабарды выполнял посреднические функции во взаимодействии российской власти и представителей кабардинского нобилитета, отвечал за установление коммуникации с кабардинцами и был обязан проводить агитацию о принятии российского подданства между ними [АКАК 1866: 84]. В указе Императрицы генералу И.Ф. де Медему от 3 ноября 1769 г. сообщалось о предпочтении «мирных» способов установления отношений с кабардинцами на примере влиятельного князя Мисоста Баматова [АКАК 1866: 84]. Пристав Д. Таганов в рамках своих полномочий был обязан сообщать начальству об общественно-политической ситуации на подведомственной территории [АКАК 1866: 87]. Д. Таганов подавал рапорт на имя И.Ф. де Медема о позиции кабардинской этноэлиты по вопросам взаимоотношений с представителями соседних народов [КРО 1957: 308]. В том же году он состоял в переписке с майором Чориным по некоторым вопросам его взаимоотношений с кабардинцами [КРО 1957: 308]. Кроме того, Д. Таганов упоминается в должности кабардинского пристава в рапорте генерала И.Ф. де Медема от 8 апреля 1777 г., в котором сообщалось, что он 29 октября 1776 г. вместе с майором Бушуевым был отправлен в Кабарду для дачи представителям местного нобилитета соответствующих разъяснений по поводу складывавшейся международной и военно-политической ситуации на Северном Кавказе после подписания Кючук-Карнайджийского мирного договора (1774) [АКАК 1866: 89].

С течением времени постоянно принимались нормативные акты, уточнявшие или расширявшие полномочия кабардинского пристава. Так, М.И. Афаунова приводит извлечения из «Обязательства, учиненного кабардинским владельцам и узденям и всему черному народу» от 1778 г., содержавшие сведения об обязанностях кабардинского пристава. В частности, документ наделяет его правом решения возникавших между кабардинцами споров и конфликтов. В обязательстве отмечено, что «во всех обидах и притеснениях, друг у друга учиненных, должны искать правосудия у пристава Кабарды и старшего владельца Джанхота Татарханова, а самим не разбираться...» [Афаунова 2007: 101-102]. Однако М.И. Афаунова считает, что в начале 80-х гг. XVIII в. «пристав был не вправе, да и не в состоянии вмешиваться во внутренние дела Кабарды, являясь лишь посредником между кабардинским народом и царской администрацией» [Афаунова 2007: 101-102].

Д. Таганов исполнял обязанности пристава Кабарды до начала 80-х гг. XVIII в. В последствии он в чине полковника занимал должность Моздокского коменданта и председателя Моздокского верхнего пограничного суда [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1209. Оп. 17. Ед. хр. 12. Л. 6]. Это говорит о том, что должность пристава открывала для служащих новые возможности в профессии и

выступала стартовой площадкой для последующей военно-политической карьеры.

Преемником Д. Таганов в должности пристава Кабарды стал князь Афанасий Ураков. Назначение на должность нового пристава произошло предположительно в 1780–1781 гг. Так, князь Ураков упоминался в качестве пристава Кабарды в ордере князя Потемкина от 13 ноября 1781 г. [АКАК 1868: 1111], в котором представителям кабардинского нобилитета предписывалось вместе с приставом явиться к нему для переговоров. Кроме того, А. Ураков фигурировал в этой должности в рапорте командующему Кавказским корпусом П.С. Потемкину от 6 декабря 1782 г. [КРО 1957: 352], а также в ордерах Потёмкина от 31 марта 1783 г. [АКАК 1868: 1112], 27 июня 1783 г. [АКАК 1868: 1112], 16 мая 1784 г. [АКАК 1868: 1113], 18 мая 1784 г. [АКАК 1868: 1113], 25 августа 1784 г. [АКАК 1868: 1113] и т.п.

После учреждения наместничества в 1785 г. должность пристава Кабарды сохранялась за А. Ураковым. В частности, он упоминался в рапортах начальства от 3 сентября 1785 г. [АКАК 1868: 1116], 11 ноября 1785 г. [АКАК 1868: 1116], 5 января 1786 г. [АКАК 1868: 1116], 8 февраля 1786 г. [АКАК 1868: 1116], 9 апреля 1787 г. [АКАК 1868: 1116], а также – в ордере генерала Текелия от 10 января 1788 г. [АКАК 1868: 1117], 14 января 1788 г. [АКАК 1868: 1117], в ордере генерала Левашова от 25 августа 1788 г. [АКАК 1868: 1117], 29 октября 1788 г. [АКАК 1868: 1117], в ордере генерала Текелия от 3 февраля 1789 г. [АКАК 1868: 1119].

Князь Ураков продолжал занимать должность кабардинского пристава и в начале 90-х гг. XIX в. фигурировал в ордере генерала Бибикова от 17 января 1790 г. [АКАК 1868: 1120], 24 февраля 1790 г. [АКАК 1868: 1120], ордере генерал-аншефа И.В. Гудовича от 5 февраля 1791 г. [АКАК 1868: 1121], 1 марта 1791 г. [АКАК 1868: 1121], 22 сентября 1794 г. [АКАК 1868: 1127] и т.п.

Приставское управление в Кабарде в период функционирования Моздокского верхнего пограничного суда (1793-1822).

Учреждение Моздокского верхнего пограничного суда в 1793 г. является одной из важных вех в истории деятельности приставского управления в Кабарде. Ее особенность заключается в том, что наделенный до этого некоторыми судебными функциями кабардинский пристав вошел в первый состав пограничного суда. Однако после его выведения из штата суда он уже не принимал участие в решении споров и конфликтов среди жителей подведомственных территорий. Но при этом проводил мероприятия по предварительному расследованию дел, отвечал за установление личности преступников и доставку их в суд и т.п.

Так, князь А. Ураков в 1793 г. вошел в первый состав Моздокского верхнего пограничного суда и занял одну из двух должностей судей, предназначавшихся для российских военных офицеров [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1209. Оп. 17. Ед. хр. 12. Л. 6]. Однако после него пристав Кабарды в состав Пограничного суда больше не входил, но продолжал с ним тесное сотрудничество [Абазов 2019: 106]. Позже присутствие кабардинского пристава

было перемещено из Моздока в ст. Прохладную. Полагаем, что одним из немаловажных факторов по выведению кабардинского пристава из состава Моздокского верхнего пограничного суда стал именно территориальный фактор: суд находился в Моздоке, а специфика деятельности пристава требовала от него постоянного нахождения непосредственно вблизи территории проживания подведомственных народов.

С 1797 г. в документах Моздокского верхнего пограничного суда в должности пристава Большой и Малой Кабарды упоминается коллежский советник Лаба [Абазов 2019: 79].

В конце XVIII – начале XIX в. на приставе Кабарды лежала обязанность по организации и проведению выборов судей в родовые суды и расправы и в Моздокский пограничный суд. Так, в 1799 г. надворному советнику Г. Стемповскому было поручено провести очередные выборы судей. Однако в рапорте К.Ф. Кнорринга от 23 апреля 1800 г. отмечалось, что «означенные выборы не только не окончены, но и начаты не были» [АКАК 1866: 719]. Кроме того, после подавления протестов кабардинцев, связанных с введением у них российских судебных учреждений, было решено оставить «с приставом при Кабардах надв. с. Стемповским 150 казаков под командою Волжского казачьего полка полкового командира кап. Савельева...» [АКАК 1866: 723] до окончательной стабилизации обстановки.

В 1800 г. была учреждена должность Главного пристава. Нововведение было своего рода первой попыткой укрупнить несколько локальных приставств и назначить для координации их работы пристава более высокого уровня в административной иерархии. Главный пристав (1800) подчинялся Коллегии иностранных дел. Однако, по гражданским вопросам он взаимодействовал с военным и гражданским губернаторами в Астрахани. Круг его полномочий определялся Указом «об определении к.[оллежского] с.[оветника] Макарова к управлению делами калмык, кабардинцев, тухменцев, ногайцев и других азиатских народов» [Административная практика... 2012: 104]. Указ определял круг народов, подведомственных Главному приставу. В документе отмечалось, что он распространяется на «Калмык, под державу Нашу (российскую. – *И.Н.*) возвратившихся и к делам Кабардинцев, Тухменцев, Нагайцев и других Азиатских народов, в пределах *Астраханской губернии и в близости к ней кочующих* (курсив наш. – *И.Н.*)» [Административная практика... 2012: 104]. Однако вопросы взаимодействия кабардинского пристава и главным кавказским приставом до настоящего времени исследованы недостаточно и требуют специального рассмотрения.

В начале XIX в. должность частного кабардинского пристава закреплялось за Г.Е. Стемповским. В 1800 г. надворный советник Г.Е. Стемповский в своих рапортах вышестоящему начальству указывал свою должность как «пристав при Кабардах» [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 6164. Л. 154; АКАК 1866: 717]. Он фигурировал в этой должности и во всеподданнейшем рапорте П.Д. Цицианова от 23 марта 1804 г., в котором сообщалось о том, что в результате игнорирования кабардинцами очередных выборов в родовые суды и расправы к приставу вернулись находившиеся при

судах казаки [АКАК 1868: 952]. При чем в рапорте была помещена критика эффективности выполнения данного поручения [АКАК 1868: 952].

Надворный советник Г. Стемповский был приставом ориентировочно до 1805 г. [Абазов 2019: 47]. Однако еще во всеподданнейшем рапорте от 23 марта 1804 г. П.Д. Цицианов предлагал переименовать должность пристава кабардинского народа в начальника Кабардинской области [АКАК 1868: 953] и назначать на эту должность военного в чине генерал-майора [АКАК 1868: 953]. И в случае одобрения предложения П.Д. Цицианова на должность «начальника Кабардинской области» рассматривалась кандидатура полковника И.П. Дельпоцо «со всемилостивейшем пожалованием в оный чин, так как он был без прошения отставлен тогда, когда доставалось ему в генерал-майоры, и с производением по чину тому жалования, которое можно ему в добавок к назначенному, по особому именному указу, для Кабардинского пристава...» [АКАК 1868: 954].

В высочайшем рескрипте, данном князю П.Д. Цицианову 29 мая 1804 г., говорилось о том, чтобы вместо пристава Кабарды статского советника назначить военного офицера, переименовав его должность в «управляющего делами Кабардинского народа» [АКАК 1868: 954]. Там же была согласована кандидатура И.П. Дельпоцо – в рескрипте предписывалось назначить его на эту должность и сообщалось о присвоении ему воинского звания генерал-майора. Эти же сведения были детализированы в письме товарища (заместителя) министра иностранных дел Российской империи князя А.Е. Чарторыйского князю П.Д. Цицианову 29 мая 1804 г. [АКАК 1868: 955].

Присутствие И.П. Дельпоцо, как и его предшественника, располагалось в Прохладной [АКАК 1868: 963].

Будучи на должности управляющего делами (пристава) Кабардинского народа, И.П. Дельпоцо принимал участие в организации выборов в родовые суды и расправы (подробные сведения о которых изложены им в рапорте на имя П.Д. Цицианова 16 марта 1805 г. [АКАК 1868: 961-962]), выявлял неэффективные административные механизмы и вносил предложения о совершенствовании подходов к организации управления в Кабарде [АКАК 1868: 962], обсуждал с вышестоящим начальством вопросы взаимодействия с населением подведомственных территорий [АКАК 1868: 962] и условия выплаты жалования за счет российской казны кабардинцам – служащим судов [АКАК 1868: 965], участвовал в борьбе с распространением инфекционных заболеваний [АКАК 1868: 966], поставлял сведения о территориях проживания и передвижения кавказских народов и расположении российских войск в регионе [АКАК 1868: 974], вносил предложения о стратегическом развитии подконтрольных России территорий (открытии провиантских и соляных магазинов в некоторых укреплениях и редутах, учреждении таможенных и карантинных застав и т.п.) [АКАК 1868: 975], участвовал в поимке преступников [АКАК 1868: 980].

Материалы по деятельности И.П. Дельпоцо позволяют охарактеризовать и такую функцию пристава, как сбор сведений о жителях подведомственных территорий. В частности, в отношении князя П.Д. Цицианова князю

А.Е. Чарторыйскому от 17 июня 1805 г. говорилось о том, что на тот момент в расположении российских властей не было человека, схожего по уровню подготовки с С. Броневским, способным составить историческую выписку о кабардинцах, и это дело было поручено И.П. Дельпоцо. В отношении отмечалось, что «спеша однако ж выполнить волю в.[ашего] с.[иятельства], поручил я исполнение сего Кабардинских областей начальнику ген.-м. Дельпоцо, находящемуся в Георгиевске, где оставлен и мой архив, в коем хранятся кабардинские дела» [АКАК 1868: 969]. И.П. Дельпоцо «хотя и не силен в русском языке, но знает оный столько, что не упустит ничего нужного при составлении сей исторической выписки, и как он выслал мне постановление, сделанное с кабардинцами еще покойным светлейшим князем Потёмкиным...» [АКАК 1868: 969]. Для этого хранителю архива П.Д. Цицианова в Георгиевске был отдан особый приказ сделать доступным для И.П. Дельпоцо весь архив, в котором хранились кабардинские дела [АКАК 1868: 970].

На основе анализа материалов Моздокского верхнего пограничного суда видно, что Ивана Дельпоцо на должности пристава Кабарды сменил подполковник И. Ребиндер [Афаунова 2007: 107]. В официальных документах середины 1810 г. И. Ребиндер упоминается как «исправляющий должность главного над кабардинцами пристава» [АКАК 1870: 871], который сложил полномочия 25 марта 1811 г. [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 438. Л. 1 об.].

С 1811 г. должность пристава кабардинского народа замещал майор Никольский. По данным Е.И. Кобахидзе, в 1812 г. переселявшиеся из горных районов и расселявшиеся на равнине осетины были отнесены к подведомственности кабардинского пристава, ставка которого в то время располагалась в Прохладной [Административная практика... 2012: 28]. В документах 1812 г. упоминались пристав подпоручик Худобашев при составлении «записки о награждении кабардинских депутатов и о сумме, употребленной с приезда их в Санкт-Петербург и при отпуске восвояси» [АКАК 1873: 867] и пристав сотник Дыдымов [Казаков 2006: 118] в «записке о вещах, какие назначены в подарок от Высочайшего имени для посылки в Кабарду к владельцам и другим чинам из почетнейших там людей» [АКАК 1873: 867]. С 1815 г. приставом работал майор Гурмандые, с 1817 г. – капитан Аносов [Абазов 2019: 53].

В первой половине 10-х гг. XIX в. роль пристава в управлении кабардинцев стала возрастать. Он становился основным каналом коммуникации российской власти и представителей местного населения. При этом анализ документов показывает, что кабардинские приставы выполняли в основном поручения Моздокского верхнего пограничного суда. Например, в 1815 г. кабардинскому приставу майору Гурмандые было предписано истребовать от владельца Большой Кабарды подполковника Кучука Джанхотова находящегося у него холопа узденя Е. [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 517. Л. 3]. Кроме того, в 1816 г. кабардинский пристав майор Гурмандые фигурировал в переписке Моздокского временного суда при

решении вопросов о «позволении производить сему суду и чиновникам оною по запасу дров в Черноярском осетинском селении...», «об отобрании от владельца Х.» невольников [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 521. Л. 1] и т.п.

С приходом на Кавказ в 1816 г. генерала от инфантерии А.П. Ермолова в деятельности приставских управлений наметились некоторые изменения, рубежной датой в которых стало учреждение в 1822 г. в крепости Нальчик Кабардинского временного суда. В целом в 1793-1822 г. кабардинское приставство продолжало непрерывно функционировать, переживая определенные изменения, связанные с развитием военно-политической ситуации в регионе и с некоторыми другими социально-экономическими факторами (эпидемия чумы, массовые миграции, сокращение численности населения, динамика этническая карты и т.п.). Значимые изменения в системе приставских управлений Кабарды произошли в 1822 г., когда функции пристава были переданы Кабардинскому временному суду и Начальнику на линии. В прежнем виде сохранилось лишь приставство в Малой Кабарде.

Преобразование кабардинского приставского управления в малокабардинское (1822-1858)

Определенный научный интерес представляют сведения о приставе Кабарды после преобразований генерала А.П. Ермолова в начале 20-х гг. XIX в. Прямого наименования «пристав Кабарды» в документах ермоловского времени не встречается, однако, в некоторых из них речь идет о начальнике, полномочия которого во многом сопоставимыми с приставскими. В частности, в прокламации генерала А.П. Ермолова кабардинскому народу от 9 августа 1822 г. говорилось о том, что для информирования жителей региона о нововведениях будет прислан служащий, который «в присутствии владельцев и узденей каждого аула соберет старейших из простого народа и им истолкует... распоряжения» [АКАК 1882: 943]. Этим служащим стал полковник артиллерии Коцарев, которому А.П. Ермолов 30 августа 1822 г. выдал специальное предписание. Анализ этого документа представляет определенный интерес для нашего исследования, т.к. содержит некоторые принципы организации локального судебно-административного контроля в Кабарде в первой половине 20-х гг. XIX в. В частности, Коцареву был поручен надзор за деятельностью учрежденного в 1822 г. в крепости Нальчик Кабардинского временного суда [АКАК 1882: 944]. Кроме того, он был обязан, как и другие кавказские приставы, взаимодействовать с представителями местной этноэлиты [АКАК 1882: 944]. Основной обязанностью Коцарева было «окончание строящихся в Кабарде укреплений и зимних жилищ для войск» [АКАК 1882: 944]. Поручения Коцарев должен был получать от генерала Сталя 2-го.

Фактически, после учреждения Кабардинского временного суда (1822) должность пристава Кабарды была упразднена. Обязанности локального судебно-административного контроля над жителями Большой Кабарды возлагались на «начальника войск, в Кабарде расположенных» (начальник Кабардинской линии).

Интересно, что в подчинении Коцарева состоял ротмистр князь Бекович-Черкасский [АКАК 1882: 944], который впоследствии упоминался в документах как «пристав Малой Кабарды» [АКАК 1881: 654]. А.П. Ермолов предписал служившего при нем ротмистра лейб-казацкого полка Бековича-Черкасского оставить «в Малой Кабарде, дабы наблюдать за поведением жителей оной и точным и единообразным исполнением... постановлений [А.П. Ермолова]» [АКАК 1882: 944]. В последующем некоторые представители рода Бековичей-Черкасских занимали должности приставов Кабарды.

Так, после образования Временного суда в 1822 г. продолжило функционировать лишь малокабардинское приставство, подведомственное начальнику Кабардинской линии.

При этом, к середине 20-х гг. XIX в. на Северном Кавказе уже сложилась целая сеть приставских управлений как учреждений локального судебно-административного контроля над жизнью народов, принявших российское подданство или прекративших сопротивление в Кавказской войне. Именно к этому времени относится принятие важного нормативного документа, упорядочивавшего и дифференцировавшего подходы к организации приставских управлений на Северном Кавказе – Учреждения для управления Кавказской областью (6 февраля 1827 г.). В нём для маркирования этнических групп региона в зависимости от локализации и формы правовой связи с имперским государством применялись термины «внешние» и «внутренние» инородцы. Это существенно отразилось и на организации деятельности приставских управлений. Эти начала были приняты в отношении приставских управлений (в том числе и малокабардинского), расположенных на Кавказской линии, а для внутренних – главное приставство и управление магомётанских народов и главное калмыцкое приставское управление.

В 1830 г. с включением Кабардинской линии в Центральную часть Кавказской линии изменилась административная подчиненность малокабардинского пристава – оно было переведено в подведомственность Начальника центра Кавказской линии.

В первой половине 30-х гг. XIX в. функционирование приставского управления в Малой Кабарде связывалась с фамилией Бековичей-Черкасских [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1209. Оп. 13. Ед. хр. 30. Л. 6; АКАК 1881: 654]. Так, А.В. Казаков установил, что Е.А. Бекович-Черкасский был приставом Малой Кабарды в чине капитана в 1829–1834 «с жалованьем 900 руб. ассигнациями в год» [Казаков 2006: 79]. Однако к этому же времени автор относит и приставство в Малой Кабарде Ф.А. Бековича-Черкасского, отмечая, что он состоял в этой должности в 1830-1832 гг. [Казаков 2006: 86]. Кроме того, в 1834 г. в документах в качестве пристава Малой Кабарды фигурировал подпоручик А.Ш. Абаев [УЦГА АС КБР. Ф. И-1. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 100-101].

Предположительно, после князя майора Бековича-Черкасского должность пристава Малой Кабарды занимал майор Анастасьев [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 20; УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Ед. хр. 129. Л. 44; ГА СК. Ф. 249. Оп. 3. Ед. хр. 2757]. Он упоминается в этой должности в документах начала 40-х гг. XIX в. в основном, как источник информации об

уровне жизни проживавшего на подведомственной ему территории населения, потенциальных внешних угрозах (например, о действиях Шамиля и его намерениях вторгнуться в Кабарду) и т.п. Также пристав подавал рапорта аналогичного содержания Пирятинскому 13 июля 1840 г. [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 84], 9 марта 1841 г. [Документы... 2011: 32], 21 марта 1841 г. [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 129. Л. 47]. Кроме того, пристав Анастасьев упоминается в этой должности в предписании генерал-майора Пирятинского штабс-капитану Королеву от 3 июля 1840 г. [Документы... 2011: 29].

В 1846 г. была учреждена должность «пристава балкарских народов», при этом малокабардинское приставство продолжало функционировать в прежнем виде. В 1846 г. должность пристава Малой Кабарды занимал потомственный дворянин моздокского казачества [Казаков 2006: 312] штабс-капитан Ф.П. Диков [Бейтуганов 1993: 112]. Его деятельность как раз пришлась на время похода имама Шамиля в Кабарду в апреле 1846 г. И пристав в этот период вел активную переписку с начальником Центра Кавказской линии генерал-майором Голицыным [Бейтуганов 1993: 112]. В 1848 г. должность пристава Малой Кабарды занимал полковник князь Г.Р. Эристов. В документах 1850-1853 гг. в должности пристава Малой Кабарды был сотник Тургиев [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Ед. хр. 1097. Л. 3; УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Ед. хр. 1632. Л. 103-104]. В 1858 г. в должности пристава Малой Кабарды упоминался майор Кундухов [ЦГА РСО-Алания. Ф. 291. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 3-8]. По данным А.Б. Мамхегова, пристав Кундухов был составителем посемейного списка Малой Кабарды княжеским фамилиям и узденей 1-й, 2-й, 3-й степеней и вольноотпущенников [Высшие сословия... 2006].

В 1855 г. в качестве временной меры учрежден суд в Малой Кабарде (в Псидахе) [АКАК 1904: 644-645]. При этом малокабардинское приставство функционировало в прежнем виде.

На основании высочайше утвержденного Положения Кавказского комитета «О некоторых изменениях в управлении покорными племенами Кавказа» (10 декабря 1857 г.) Центр Кавказской линии был упразднен, а образованные на его основе округа (Кабардинский, Военно-Осетинский, Чеченский и Кумыкский) были отнесены к Левому крылу Кавказской линии. С разделением в 1857 г. Кавказской линии на 2 самостоятельные части для упорядочивания территориальной подведомственности учреждений локального судебно-административного контроля возникла необходимость проведения границы между ее Правом и Левым крыльями. Это вызывало и определенные сложности. Например, часть «осетин с Большой Кабардой находится в пределах Правого, а другая половина с Малою Кабардою в пределах Левого Крыла Кавказской линии» [АКАК 1904: 625]. Для организации более качественного управления генерал-адъютант князь А.И. Барятинский предложил всех кабардинцев и осетин передать под управление командующего войсками Левого Крыла Кавказской линии и «средства сего последнего к содержанию кордонной линии достаточно увеличатся милициями этих племен и добавлением одного с половиною полка линейных казаков» [АКАК 1904: 625].

Вместе с тем начальнику Левого крыла Кавказской линии были отнесены относились и малокабардинское, балкарское и североосетинские приставства.

В 1858 г. в Малой Кабарде, как и на всем на Левом фланге Кавказской линии, приставское управление было ликвидировано. В июле этого года была подготовлена записка «Главного штаба Кавказской армии о преобразовании приставских управлений на Кавказе» [АКАК 1904: 645; Мальцев, Чирг 2012: 86-96]. Однако это не было единовременным решением властей, и анализ документов позволяет говорить о поэтапной передаче некоторых приставских полномочий вновь создаваемым учреждениям военно-народного управления соответствующего уровня. В частности, в это время территория Левого крыла Кавказской линии была поделена на Кабардинский, Военно-Осетинский, Чеченский и Кумыкский округа [Административная практика... 2012: 184]. Во главе каждого из них назначался начальник в чине полковника или генерал-майора, подчинявшихся непосредственно командующему войсками на Левом крыле Кавказской линии. В округах учреждались народные суды. Однако в утвержденном 10 декабря 1857 г. «Штате местных военных управлений покорными племенами Кавказа» вводились должности помощников управляющими частями округов [АКАК 1904: 632]. Считаем, что эти должности по объему полномочий и территориальной организации является во многом сопоставимыми с приставскими. Так, в Кабардинском округе предполагалось 3 помощника начальника округа – управляющих частями округа из числа представителей местного населения с окладом в 500 руб. в год [АКАК 1904: 632].

Заключение

Одним из первых опытов введения системы локального судебно-административного контроля России на Северном Кавказе было учреждение приставского управления в Кабарде в 1769 г. В качестве приставов назначались офицеры, состоявшие на российской военной службе, в некоторых случаях – служащие, имевшие гражданские чины. В их числе были как российские подданные, командированные либо проходившие службу на Кавказе, так и представители местного населения. Работа в должности пристава давала возможность дальнейшего карьерного роста. В обязанности пристава входило наблюдение за жизнью кабардинцев, установление взаимоотношений с закубанскими черкесами, оповещение властей о военно-политической ситуации в регионе, сбор сведений о местных жителях, отправление некоторых полномочий, взаимодействие с иными учреждениями российской администрации на Кавказе и т.п. Приставы были наделены посредническими, административными, судебными, информативными, аналитическими и другими функциями. С течением времени менялись территориальная подведомственность, характер коммуникации кабардинского приставства с административными и судебными учреждениями в регионе, что позволяет представить историю его деятельности в рамках нескольких сменявших друг друга этапов: функционирование приставства как самостоятельного

учреждения локального судебно-административного контроля (1769-1793), взаимодействие с Моздокским верхним пограничным судом (1793-1822), учреждение Кабардинского временного суда и образование малокабардинского приставства (1822-1858). Приставские управления на Левом крыле Кавказской линии были ликвидированы в 1858 г. в результате преобразований, направленных на учреждение институтов военно-народного управления, образования округов и их объединения в Терскую область. В новых условиях служащими, наделенными схожими с приставскими полномочиями, были помощники начальников округов на местах, затем начальники участков.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абазов 2016 – *Абазов А.Х.* Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX в. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. – 264 с.

Абазов 2019 – *Абазов А.Х.* Моздокский верхний пограничный суд в политике Российской империи на Северном Кавказе в 1793-1822 гг. – Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. – 124 с.

Административная практика... 2012 – *Административная практика* Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII до 1870 г. (на материалах Осетии): Сборник документов / Сост., вступ. ст., коммент. Е.И. Кобахидзе. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – 399 с.

АКАК 1866 – *Акты*, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12-и т. Т. 1. – Тифлис: Типография главного управления Наместника кавказского, 1866. – 816 с.

АКАК 1868 – *Акты*, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12-и т. Т. 2. – Тифлис: Типография главного управления Наместника кавказского, 1868. – 1238 с.

АКАК 1870 – *Акты*, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12-и т. Т. 4. – Тифлис: Типография главного управления Наместника кавказского, 1870. – 1019 с.

АКАК 1873 – *Акты*, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12-и т. Т. 5. – Тифлис: Типография главного управления Наместника кавказского, 1873. – 1187 с.

АКАК 1881 – *Акты*, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12-и т. Т. 8. – Тифлис: Типография главного управления Наместника кавказского, 1881. – 1033 с.

АКАК 1882 – *Акты*, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12-и т. Т. 9. – Тифлис: Типография главного управления Наместника кавказского, 1882. – 1012 с.

АКАК 1904 – *Акты*, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12-и т. Т. 12. – Тифлис: Типография главного управления Наместника кавказского, 1904. – 1558 с.

Архив ИГИ КБНЦ РАН – *Архив* Институт гуманитарных исследований – филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (Ф. 1 – История Кабарды и Балкарии в дореволюционный период).

Афаунова 2007 – *Афаунова М.И.* Институт приставства в Кабарде (1769–1822) // Исторический вестник КБИГИ. – 2007. – Вып. VI. – С. 99-111.

Бейтуганов 1993 – *Бейтуганов С.Н.* Кабарда в фамилиях. – Нальчик: Эльбрус, 1993. – 304 с.

Битова 2005 – *Битова Е.Г.* Модели интеграции этнополитических образований Кабарды и Балкарии в политико-административную систему Российской империи (первая половина XIX в.) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2005. – № 1. – С. 30-38.

Блиев 1964 – *Блиев М.М.* Осетия в первой трети XIX в. – Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1964. – 174 с.

Блиева 1992 – *Блиева З.М.* Система управления на Северном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX в. – Владикавказ: СОГУ, 1992. – 108 с.

Блиева 2005 – *Блиева З.М.* Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е гг. XIX в. – Владикавказ: Ин-т истории и археологии РСО-А, 2005. – 397 с.

Бутков 2001 – *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 г. Извлечения. – Нальчик: Эль-Фа, 2001. – 358 с.

Высшие сословия... 2006 – Высшие сословия Кабарды: извлечения из архивных фондов: 1858-1896 гг. / Сост. А.Б. Мамхегов. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2006. – 124 с.

ГА СК – Государственный архив Ставропольского края (Ф. 249 – Управление главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии 1825-1917 гг.).

Гапуров 2003а – *Гапуров Ш.А.* Россия и Чечня в первой четверти XIX в. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 445 с.

Гапуров 2003б – *Гапуров Ш.А.* Северный Кавказ в период «проконсульства» А.П. Ермолова (1816-1827). – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 381 с.

Гапуров 2004 – *Гапуров Ш.А.* Северный Кавказ в политике России в начале XIX в. (1801-1815 гг.). – Нальчик: Эль-фа, 2004. – 489 с.

Глашева 2017а – *Глашева З.Ж.* Административно-территориальные преобразования в Кабарде и Балкарии в XVI – начале XX в. // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2017. – № 5 (79). – С. 78-88.

Глашева 2017б – *Глашева З.Ж.* Административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе в период наместничества А.И. Барятинского (1856-1862 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2017. – Т. 9. – № 4/1. – С. 45-49.

Глашева 2018 – *Глашева З.Ж.* Особенности гражданского и военного управления Кавказом в 50–60-е годы XIX в. // Электронный журнал «Кавказология». – 2018. – № 3. – С. 45-53. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-3-45-53>.

Грабовский 2008 – *Грабовский Н.Ф.* Присоединение Кабарды к России и ее борьба за независимость. – Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2008. – 463 с.

Дельпоцо 2001 – *Дельпоцо И.П.* Записка о Большой и Малой Кабарде // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа: в 2-х т. – Нальчик: Эль-Фа, 2001. – Т. 1. С. 11-12.

Документы... 2011 – *Документы* по истории адыгов 20-50-х гг. XIX в. (по материалам УЦГА АС КБР) / Сост. З.М. Кешева. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2011. – 202 с.

Казаков 2006 – *Казаков А.В.* Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI – начало XX в. Биографический справочник. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. – 244 с.

Калмыков 1995 – *Калмыков Ж.А.* Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (конец XVIII – начало XX в.). – Нальчик: Эльбрус, 1995. – 125 с.

Калмыков 2007 – *Калмыков Ж.А.* Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XX в.). – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 232 с.

Кидирниязов 2014 – *Кидирниязов Д.С.* Первые административные реформы российских властей на Северном Кавказе в конце XVIII – 20-е гг. XIX в. // Вестник института ИАЭ. – 2014. – № 2. – С. 18-32.

КРО 1957 – *Кабардино-русские отношения* в XVI–XVIII вв. Документы и материалы: в 2-х т. Т. 2. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 424 с.

Малахова 1997 – *Малахова Г.Н.* Становление российской администрации на Северном Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX в. Автореф. дис. к.и.н. – СПб., 1997. – 23 с.

Мальбахов 1998 – *Мальбахов Б.К.* Кабарда в период от Петра I до Ермолова (1722-1825 гг.). – Нальчик: Эльбрус, 1998. – 352 с.

Мальцев, Чирг 2012 – *Мальцев В.Н., Чирг А.Ю.* Институт приставства на Кавказе: создание, деятельность, эволюция (вторая половина XVIII – 1860 год) // Вестник

Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение, философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2012. – № 2. – С. 89-96.

Муратова 2016 – *Муратова Е.Г.* Приставство Урусбиевского, Чегемского, Хуламского и Балкарского народов в российской системе управления на Северном Кавказе (1846-1857) // V Всероссийские Миллеровские чтения (Материалы научной конференции 20-22 октября 2016 г.): сборник статей / Под ред. докт. ист. наук З.В. Кануковой. – Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2016. – С. 124-134.

Потто 1991 – *Потто В.А.* Два века Терского казачества: в 2-х т. – Владикавказ: Электронпечатня Типографии Терского областного правления, 1912. – Т. I. – 247 с.; – Т. II. – 235 с. Репринтное издание. – Ставрополь: Кавказская библиотека, 1991. – 383 с.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (Ф. 846. Оп. 16. – Каталог Военно-учетного архива Главного управления Генерального штаба).

Урушадзе 2011 – *Урушадзе А.Т.* Кабарда в политике А.П. Ермолова на Кавказе: значение и особенности // Былые годы. – 2011. – № 4 (22). – С. 12-16.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (Ф. И-1 – Управление Кабардинской линии; Ф. И-16 – Управление Центра Кавказской линии; Ф. И-1209 – Документы по истории Кабардино-Балкарии).

Хлынина и др. 2012 – *Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т.* Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. – Ростов н/Д: Издательство ЮНЦ РАН, 2012. – 272 с.

ЦГА РСО-Алани – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (Ф. 244 – Моздокский верхний пограничный суд).

Эсадзе 1907 – *Эсадзе С.Э.* Историческая записка об управлении Кавказом. Т. 1. – Тифлис: Типография Гуттенберг, 1907. – 620 с.

REFERENCES

АБАЗОВ А.Кх. *Mozdokskii verkhnii pogranichnyi sud v politike Rossiiskoi imperii na Severnom Kavkaze v 1793-1822 gg.* [Mozdok Upper Border Court in the Policy of the Russian Empire in the North Caucasus in 1793-1822]. – Nalchik: Izdatel'skii otdel IGI KBNTs RAN, 2019. – 124 p. (In Russian)

АБАЗОВ А.Кх. *Narody Tsentral'nogo Kavkaza v sudebnoi sisteme Rossiiskoi imperii v kontse XVIII – nachale XX v.* [The peoples of the Central Caucasus in the judicial system of the Russian Empire in the late 18th and early 20th centuries]. – Nalchik: ООО «Pechatnyi dvor», 2016. – 264 p. (In Russian)

Administrativnaya praktika Rossiiskoi imperii na Tsentral'nom Kavkaze s kontsa XVIII do 1870 g. (na materialakh Osetii): Sbornik dokumentov / Sost., vstup. st., komment. E.I. Kobakhizde [Administrative practice of the Russian Empire in the Central Caucasus from the end of XVIII till 1870 (on the materials of Ossetia). Collection of documents. Ed. by E.I. Kobakhizde]. – Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2012. – 399 p. (In Russian)

АФАУНОВА М.И. *Institut pristavstva v Kabarde (1769-1822)* [Institute of bailiff in Kabarda (1769-1822)]. IN: *Istoricheskii vestnik KBIGI*. – 2007. – Iss. VI. – P. 99-111. (In Russian)

Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei: v 12-i t. T. 1 [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission: in 12 vols. Vol. 1]. – Tiflis: Tipografiya glavnogo upravleniya Namestnika kavkazskogo, 1866. – 816 p. (In Russian)

Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei: v 12-i t. T. 2 [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission: in 12 vols. Vol. 2]. – Tiflis: Tipografiya glavnogo upravleniya Namestnika kavkazskogo, 1868. – 1238 p. (In Russian)

Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei: v 12-i t. T. 4 [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission: in 12 vols. Vol. 4]. – Tiflis: Tipografiya glavnogo upravleniya Namestnika kavkazskogo, 1870. – 1019 p. (In Russian)

Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei: v 12-i t. T. 5 [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission: in 12 vols. Vol. 5]. – Tiflis: Tipografiya glavnogo upravleniya Namestnika kavkazskogo, 1873. – 1187 p. (In Russian)

Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei: v 12-i t. T. 8 [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission: in 12 vols. Vol. 8]. – Tiflis: Tipografiya glavnogo upravleniya Namestnika kavkazskogo, 1881. – 1033 p. (In Russian)

Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei: v 12-i t. T. 9 [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission: in 12 vols. Vol. 9]. – Tiflis: Tipografiya glavnogo upravleniya Namestnika kavkazskogo, 1882. – 1012 p. (In Russian)

Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei: v 12-i t. T. 12 [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission: in 12 vols. Vol. 12]. – Tiflis: Tipografiya glavnogo upravleniya Namestnika kavkazskogo, 1904. – 1558 p. (In Russian)

Arkhiv IGI KBNTs RAN – Arkhiv Institut gumanitarnykh issledovaniy – filiala Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk [Archive Institute of Humanitarian Studies – a branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences] (*F. 1 – Istoriya Kabardy i Balkarii v dorevolyutsionnyi period*). (In Russian)

BEITUGANOV S.N. *Kabarda v familiyakh* [Kabarda in surnames]. – Nalchik: El'brus, 1993. – 304 p. (In Russian)

BITOVA E.G. *Modeli integratsii etnopoliticheskikh obrazovaniy Kabardy i Balkarii v politiko-administrativnuyu sistemu Rossiiskoi imperii (pervaya polovina XIX v.)* [Models of integration of ethno-political formations of Kabarda and Balkaria into the political and administrative system of the Russian Empire (first half of the 19th century)]. IN: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*. – 2005. – No. 1. – P. 30-38. (In Russian)

BLIEV M.M. *Osetiya v pervoi treti XIX v.* [Ossetia in the first third of the 19th century]. – Ordzhonikidze: Sev.-Oset. kn. izd-vo, 1964. – 174 p. (In Russian)

BLIEVA Z.M. *Rossiiskii byurokraticheskii apparat i narody Tsentral'nogo Kavkaza v kontse XVIII – 80-e gg. XIX v.* [Russian bureaucratic apparatus and the peoples of the Central Caucasus at the end of the 18th – 80s of the 19th century]. – Vladikavkaz: In-t istorii i arkheologii RSO-A, 2005. – 397 p. (In Russian)

BLIEVA Z.M. *Sistema upravleniya na Severnom Kavkaze v kontse XVIII – pervoi treti XIX v.* [Administrative system in the North Caucasus at the end of the 18th – first third of the 19th centuries.]. – Vladikavkaz: SOGU, 1992. – 108 p. (In Russian)

BUTKOV P.G. *Materialy dlya novoi istorii Kavkaza s 1722-go po 1803 g. Izvlecheniya* [Materials for the modern history of the Caucasus from 1722 to 1803 Excerpts]. – Nalchik: El'-Fa, 2001. – 358 p. (In Russian)

DEL'POTSO I.P. *Zapiska o Bol'shoi i Maloi Kabarde* [Note on Bol'shaya and Malaya Kabarda]. IN: *Russkie avtory XIX v. o narodakh Tsentral'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza: v 2-kh t.* [Russian authors of the 19th century about the peoples of the Central and Northwestern Caucasus: in 2 volumes]. – Nalchik: El'-fa, 2001. – Vol. 1. – P. 11-12. (In Russian)

Dokumenty po istorii adygov 20-50-kh gg. XIX v. (po materialam UTsGA AS KBR) / Sost. Z.M. Kesheva [Documents on the history of the Circassians of the 20-50s of the XIX century (based on the materials of the UCGA AS KBR). Comp. Z.M. Kesheva]. – Nalchik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2011. – 202 p. (In Russian)

ESADZE S.E. *Istoricheskaya zapiska ob upravlenii Kavkazom. T. 1* [Historical note on the administration of the Caucasus. Vol. 1]. – Tiflis: Tipografiya Guttentberg, 1907. – 620 p. (In Russian)

GA SK – *Gosudarstvennyi arkhiv Stavropol'skogo kraia* [State Archives of the Stavropol Territory] (*F. 249 – Upravlenie glavnogo pristava kochuyushchikh narodov Stavropol'skoi gubernii 1825-1917 gg.*). (In Russian)

GAPUROV Sh.A. *Rossiya i Chechnya v pervoi chetverti XIX v.* [Russia and Chechnya in the first quarter of the nineteenth century]. – Nalchik: El'-Fa, 2003. – 445 p. (In Russian)

GAPUROV Sh.A. *Severnyi Kavkaz v period «prokonsul'stva» A.P. Ermolova (1816-1827)* [North Caucasus during A.P. Ermolov's "proconsulship" (1816-1827)]. – Nalchik: El'-Fa, 2003. – 381 p. (In Russian)

GAPUROV Sh.A. *Severnyi Kavkaz v politike Rossii v nachale XIX v. (1801-1815 gg.)* [The North Caucasus in Russian politics at the beginning of the 19th century (1801-1815)]. – Nalchik: El'-fa, 2004. – 489 p. (In Russian)

GLASHEVA Z.Zh. *Administrativno-territorial'nye preobrazovaniya na Severnom Kavkaze v period namestnichestva A.I. Baryatinskogo (1856-1862 gg.)* [Administrative and territorial transformations in the North Caucasus during the governorship of A.I. Baryatinsky (1856-1862)]. IN: *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. – 2017. – Vol. 9. – No. 4/1. – P. 45-49. (In Russian)

GLASHEVA Z.Zh. *Administrativno-territorial'nye preobrazovaniya v Kabarde i Balkarii v XVI – nachale XX v.* [Administrative and territorial transformations in Kabarda and Balkaria in the 16th – early 20th centuries]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*. – 2017. – No. 5 (79). – P. 78-88. (In Russian)

GLASHEVA Z.Zh. *Osobennosti grazhdanskogo i voennogo upravleniya Kavkazom v 50-60-e gody XIX v.* [Features of the civil and military administration of the Caucasus in the 50-60s of the XIX century]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2018. – No. 3. – P. 45-53. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-3-45-53>. (In Russian)

GRABOVSKII N.F. *Prisoedinenie Kabardy k Rossii i ee bor'ba za nezavisimost'* [Accession of Kabarda to Russia and its struggle for independence]. – Nalchik: Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g., 2008. – 463 p. (In Russian)

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. Dokumenty i materialy: v 2-kh t. T. 2 [Kabardino-Russian relations in the XVI-XVIII centuries. Documents and materials: in 2 vols. Vol. 2]. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1957. – 424 p. (In Russian)

KALMYKOV Zh.A. *Integratsiya Kabardy i Balkarii v obshcherossiiskuyu sistemu upravleniya (vtoraya polovina XVIII – nachalo XX v.)* [Integration of Kabarda and Balkaria into the all-Russian system of government (second half of the 18th - early 20th centuries)]. – Nalchik: El'-Fa, 2007. – 232 p. (In Russian)

KALMYKOV Zh.A. *Ustanovlenie russkoi administratsii v Kabarde i Balkarii (konets XVIII – nachale XX v.)* [Establishment of the Russian administration in Kabarda and Balkaria (late 18th – early 20th century)]. – Nalchik: El'brus, 1995. – 125 p. (In Russian)

KAZAKOV A.V. *Adygi (cherkesy) na rossiiskoi voennoi sluzhbe. Voevody i ofitsery. Seredina XVI – nachalo XX v. Biograficheskii spravochnik* [Adygs (Circassians) in the Russian military service. Chieftains and officers. Mid 16th – early 20th century Biographical reference]. – Nalchik: El'-Fa, 2006. – 244 p. (In Russian)

KHLYNINA T.P., KRINKO E.F., URUSHADZE A.T. *Rossiiskii Severnyi Kavkaz: istoricheskii opyt upravleniya i formirovaniya granits regiona* [Russian North Caucasus: Historical Experience of Governance and Formation of Region Borders]. – Rostov on Don: Izdatel'stvo YuNTs RAN, 2012. – 272 p. (In Russian)

KIDIRNIYAZOV D.S. *Pervye administrativnye reformy rossiiskikh vlastei na Severnom Kavkaze v kontse XVIII – 20-e gg. XIX v.* [The first administrative reforms of the Russian authorities in the North Caucasus at the end of the 18th - 20s of the 19th century]. IN: *Vestnik instituta IAE*. – 2014. – No. 2. – P. 18-32. (In Russian)

MALAKHOVA G.N. *Stanovlenie rossiiskoi administratsii na Severnom Kavkaze v kontse XVIII – pervoi polovine XIX v. Avtoref. dis. k.i.n.* [Formation of the Russian administration in the North Caucasus at the end of the 18th - first half of the 19th century. Abstract of the dissertation for the candidate of historical sciences degree] – SPb., 1997. – 23 p. (In Russian)

MAL'BAKHOV B.K. *Kabarda v period ot Petra I do Ermolova (1722-1825 gg.)* [Kabarda in the period from Peter I to Ermolov (1722-1825)]. – Nalchik: El'brus, 1998. – 352 p. (In Russian)

MAL'TSEV V.N., CHIRG A.Yu. *Institut pristavstva na Kavkaze: sozdanie, deyatelnost', evolyutsiya (vtoraya polovina XVIII – 1860 god)* [The institute of harassment in the Caucasus:

creation, activity, evolution (second half of the XVIII – 1860)]. IN: *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie, filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*. – 2012. – No. 2. – P. 89-96. (In Russian)

MURATOVA E.G. *Pristavstvo Urusbievskogo, Chegemskogo, Khulamskogo i Balkarskogo narodov v rossiiskoi sisteme upravleniya na Severnom Kavkaze (1846-1857)* [Bailiffs of the Urusbievsky, Chegemsky, Khulamsky and Balkarian peoples in the Russian system of government in the North Caucasus (1846-1857)]. IN: *5 Vserossiiskie Millerovskie chteniya (Materialy nauchnoi konferentsii 20-22 oktyabrya 2016 g.): sbornik statei / Pod red. dokt. ist. nauk Z.V. Kanukovoi* [Fifth All-Russian Millerov Readings (Materials of the Scientific Conference on October 20-22, 2016): a collection of articles. Ed. by Z.V. Kanukova]. – Vladikavkaz: SOIGSI VNTs RAN, 2016. – P. 124-134. (In Russian)

POTTO V.A. *Dva veka Terskogo kazachestva: v 2-kh t.* [Two centuries of the Terek Cossacks: in 2 volumes]. – Vladikavkaz: Elektropechatnaya Tipografiya Terskogo oblastnogo pravleniya, 1912. – Vol. I. – 247 p.; – Vol. II. – 235 p. Reprint edition. – Stavropol: Kavkazskaya biblioteka, 1991. – 383 p. (In Russian)

RGVIA – *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv* [Russian State Military Historical Archive] (F. 846. Op. 16. – *Katalog Voенно-uchetnogo arkhiva Glavnogo upravleniya General'nogo shtaba*). (In Russian)

TsGA RSO-Alani – *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya* [Central State Archives of the Republic of North Ossetia-Alania] (F. 244 – *Mozdokskii verkhniy pogranichniy sud*). (In Russian)

URUSHADZE A.T. *Kabarda v politike A.P. Ermolova na Kavkaze: znachenie i osobennosti* [Kabarda in the A.P. Ermolov's politics in the Caucasus: significance and features]. IN: *Bylye gody*. – 2011. – No. 4 (22). – P. 12-16. (In Russian)

UTsGA AS KBR – *Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki* [Office of the Central State Archives of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic] (F. I-1 – *Upravlenie Kabardinskoi linii*; F. I-16 – *Upravlenie Tsentra Kavkazskoi linii*; F. I-1209 – *Dokumenty po istorii Kabardino-Balkarii*). (In Russian)

Vysshie sosloviya Kabardy: izvlecheniya iz arkhivnykh fondov: 1858-1896 gg. / Sost. A.B. Mamkhegov [The upper classes of Kabarda: extracts from the archival funds: 1858-1896. Comp. A.B. Mamkhegov]. – Nalchik: Izd-vo M. i V. Kotlyarovykh, 2006. – 124 p. (In Russian)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Средневековая и новая история**

УДК 39 (=352.3) + 94 (470.62)

DOI 10.31143/2542-212X-2020-3-79-110

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА КРОВНОЙ МЕСТИ У НАРОДОВ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX В.: ФАКТОРЫ, МЕХАНИЗМЫ, КАЗУСЫ****А.С. МИРЗОЕВ**

*Институт гуманитарных исследований ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360051, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: marzeibach@mail.ru*

Аннотация. В статье, на основе архивных документов, рассматриваются особенности обычного права кабардинцев в делах, связанных с убийствами и кровной мезтью, система композиций и ее нормы в зависимости от сословной принадлежности участников конфликта, институт барамта, влияние установленного в регионе российского административного контроля на обычно-правовую практику народов Северного Кавказа, ее трансформация, отличительные черты социальной психологии представителей аристократических сословий, их представления о сословной чести и способах ее поддержания. Несмотря на большое количество исследований, посвященных обычному праву и традиционным общественным институтам народов Северного Кавказа, в том числе кабардинцев, эта тематика не может считаться всесторонне изученной. С 1822 г. в Кабарде дела «кровомщения» официально были изъяты из подсудности традиционных медиаторских судов и переданы военным судам для рассмотрения в соответствии с российским законодательством. По факту же колониальная администрация действовала не по «букве» закона, а в соответствии с политической ситуацией и учитывая местные обычаи. Анализ документов показал, что в 1840-е гг., ознаменованные активизацией и успехами народов Западного и Восточного Кавказа в антиколониальной войне, начальство Центра Кавказской линии, куда административно входили кабардинцы и карачаевцы, проводило гибкую и рациональную политику в судебно-административной сфере. Эта политика способствовала переходу от практики кровомщения к использованию более компромиссных форм урегулирования конфликтов, вызванных кровопролитием.

Ключевые слова: кабардинцы; карачаевцы; князя Атажукины; кровная мезть; «цена крови»; система композиций; барамта; Кабардинский временный суд; сословная честь.

**TRANSFORMATIONS OF THE INSTITUTION OF BLOOD FEUD AMONG
THE PEOPLES OF THE CENTRAL CAUCASUS
IN THE LATE 18TH – FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY:
FACTORS, MECHANISMS AND CASES**

A.S. MIRZOEV

*Institute for Humanitarian Research of the FSBSE «Federal Scientific Center
'Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences'»
360051, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: marzeibach@mail.ru*

Abstract. The article, on the basis of archival documents, examines the features of the customary law of Kabardians in cases related to murder and blood feud, the system of compositions and its norms depending on the social status of the parties to the conflict, the institution of *baramta*, the impact of the Russian administrative control established in the region on the customary law implementation in the social practices of the peoples of the North Caucasus, its transformation, the distinctive features of the social psychology of representatives of the aristocratic estates, their ideas about class honor and ways of maintaining it. Despite the large number of studies devoted to customary law and traditional social institutions of the peoples of the North Caucasus, including the Kabardians, this topic cannot be considered comprehensively studied. Since 1822, in Kabarda, cases of "blood feud" were officially removed from the jurisdiction of traditional mediation courts and transferred to military courts for consideration in accordance with Russian law. In fact, the colonial administration did not act according to the "letter" of the law, but in accordance with the political situation and taking into account local customs. An analysis of the documents showed that in the 1840s, marked by the activation and success of the peoples of the Western and Eastern Caucasus in the anti-colonial war, the leadership of the Center of the Caucasian Line, which administratively included Kabardians and Karachais, pursued a flexible and rational policy in the judicial and administrative sphere. This policy facilitated the shift from the practice of blood revenge to the use of more compromise forms of resolution of conflicts caused by bloodshed.

Keywords: Kabardians; Karachais; Princes Atazhukins; blood feud; «price of blood»; composition system; *baramta*; Kabardian interim court; estate honor.

Обычное право народов Северного Кавказа давно стало предметом научного исследования представителей различных направлений гуманитарной науки – истории, этнографии, юридической антропологии. Этой теме посвящено значительное количество работ как дореволюционных российских исследователей (Л.Я. Люлье [Люлье 1866], Н. Грабовский [Грабовский 1870], А. Абрамович [Абрамович 2003], М.М. Ковалевский [Ковалевский 1890; Ковалевский 1886], Г.В. Новицкий [Новицкий 1829] и др.), так и современных.

Сбор и фиксация норм обычного права народов Северного Кавказа были инициированы российским военным руководством еще в период военно-колониационного освоения региона Российской империей в практических целях. «Исходя из стратегических политических задач на Кавказе, российское правительство, – отмечает Е.И. Кобахидзе, – уже первые свои шаги в административном освоении края связало со сферой судопроизводства, которая

ранее других сфер жизнедеятельности горских обществ подверглась стандартизации и унификации в соответствии с общероссийскими установлениями...» [Кобахидзе 2009: 229]. Характерной чертой имперской судебной системы, которую начали устанавливать на Северном Кавказе с конца XVIII в., был полиюридизм: применение российских государственных законов наряду с традиционными нормами обычного права (адатом) и шариатом. На первом этапе тяжелые уголовные преступления должны были судиться по законам Российской империи, менее тяжкие, а также гражданские дела – по адату и шариату. Такая стратегия актуализировала перед местными администрациями задачу более близкого ознакомления с обычно-правовой нормативной системой организации жизнедеятельности всех народов Северного Кавказа. Результатом этой работы явились первые систематизированные сборники адатов. Изначально бывшие документами служебного пользования, со временем они стали доступными для широкого круга исследователей. Нормы обычного права народов Северного Кавказа неоднократно издавались в дореволюционное, советское и современное время [Леонтович 1882; Адаты... 1899; Материалы Шарданова... 1986; Правовые нормы... 1997; Сборник документов... 2003].

Обычное право кабардинцев стало предметом научного исследования в работах В.К. Гарданова [Гарданов 1960; Гарданов 1967], Х.М. Думанова [Думанов 1988], В.Х. Кажарова [Кажаров 1994], И.Л. Бабич [Бабич 1999], Т.М. Катанчиева [Катанчиев 2003], З.Х. Мисрокова [Мисроков 2002], А.М. Маремкулова [Маремкулов 2005], А.Х. Абазова [Абазов 2009; Абазов 2013], П.А. Кузьминова [Кузьминов 2000] и других авторов.

В изучении традиционных общественных институтов, обычно-правовой практики кабардинцев и для целей настоящей статьи важна работа В.Х. Кажарова [Кажаров 1994]. В ней он показал, что в условиях первой половины XIX в. в Кабарде имел место глубокий кризис традиционной системы социорегулятивных норм и предложил методику реконструкции их исходных форм и фиксации их динамики и переходных вариаций.

Отдельные аспекты правоприменительной практики норм адата в ходе интеграции народов Северного Кавказа в российское правовое пространство, в том числе на основе анализируемого в данной статье дела, рассматривались в работах Х.М. Бекулова [Бекулов, Бекулова 2019; Бекулов 2011].

Цель данной статьи – исследовать состояние ряда традиционных соционормативных институтов в обществах Центрального Кавказа в условиях установления военно-политического и судебно-административного контроля Российской империи на материалах архивного дела об урегулировании межобщинного конфликта, возникшего в результате убийства карачаевцем молодого кабардинского князя Адильгирея Атажукина [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535].

Кризис традиционных общественных институтов и сословного статуса кабардинских князей

Установление на Северном Кавказе российской административно-правовой системы с конца XVIII в. и политика имперской администрации были направлены на постепенное изживание традиционных институтов местных народов как несовместимых с российской судебно-правовой системой.

Ввиду военно-политического доминирования на Северном Кавказе и занимаемого важного стратегического положения, Кабарда одной из первых подверглась установлению в ней российских административных порядков [Дельпоццо 2001: 41].

Первый этап процесса интеграции Кабарды в российское административно-правовое пространство был связан с учреждением «родовых судов и расправ» и Верхнего пограничного суда в Моздоке в 1793 г. Родовые суды и расправы разбирали гражданские дела и мелкие уголовные преступления на основе адата. Убийства, вооруженные грабежи и другие крупные уголовные преступления были изъяты из компетенции обычного права и разбирались по законам Российской империи в Верхнем пограничном суде. Однако работа этого судебного учреждения, как отмечает Е.И. Кобахидзе, наглядно продемонстрировала принципиальную несовместимость российского судопроизводства с традиционной юридической практикой северокавказских народов, поскольку изъятие из подсудности традиционных медиаторских судов дел «кровомщения» и причисление их к разряду уголовных, каковыми они представлялись в соответствии с российским законодательством, предусматривало иную систему наказаний, несвойственную обычно-правовым механизмам регулирования подобных конфликтов у северокавказских народов [Кобахидзе 2009: 230].

Практиковавшаяся у народов Северного Кавказа система композиций, позволявшая наказать преступника, остановить кровную месть и вместе с тем сохранить честь пострадавшей стороны, выглядела в глазах местных народов более гуманной, чем наказание подобных преступлений по российским законам. Физические наказания розгами, клеймение преступников, заключение в тюрьму, ссылка в Сибирь, предусмотренные в таких случаях имперским законодательством, были настолько неприемлемы для горцев, что для них смертная казнь выглядела предпочтительней. Столь грубое вмешательство во внутреннюю жизнь и административно-судебное устройство Кабарды вызвало в ней мощное антиколониальное движение, которое привело к отмене «родовых судов и расправ» в 1807 г. и учреждению мехкеме («духовных судов»).

С этого времени начинается второй этап кризиса общественных институтов и обычно-правовой системы. Уголовные дела, связанные с убийствами, должны были судиться по нормам шариата [Ногмов 1947: 107]. Убийцу наказывали не родственники убитого, а «духовные суды». Месть осуществлялась от имени Бога и приобретала, таким образом, внеличный характер [Кажаров 1994: 417]. Надо отметить, что в этот короткий

исторический период (1807-1822 гг.) относительной самостоятельности Кабарды во внутренних вопросах, кровная месть была обуздана и взята под контроль. Даже князья опасались совершения убийств, так как по законам шариата, независимо от сословной принадлежности убийцы, он должен был быть подвержен смертной казни. По адату, в случае убийства кабардинским князем представителя нижестоящего сословия, он не мог стать объектом кровной мести, а должен был только уплатить семье убитого «цену крови» в соответствии с его сословным статусом. Кроме того, в отличие от адата шариат разграничивал умышленные и неумышленные убийства, что также являлось новым в судебной практике кабардинцев [Кажаров 1994: 417-418]. В случае умышленного убийства его ждала смертная казнь, в случае неумышленного – выплата материальной компенсации [Леонтович 1882: 254]. Причем мехкеме уравнила «цену крови» для князей и дворян, изменив традиционную систему композиций. «Если кто нечаянно убил, то за кровь платит 1500 р. серебром ближайшему наследнику» [Леонтович 1882: 254].

Начало третьего этапа интеграции Кабарды в административно-правовую систему Российской империи можно датировать 1822 годом. Учреждение Ермоловым Кабардинского временного суда в 1822 г. привело к отмене мехкеме. В ведение Кабардинского временного суда передавались гражданские дела, некоторые преступления – «маловажные проступки», по определению генерала Ермолова. К уголовным же преступлениям кабардинцев Ермолов отнес «убийство, измену, возмущение в народе, побег за пределы линии с злым намерением, подвод хищников к злодействам и сношение с ними, набеги на границы линии, нападения и хищничества в оной, обнажение оружия в ссорах с причинением ран», которые «разбирательству суда сего не принадлежат и подвергаются вообще законам и строгости военной» [Правовые нормы... 1997: 114].

Жесткие меры Ермолова, неуклонное следование букве ермоловских прокламаций последующих российских военных начальников привели к росту антироссийских настроений среди кабардинцев. Половина населения Кабарды с 1822 по 1825 гг. бежала за Кубань. В результате, к началу 30-х гг. XIX в. за Кубанью в более чем 60 аулах проживало не менее 25 тысяч кабардинцев [Бейтуганов 1993: 90]. Переселившиеся за Кубань кабардинские князья стали вдохновителями и организаторами многочисленных военных акций на Кавказской линии.

По адатам кабардинцев личность князя была неприкосновенна для нижестоящих сословий. Нормы адата, касавшиеся сословных привилегий кабардинских князей, признавались подвластными им народами. Карачаевское общество формально, до покорения его в 1828 г. российским генералом Эммануэлем, продолжало считаться подвластным кабардинским князьям [Правовые нормы... 1997: 53, 284; Абрамович 2003: 25-26; Кумыков 2017: 147].

Неприкосновенность личности кабардинских князей подтверждает Терско-Кубанская сословная комиссия, которая в своей пояснительной записке в 60-х гг. XIX в. писала: «За убийство князя в древнем народном обычае не полагалось даже и меры наказания, ибо положение князя в народном понятии

было так высоко поставлено, что не могло быть мысли о совершении этого преступления, а следовательно, и не существовало и меры наказания. С начала нынешнего столетия были два – три случая убийства князей; виновные и их семейства были или истреблены, или изгнаны...» [Кумыков 2017: 125-126].

Убийство дворянина самого знатного рода и даже черкесского князя, но не из кабардинцев, могло быть урегулировано выплатой так называемой «цены крови», значительной по размеру и обременительной для целого общества. В случае же с убийством кабардинского князя выплата материальной компенсации не предусматривалась. Согласно материалам Терско-Кубанской сословной комиссии, по народным обычаям «убийца и все взрослые его родственники мужского пола предаются смерти, остальные же, т.е. дети и женщины, поступают в рабство наследнику убитого; дома же и имущество, как виновного, так и его родственников, обрекаются на разграбление. Насколько известно, подобного рода убийства ... во время независимости Кабарды никогда не случались. В 1862 году был убит сын князя Алхаса Мисостова Камбулат холопом ворков¹ Захоховых. Убийца немедленно поплатился жизнью, и родственники его были переданы братьям убитого без всякого вознаграждения Захоховых. ...по кабардинскому обычаю, такое решение было очень снисходительно, и снисхождение это было оказано лишь потому, что в 1862 году не было уже никакой возможности применять к настоящему случаю древний обычай Кабардинцев» [Кумыков 2017: 39].

Такие суровые меры должны были обеспечить неприкосновенность жизни и достоинства князей для всех представителей нижестоящих сословий.

О том, что высокий статус кабардинских князей признавался соседними кавказскими народами, свидетельствует случай, имевший место в 1835 г. с русским разведчиком Ф. Торнау. Как-то, во время его нахождения в Абхазии, он столкнулся на узкой горной дороге с известным абазинским наездником-абреком Богоркан Ипа. В нескольких шагах от места встречи в засаде находилось еще человек восемь абреков. Ф. Торнау путешествовал под видом черкесского дворянина и при встрече с Богоркан Ипа не уступил ему дорогу. Он хорошо знал обычаи, психологию горцев и поступил так намеренно, чтобы не вызвать подозрения и не выдать себя. Дело в том, что «по горскому обыкновению, – писал Ф. Торнау, – когда встречаются незнакомые люди, уступает дорогу тот, кто чувствует себя ниже званием или слабее. Дворянин черкесского рода скорее станет драться, чем своротит для абазина» [Торнау 1999: 112]. Между ними произошло столкновение, которое могло кончиться не в пользу Торнау, если бы находчивый переводчик не догадался назвать своего спутника кабардинским князем и не напомнил бы Богоркану о страшном кровомщении, неизбежном при оскорблении или убийстве такой личности. Несмотря на то, что место, где произошло столкновение, было довольно далеко от Кабарды, абазинский дворянин предпочел не ввязываться в конфликт с мнимым кабардинским князем [Торнау 1999: 112-114].

---

¹ Уорки – сословие черкесских дворян.

Разрабатываемая А.П. Ермоловым система мер по приведению Кабарды к полной покорности не могла не учитывать роли традиционных соционормативных институтов, обеспечивающих, помимо прочего, личную безопасность князьям, оказавшим сопротивление царизму. До второй половины XVIII в. Российская империя проводила политику привлечения на свою сторону кабардинских князей. В XVIII – начале XIX в. народы Центрального Кавказа – карачаевцы, абазины, балкарцы (за исключением жителей Черекского ущелья), значительная часть осетин и ингушей подчинялись власти кабардинских князей [Гарданов 1967: 163]. Используя их влияние, российское правительство стремилось установить свой контроль в регионе. При этом российские власти не вмешивались в отношения кабардинских князей с подвластными им народами, не покушались на их политические и социальные привилегии. Неприкосновенность княжеских особ служила одним из средств поддержания в стабильном состоянии традиционных общественных институтов и социально-политической системы на Центральном Кавказе. Но с первой четверти XIX в. их разрушение колониальная администрация стала рассматривать как одно из средств успешного управления покоренным краем. Вот почему военное командование на Кавказе призывало кабардинских дворян и крестьян не считать непокорных князей за неприкосновенных особ [Кажаров 1994: 419]. В прокламации Ермолова от 1 августа 1822 г. указывалось: «узденям и простому народу повелеваю, при всякой встрече с изменниками, действовать оружием и забыть глупое обыкновение не стрелять в князей, когда они стреляют» [Правовые нормы... 1997: 110]. При этом он предупреждал, что «если простой народ стрелять не будет, то население будет наказано оружием» [Правовые нормы... 1997: 110]. Таким образом, в отношении князей, лишенных правительством «прежних достоинств», не только допускались, но и прямо поощрялись убийства. Тем самым снималось одно из существенных ограничений кровной мести, не допускавшейся по отношению к представителям княжеских фамилий со стороны нижестоящих сословий. «Официальное поощрение убийства князей, признанных «изменниками», – отмечал В.Х. Кажаров, – создавало в общественной морали кабардинцев незримую основу для снятия запретов на подобные действия и против «благонамеренных» князей, которые преданно служили новым властям. Борьба с непокорными владельцами оказывала обратное, дестабилизирующее воздействие на социальную иерархию в «мирной» Кабарде, разрушая прежние рамки функционирования кровной мести» [Кажаров 1994: 419-420].

Убийство Адильгирея Атажукина и завязка конфликта

Для того, чтобы предотвратить эмиграцию кабардинцев к непокорным горцам и постепенно адаптировать их в российское административно-правовое пространство, местное начальство вынуждено было корректировать свою политику в сфере судопроизводства. Убедившись в невозможности разбирательства всех случаев убийства на основе только законов Российской империи, «в дальнейшем, в порядке исключения и в качестве особой милости,

царская администрация на Кавказе разрешила разбирать в Кабардинском временном суде и дела, касавшиеся убийства, если эти дела носили частный характер и не были связаны с государственными преступлениями» [Материалы по обычному... 1956: 13]. К середине XIX в. этот процесс уже достиг определенных успехов.

В этом отношении представляет интерес архивное дело «О междоусобии происходящем у закубанцев (кабардинцев с карачаевским народом)» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535]. В нем нашли отражение особенности обычного права народов Северного Кавказа, касающиеся кровной мести, барамты, системы композиций, а также политика российских властей по отношению к местным обычаям и правовым системам в зависимости от политических интересов российской администрации, учитывающих конкретную социально-политическую обстановку в регионе. В основе его лежит история убийства карачаевцами кабардинского князя Адильгирея Атажукина и последовавшие затем события. Начатое в 1843 г., оно было окончено через 16 лет в 1858 г. К урегулированию конфликта были привлечены высшие чины кавказской военной администрации: главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом генерал-лейтенант князь Воронцов, временно командующий войсками Кавказской линии генерал-лейтенант Завадовский, начальник Центра и Правого фланга Кавказской линии, командующий войсками генерал-лейтенант Гурко, пристав карачаевского народа генерал-майор Султан Азамат Гирей, начальник Правого фланга Кавказской линии генерал-майор Ковалевский, начальник штаба Кавказских войск генерал-адъютант князь Барятинский, начальники Центра Кавказской линии за этот период – генерал-майор князь Голицын, полковник Хлюпин, генерал-майор князь Эристов, генерал-майор Грамотин, начальник Кабардинского округа Терской области генерал-майор Орбелиани.

Как следует из материалов дела, причиной конфликта между одной из самых влиятельных в прошлом кабардинских княжеских фамилий Атажукиных и карачаевцами стало убийство в ноябре 1843 г. 18-летнего князя Адильгирея Атажукина карачаевцем Мусаби Бадчиевым. Молодой князь находился у своего воспитателя (быфадэ) – кабардинского дворянина Хаджи Хагондокова в ауле Хасаут. К этому времени Атажукины проживали в Кабарде, в части Закубанья, находившейся под контролем российской администрации, и в Абадзехии. Проживавшие среди абадзехов¹ Атажукины считались абреками – лицами, находящимися вне российских законов. Атажукины, жившие в Кабарде и части Закубанья, были российскими подданными.

Убийство произошло на бытовой почве. Карачаевцы выгнали отары овец на земли, принадлежавшие кабардинцам, и потравили сено. Хаджи Хагондоков отправил к ним на переговоры Адильгирея Атажукина. В результате вспыхнувшего конфликта карачаевец Бадчиев убил молодого князя из ружья. Более того, с убитого сняли оружие, что по обычаям кабардинцев считалось

---

¹ Абадзехи – черкесский субэтнос, населявший северный склон Кавказского хребта, пространство между р. Схагуаше и р. Суп, отделявшей их от шапсугов.

бесчестьем. Сопровождавшие Адильгирея Атажукина не смогли этому воспрепятствовать, так как их было всего двое, причем один из них – старик без лошади и оружия. По свидетельству кабардинцев, карачаевцы знали убитого Атажукина в лицо, и им было известно, что они имеют дело с кабардинским князем [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 1 об.]. После убийства князя Адильгирея Атажукина карачаевские старшины сдали Бадчиева, в целях его безопасности, российской военной администрации – он был водворен под арест. В то же время, надеясь на поддержку российских властей, они не предприняли мер, ведущих к примирению и скорейшему урегулированию конфликта.

По российским законам, Атажукины должны были ждать решения местной администрации – начальника Центра Кавказской линии, в чьем ведении находились все судебные и административные дела кабардинцев и карачаевцев. Атажукины, из числа проживавших в Кабарде и в Закубанье, не дожидаясь такого решения со стороны властей, в течение короткого времени отогнали у карачаевцев около тысячи голов скота и пленили одного карачаевского крестьянина [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 1 об.].

В данном случае здесь имел место обычай барамтования¹. В традиционном обществе, при отсутствии государственного аппарата в виде полиции, органов дознания, тюрем, – расследование, раскрытие преступлений, наказание преступников и удовлетворение потерпевших осуществлялось с помощью общественных институтов. Барамта была одним из таких институтов, механизмом взыскания с виновной стороны материального ущерба при невозможности привлечения к третейскому суду ответчика. Объектом захвата являлось имущество соплеменников преступника. Насильственный захват имущества был призван подтолкнуть противную сторону к переговорам и взаимному удовлетворению сторон [Кожев 2001: 58]. Будучи прерогативой высших сословий кабардинского феодального общества, барамта как метод получения удовлетворения была достаточно эффективным и престижным институтом, так как преследовала не только цель возмещения понесенного ущерба, но и восстановление чести и престижа феодалов [Налоева 2015: 144].

Нападения кабардинцев вынудили карачаевцев выставить на Каменном мосту на Кубани охранный караул. Здесь при схватке с группой кабардинцев 16 января 1844 г. произошло убийство другого кабардинского князя – подпоручика Атажуко Атажукина [Бекулов, Бекулова 2019: 156]. Это еще более озлобило противостоящие стороны и грозило дальнейшей эскалацией конфликта. Обращает внимание, что обе враждующие стороны являлись российскими подданными, а некоторые из участников – российскими офицерами на военной службе. Их действия квалифицировались по российским

---

¹ Барамта – термин тюркского происхождения, означающий захват, временную конфискацию имущества должника или обидчика до удовлетворения за нанесенную обиду и компенсации за принесенный ущерб. Использовался российской администрацией. У черкесов был свой термин, обозначающий данный институт – «тхьэкьу».

законам как тяжкие уголовные преступления (вооруженный грабёж, захват пленных, убийства), влекущие суровое наказание.

Включение российской военной администрации в урегулировании конфликта

Получив от начальников Центра и Правого фланга Кавказской линии донесения об этих инцидентах, командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории В.О. Гурко «предписал ... воспретить кабардинцам и карачаевцам делать набеги и производить разбои и вместе с тем поручил Генерал-Майору Султану Азамат Гирею, чтобы он вытребовав доверенных и почетных старшин с обеих сторон, приступил к разбору и решению дела по добровольному народному обычаю в отношении убийства Адиль Гирея Атажукина, убийство же князя Атажуки Атажукина, в коем виновного не открыто, Генерал-Лейтенант Гурко, считая как бы делом общим между фамилией Атажукиных с карачаевским народом, разрешил разобрать оное по адату, а убийцу Бадчиева, выданного самими карачаевцами, содержать под арестом впредь до решения дела» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 2 об.].

Со стороны российского командования выбор лица для урегулирования конфликта был не случаен. По обычаям и в соответствии с феодальной психологией кабардинских князей, сословный статус лица, взявшего на себя медиаторские функции в их деле, должен был быть равным их статусу или выше его. Кроме того, медиатор должен был представлять нейтральную сторону – не принадлежать ни к кабардинской, ни к карачаевской стороне [Правовые нормы... 1997: 164]. Пристав карачаевского народа Султан Азамат Гирей, выходец из фамилии Гиреев, по этим критериям подходил к роли медиатора. Потомки крымских ханов, живущие среди народов Северо-Западного Кавказа, по статусу считали себя выше черкесских князей, образуя отдельную сословную страту – султанов или, как их именовали черкесы, хануко. Хотя статус хануко был почетным, вся власть принадлежала черкесским князьям, которые относились к султанам не более как к знатым гостям.

Пользовавшийся авторитетом, как в среде карачаевцев, так и кабардинцев, генерал активно включился в переговорный процесс. Он провел ряд встреч почетных судей из доверенных лиц обоих народов: в станице Хумаринской в Карачае, в укреплении Нальчик в Кабарде. Генералу удалось согласовать условия примирения посредством суда посредников, после чего он взял подписку от кабардинцев и карачаевцев, что они будут довольны приговором судей [Бекулов, Бекулова 2019: 156].

Судьи из числа почетных, авторитетных людей, кандидатуры которых были одобрены обеими сторонами, рассматривали дело по адату. По окончании рассмотрения они, как свидетельствуют материалы дела, «приговорили дабы за убийство князя Адиль Гирея Атажукина, убийца его, представленный уже начальству для осуждения по русским законам, был предан со всем его

семейством родственникам убитого князя. Насчет же убийства Подпоручика князя Атажуки Атажукина с общего согласия кабардинцев, суд решил по адатам по народным обычаям следующее: как по убийству этому от князей Атажукиных не представлено таких примеров, по коим можно было бы определить удовлетворение за кровь убитого, то чтобы фамилия князей Атажукиных представила достоверные за присягою примеры подобных случаев хотя бы между другими племенами бывшие, из коих можно было усмотреть суду, сколько именно, в таких обстоятельствах виновные платили по примеру Адата за кровь убитого, и тогда карачаевцы будут согласны сделать такое удовлетворение кабардинцам, какое присуждено будет адатом, причислив в счет уплаты захваченный уже кабардинцами скот и взятого ими же одного карачаевского крестьянина в плен» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 2 об.]. Просьба карачаевцев включить в счет материальной компенсации при уплате «цены крови» захваченные кабардинцами тысячу голов скота соответствовала общепринятым правилам института барамты как одного из способов внесудебного или предваряющего судебное разбирательство метода разрешения крупных конфликтов. Основной целью барамты было стремление предотвратить эскалацию конфликта и добиться в ходе переговоров возмещения материального ущерба [Кожев 2001: 58]. Этот важный общественный институт был впервые обстоятельно изучен Е.Д. Налоевой на примере феодальной Кабарды первой половины XVIII в. От судебных разбирательств барамта отличалась тем, что её применяли только тогда, когда было необходимо общину, к которой принадлежал преступник, привлечь к ответу, принудив ее взять на себя ответственность за преступление своего члена и удовлетворение потерпевшей стороны. Делалось это в тех случаях, когда личность преступника была неизвестна или недоступна для потерпевшей стороны. В подобных случаях пострадавшая сторона захватывала имущество людей из числа родственников, односельчан или же соплеменников подозреваемого. При этом стремились арестовать несколько больше стоимости потери. Имущество, захваченное в качестве барамты, подсчитывалось при понятих и сохранялось в неприкосновенности до разрешения конфликта. Человек, у которого взята барамта, должен был выступить посредником между истцом и настоящим ответчиком. Иначе он лишался права на свое имущество. Причем считалось зазорным как выдать преступника из страха потерять свое добро, так и виновному в преступлении скрываться от пострадавшего по его вине, чье имущество было взято в залог. Преступник должен был либо возместить понесенный из-за его поступка ущерб непосредственно потерпевшему, либо удовлетворить через такого невольного посредника претензии истца [Налоева 2015: 145-146].

В случае с убийствами черкесских князей обычай «тхьэкью» имел ту особенность, что все захваченное у родственников или соплеменников убийцы до урегулирования конфликта и принятия решения третейским судом впоследствии в счет оплаты «цены крови» не засчитывалось [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 33 об.].

Кабардинская сторона из уважения к Султану Азамат Гирею пошла навстречу ответчикам, согласившись, что если карачаевская сторона выполнит решение суда при определении «цены крови» убитого князя Атажуко Атажукина, захваченное кабардинцами имущество карачаевцев будет зачислено в счет оплаты материальной компенсации. Семья же Бадчиева, по решению судей, опиравшемуся на адат, должна была быть передана ближайшим родственникам убитого Адильгирея Атажукина. Если же сам Бадчиев не будет выдан российской администрацией Атажукиным, то он должен быть судим по российским законам.

Проблема возмещения «цены крови»

После оглашения приговора народных судей карачаевская сторона обратилась к Султану Азамат Гирею с просьбой, чтобы убийцу князя Адильгирея Атажукина не предавали суду по российским законам, и в то же время ни он сам, ни семья его не были выданы родственникам Атажукина, а были бы оставлены на месте жительства. Взамен карачаевцы обязались удовлетворить родственников Адильгирея Атажукина выплатой материальной компенсации, такой же по размеру, которая по адату будет присуждена за убийство подпоручика князя Атажуки Атажукина. На что представители фамилии Атажукиных дали свое согласие [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 3].

Данный факт также отражает особенности обычно-правового сознания и сословного мировоззрения представителей феодальной знати народов Северного Кавказа. Карачаевские бии¹, как и кабардинские князья считались покровителями своего народа. Функции патронажа и покровительства в отношении подвластного народа обязывали владельцев представлять интересы своих подданных, защищать, а часто и брать на себя материальную ответственность за их преступления. Последнее происходило тогда, когда уголовные дела и связанные с ними выплаты материальных компенсаций касались других обществ. Это было вопросом престижа феодалов в глазах своих подданных. Часто они предпочитали взять на себя большие расходы по компенсации за уголовные преступления представителей зависимых от них сословий, но не допустить их выдачи для расправы или обращения в рабство в другое общество. Был случай, когда кабардинский князь заплатил огромную сумму за убийство дагестанского владельца своим крестьянином, но не допустил выдачи его родственникам убитого.

В черкесских «демократических» обществах (шапсуги, абадзехи, натухайцы), где отсутствовало сословие князей, а сословие дворян в политических правах было уравнено со свободным крестьянством, коллективную ответственность за преступления своих членов, функции

---

¹ Бии – высшее сословие в феодальной сословной иерархии карачаевского общества, по статусу приравненное Терско-Кубанской сословной комиссией к сословию кабардинских первостепенных дворян – тлекотлеш.

покровительства и патронажа несли так называемые «соприсяжные братства»¹. Высокая «цена крови» часто делала невозможной ее выплату силами самого преступника и его семьи, поэтому в уплате материальной компенсации участвовало все братство. Если по вине одного и того же человека братство ввергалось несколько раз в расходы по выплате компенсаций за тяжелые преступления, то такого «неисправимого» сородича в любом случае не выдавали для расправы в руки представителей другой общины или клана. Такого человека или изгоняли из общества, или казнили его же соплеменники.

Так как обычное право кабардинцев не знало платы за кровь убитого князя, Атажукиным было предложено найти подобный прецедент у других черкесских обществ, имевших сословие князей. Такой прецедент был найден. У бесленеевского² князя Адильгирея Шолохова был убит баракаевцами³ двоюродный брат и им была получена с них материальная компенсация в сто штук.

Термин «штука», или по-черкесски «сха» (голова) – технический термин, имевший отношение к системе композиций, практиковавшейся у черкесов. Так как в XVIII – первой половине XIX в. у черкесов и других народов Северного Кавказа не существовало собственной денежной системы, различного рода компенсации и штрафы за преступления и проступки взимались в натуральном виде, т.е. оружием, лошадьми, скотом, одеждой, крепостными крестьянами и рабами [Гарданов 1967: 228]. В уголовных делах система композиций устанавливала строго регламентированную шкалу возмещений в зависимости от сословной принадлежности истцов [Гарданов 1967: 227]. Так, по сообщению Г.В. Новицкого, у черкесов «князья, дворяне, подвластные и крестьяне имеют каждые оклады, утвержденные обществом с давнего времени, и по окладам сим взыскивают с убийцы. За убийство князя взыскивается 100 баш⁴... За дворянина 1-го класса взыскивается 50 башей, за дворян двух прочих классов по 30, а за подвластного 25 баш» [Новицкий 1829].

Сха была условной платежной единицей, имевшей свои градации в соответствии с сословной принадлежностью потерпевшей стороны. В сборнике адатов кавказских горцев, изданном Ф.И. Леонтовичем, сообщается, что головы подразделялись на «мокрые» и «сухие». К первой группе относилось все живое (люди, скот), ко второй – вещи и оружие. Группы в свою очередь делились на первостепенные, средние и низшие рода. Каждый род имел градацию: лучшие, худшие и худые [Леонтович 1882: 146].

---

¹ «Соприсяжные братства» – организации, созданные на основе принципов искусственного родства, с помощью которых свободные общинники-крестьяне в трех провинциях Черкесии – Шапсугии, Абадзехии и Натухае – свергли политическую власть местных феодальных элит.

² Бесленеевцы – черкесский субэтнос, занимавший территорию по верхнему течению правого берега реки Лабы и её притоку Ходзю, на востоке и северо-востоке по реке Уруп и её притокам Большому и Малому Тегеням.

³ Баракаевцы – абазинское общество, проживавшее в вершинах р. Губса на Северо-Западном Кавказе.

⁴ Г.В. Новицкий употребляет тюркский термин «баш», соответствующий черкесскому «сха».

Л.Я. Люлье отмечал, что «сха, как мера уголовной пени, бывает двух родов: 1) вуорккесха – по кровомщению привилегированного класса и 2) сха простая – по кровомщению за простолюдина. Стоимость первого рода больше второго. Ценности сха нельзя определить точным образом. Хорошая кольчуга, шлем, налокотники, большой котел из меди и т.п. вещи стоят не больше 60 ...быков, но не менее 60 баранов, что составляет вообще одну сха. Но по сану лица, за которого платится пеня, размеры этой стоимости... бывают различны: в уплате за князя (пши) сха исчисляется 60-80 ...быков, за дворянина (уорк) считается еще меньше, смотря по сановитости рода, и доходит, наконец, до 8 ...быков в уплате за простолюдина (тфокотль)» [Люлье 2004: 92].

Если перевести исчисление стоимости «цены крови» со сха, условной платежной единицы неопределенной фактической ценности, на цю (быков), другую платежную единицу, применявшуюся черкесами и выражавшуюся в стоимости одного быка, то со всей наглядностью выступает огромная разница в «цене крови» черкесов различного социального статуса. Так, например, если перевести «цену крови» черкесского князя со сха на цю, то окажется, что в XVIII – первой половине XIX в. она колебалась от 6 до 8 тыс. быков (считая 100 сха, каждая стоимостью в 60-80 цю), тогда как «цена крови» простого свободного черкеса из сословия тфокотлей не превышала 240 быков (30 сха, каждая стоимостью 8 цю). Таким образом, «цена крови» черкесского князя превышала материальную компенсацию за жизнь простого свободного черкеса в 30 раз [Гарданов 1967: 232-233].

Предметы, предлагаемые в счет уплаты, оценивались независимыми посредниками-оценщиками и, если отдельная вещь была выдающаяся по своим качествам, например, сабля, кольчуга или кинжал, то она могла быть приравнена по ценности к одной или нескольким сха [Люлье 2004: 92].

Согласно договоренности об уплате компенсации за убийство двух кабардинских князей Атажукиных по сто штук за каждого по примеру удовлетворения баракаевцами бесленеевского князя Адильгирея Шолохова, последний был вызван со свидетелями к Каменному мосту на Кубани. Здесь, в присутствии тяжущихся сторон, князь Шолохов объявил, что он получил с баракаевцев за кровь убитого ими двоюродного брата удовлетворение в размере ста штук, а именно 50 крепостных женщин, 4 панциря равных стоимости 6 рабов, 6 сабель равных стоимости 6 рабов, 4 шишака (шлема) равных стоимости 4 рабов, 2 ружья равных стоимости 2 рабов, 25 лошадей, 4 парадных седла, лук со стрелами, пару налокотников равных стоимости 2 рабов, комплект одежды из черкески, бешмета и рубахи, всю семью убийцы, включая его самого, со всем домашним имуществом, оцененную в одну сха. Сверх этого баракаевцы должны были взять на воспитание одного из фамилии убитого бесленеевского князя и по возвращении домой одарить лошадью, быками и разными предметами количеством 50 штук [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 32-33].

Когда Адильгирей Шолохов захотел подтвердить все вышеуказанные условия присягой, карачаевские депутаты не допустили его к этому. Как свидетельствуют материалы архивного дела, «...карачаевцы сочли для себя эту

плату весьма великою и не изъявили согласия на уплату Атажукиным такого же точно количества, какое указывает князь Адиль Гирей Шолохов, почему и не допустили его принять присягу, и по сей причине, не решив окончательно этого дела, разошлись опять по своим домам» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 4].

Сумма в 200 штук за кровь двух убитых князей Атажукиных оказалась для карачаевского общества непомерно великой. По нашим подсчетам, основанным на средней цене, существовавшей в это время на крепостных и ясырей (рабов), минимальный денежный эквивалент 200 штук равнялся 30 тысячам российских рублей серебром.

Переход под российскую юрисдикцию и распространение российской денежной системы у народов Северного Кавказа со временем привели к появлению новаций в традиционной системе композиций. Во-первых, штрафы, исчисляемые в «головах», получили свои денежные эквиваленты в российских рублях. Во-вторых, они стали выплачиваться не вещами, оружием, скотом, рабами, как раньше, а деньгами. В-третьих, фактическая цена саха в денежном эквиваленте стала в десятки раз меньше по сравнению с прошлыми временами. Это произошло в результате утраты черкесскими князьями политической власти и феодальных привилегий, фактического понижения их социального статуса в условиях установления в регионе российского административно-правового контроля. В поздних сборниках адатов народов Северного Кавказа, использовавшихся российской администрацией в 50-х гг. XIX в. для решения уголовных дел, штраф за убийство черкесского князя был установлен в размере 3 тыс. руб. серебром [Правовые нормы... 1997: 190]. Данная сумма в 5 раз меньше установленной нами минимальной суммы (15 тыс. руб.), полученной по черкесским адатам за убийство бесленеевского князя.

Несмотря на то, что такие предметы, как панцири, сабли, налокотники, шлемы к середине XIX в. вышли из военного обихода, утратив свою практическую ценность, они оставались престижными и очень дорогими. Из соображений престижа князья Атажукины требовали решения дела по адату, с выплатой предусмотренных в таких случаях вещей, и отказывались от денежной компенсации. Тем не менее, в 40-50-х гг. XIX в. традиция выплаты пеней престижными в феодальном обществе материальными ценностями в виде дорогостоящего оружия стала уходить в прошлое и заменяться денежными штрафами.

Институт кровной мести: устойчивость ценностных представлений и кризис функционирования

Когда посредническая миссия Султана Азамат Гирея зашла в тупик, а карачаевская сторона отказалась удовлетворить Атажукиных по адату, начался новый виток эскалации конфликта. В 1847 г. от начальника Правого фланга Кавказской линии П.П. Ковалевского на имя командующего войсками Кавказской линии Н.С. Завадовского поступило сообщение «что сын князя Мисоста Атажукина, Мисост, в прошедшем ноябре месяце с 26 товарищами в

отмщение за кровь убитых князей Атажукиных ограбил карачаевский баран кош, состоящий между Кубанью и Тебердою близ аула Джембулата Атажукина угнав до 60 штук рогатого скота, 200 овец и 4-х карачаевцев взял в плен. В бывшей в то время между ними перестрелке убит один карачаевец и один кабардинец. При сем Генерал-Майор Кавалевский присовокупил, что при жизни князя Джембулата Атажукина, к удержанию кабардинцев от кровомщения предстояло более возможности: тогда нужно было согласить одного только его, как старшего из фамилии обиженных, по смерти же Джембулата Атажукина¹, дело крови некоторым образом сделалось общим – всякий по произволу принимает в нем участие и настоящий поступок служит тому доказательством: что хотя принятые есть меры, чтобы убедить кабардинцев к возвращению взятых карачаевцев и угнанного скота, то можно быть уверенным, что кабардинцы не исполнят этого; нельзя также поручиться, чтобы карачаевцы в свою очередь за эту обиду при первом случае не отомстили бы кабардинцам. Таким образом в настоящее время вражда между кабардинцами и карачаевцами снова возгорелась и последствия ее могут быть весьма пагубны, особенно для карачаевцев, что бы удержать месть с обеих сторон, необходимо содействовать им к скорейшему решению дела их по народным обычаям» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 4 об.].

Ситуация осложнялась тем, что участниками конфликта, помимо Атажукиных, являвшихся российскими подданными, были их родственники из числа так называемых «беглых кабардинцев»², являвшихся непримиримыми врагами российской власти и ведущих с ней вооруженную борьбу. Директивы Воронцова не могли на них повлиять, так как они, проживая среди непокорных горцев Северо-Западного Кавказа, находились вне зоны досягаемости российской юрисдикции и государственных органов. Атажукины из их числа, хотя и не разделяли политической ориентации своих однофамильцев, находившихся на российской государственной военной службе, тем не менее, считали себя также обремененными обязанностью отомстить за родственника. К примеру, живший среди абадзехов Магомет Атажукин в 1844 г. взял в плен двух карачаевцев и убил третьего [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 28-28 об.]. Нам не удалось идентифицировать князя Магомета Атажукина, так как среди немирных князей Атажукиных известны как минимум три князя с этим именем. Самый известный из них, Магомет-Аш Атажукин, погиб во время рейда возглавляемого им отряда в окрестностях Ставрополя в 1846 г.

Бывший представителем интересов Атажукиных в этом деле и находящийся на российской военной службе ротмистр Атажуко Атажукин не мог открыто не подчиниться требованиям своего вышестоящего военного начальства. 31 марта 1852 г. он пишет записку на имя главнокомандующего

---

¹ После смерти в 1846 г. старшего в роду Джембулата Атажукина миссия представителя интересов фамилии Атажукиных в данном деле перешла к проживавшему в Кабарде и находящемуся на военной службе прапорщику Атажуко Касаевичу Атажукину.

² Наряду с названием «беглые кабардинцы» в русских документах использовался термин «абреки». Часть кабардинского народа, которая выбрала свободу и путь вооруженной борьбы против колониальной экспансии, получила среди черкесов название «хажретов».

Отдельным Кавказским корпусом М.С. Воронцова, в которой излагает свою позицию. Этот документ проясняет некоторые особенности обычного права, правового сознания и сословных представлений черкесской аристократии, связанных с институтом кровной мести.

Надо отметить, что представления эти не являются специфическими только для черкесской аристократии, они характерны для всех традиционных обществ. Исследователь института кровной мести Р. Вердье выделил несколько ключевых моментов в функционировании этого института.

Во-первых, месть не есть проявление агрессивности отдельного человека и желания пролить кровь обидчика. Мечь, как и закон экзогамии, призвана сохранить существование отдельных социальных коллективов и основывается на законе обмена. Мечь перестает быть желанием, которое подавляет и обуздывает закон, и становится нормой, которую закрепило общество. Как оскорбитель, так и оскорбленный могут прибегать к мести только в том случае, если они принадлежат к разным социальным формированиям. Нанесенное оскорбление ставит группы в положение возврата соответствующего долга, долг обиды есть долг жизни. Мечь меньше направлена против того, чтобы разрушить жизнь, а больше на то, чтобы заставить уважать ее, она является ответом на акт, который поставил под угрозу само существование группы обиженного. Она имеет такое же важное значение для воспроизводства кровнородственной группы, как и брачный обмен. Свидетельством этого являются понятия, которыми она оперирует и которые часто неразрывны, – это кровь и честь. Говорят, что честь замешана на крови [Рулан 1999: 173-174]. Пренебрежение человеком долгом кровной мести в традиционном обществе могло привести к обструкции или изгнанию из коллектива такового. Эта обязанность, которая лежит на каждом члене коллектива независимо от его личного желания или отношения к представителям группы обидчика. В традиционном обществе объектом кровной мести может быть как сам непосредственный обидчик, так и любой представитель его группы.

На Северном Кавказе кровная месть как обычай, направленный на сохранение социальных групп, а не на их уничтожение, никогда не перерастала во всеобщую войну между народами. Это была контролируемая месть, регулируемая другими общественными институтами. Суд посредников и система композиций позволяли остановить кровную месть, сохранив жизнь ответчика и в то же время удовлетворить честь потерпевшей стороны. Материальная сторона вопроса при этом не стояла на первом месте. Система композиций широко практиковалась у всех народов Северного Кавказа и ей, обычно, отдавалось предпочтение перед кровной мещью. Но в конфликтах, связанных с убийствами кабардинских князей, их урегулирование осложнялось тем, что в силу их особого социального статуса отсутствовала сама система композиций, предусмотренная во всех других случаях. По этой причине убийства и кровная месть, имевшие место между кабардинскими князьями, требовали обязательного отмщения крови убитого. В княжеские междоусобия, возникающие на этой почве, вовлекались их вассалы и подданные, часто жертвовавшие своими жизнями и имуществом за поддержание чести своих

сюзеренов. Был только один способ остановить кровную месть в случае убийства одним князем другого – убийца должен был взять на воспитание сына убитого. Вступив в отношения искусственного родства по обычаю аталычества воспитатель (быфадэ) и его воспитанник (пIур) становились родственниками, и потому кровная месть не могла иметь место между ними.

Кровная месть, возникавшая между кабардинскими князьями, зачастую приводила к политической дестабилизации страны.

В этом отношении примечательна многолетняя история кровной вражды Баксанской и Кашкатавской партий – двух княжеских коалиций Большой Кабарды. В нее были втянуты все княжеские фамилии – Кайтукиных, Бекмурзиных, Атажукиных и Мисостовых. Началом ее послужило убийство в 1721 г. подвластными Бамата Кургокина (род Атажукиных) младшего брата Асланбека Кайтукина Канамата. Убийство Канамата, разделившее Большую Кабарду на две части, ввергло ее в многолетнюю междоусобицу. Официально вину за это убийство взял на себя Касай Атажукин¹ (род Мисостовых) с тем, чтобы скрепить коалицию Атажукиных и Мисостовых (Баксанская партия) против Кайтукиных и Бекмурзиных (Кашкатавская партия). В 1747 г. лидер клана Атажукиных Бамат Кургокин решил примириться с Кайтукиными и Бекмурзиными, так как этого требовала сложившаяся политическая ситуация. Но между ними была неотмщенная кровь Канамата. Атажукины, Кайтукины и Бекмурзины «назначили» виновными Мисостовых, хотя все знали, что к убийству причастен Бамат Кургокин. В 1751 г. премьер-майор Иван Барковский, выяснив предысторию вражды между Баксанской и Кашкатавской партиями, сообщал в Кизляр, что «во время прежней междоусобной ссоры убит от Бамата Кургокина и его узденями и холопами владелец Канамат Кайтукин... и как Кайтукины и Бекмурзины стали искать, кто брата их убил, то Касай присягой то убивство принял на себя, а с Баматом имели присягу, что то убивство общее их и для того б им обще всем быть и друг друга не оставлять, и с теми бы двумя фамилиями, Кайтукиными и Бекмурзиными не сообщаться. Но Бамат де Кургокин, наруша ту присягу, с означенными фамилиями сообщался и ево Касая с братьями из Кабарды выгнали и вновь им дал присягу, якобы подлинно владелец Канамат убит Касаем и ево узденями и холопьями, потому де Кайтукины и Бекмурзины обще с ним, Баматом, тех узденей и холопей порубили, пожитки, скот и от других узденей все без остатку разграбили» [Кажаров 1994: 410]. Лидер Мисостовых Касай Атажукин был изгнан из Кабарды в 1747 г. Но уже в 1749 г. его возвращают в Кабарду, забыв о крови Канамата, и изгоняют теперь Бекмурзиных. В 1751 г. междоусобицы возобновились с новой силой. Причем действия Кайтукиных против Бамата Кургокина прикрывались опять-таки поиском «крови Канамата». Хотя Касай Атажукин оставался верен присяге, данной 30 лет назад Бамату Кургокину,

---

¹ В русских письменных источниках было принято записывать фамилии князей по их отчествам. Так как отец Касая был Атажуко, он записан как Касай Атажукин, хотя принадлежит фамилии Мисостовых.

взяв тогда на себя кровь Канамата Кайтукина, Бекмурзины, Кайтукины и часть Мисостовых стали обвинять Бамата Кургокина в убийстве Канамата.

Спустя 32 года, в октябре 1753 г., на собрании князей всех четырех уделов было объявлено, что «Канаматову кровь обеим партиям ни по каким возбуждениям и не на ком не отыскивать и оставить оную уже втуне, яко сущею мертвою» [Кажаров 1994: 415].

Так завершилась история с убийством князя Канамата Кайтукина оставшись в памяти народа в виде поговорки «Къэнэмэт и лЫукЫым хэхуаш» (В дело с убийством Канамата попал). Ее вспоминают в тех случаях, когда хотят подчеркнуть, что человек попал в сложную, конфликтную ситуацию [Адыгэ псалъэжхэр... 1967: 22].

В отличие от вышеприведенного примера, история с убийством князя Адильгирея Атажукина и связанные с этим события разворачивались в другой исторической эпохе и обстановке. К середине XIX в. Кабарда стала частью Российской империи, и бывшее влияние кабардинских князей, как на соседние народы, так и в самом кабардинском обществе было утрачено. Особые социальные привилегии кабардинских князей, неприкосновенность их личности для представителей других сословий, носившие раньше абсолютный, безусловный характер, постепенно стали нивелироваться. Тем не менее, традиционные ценностные ориентации, чрезмерная щепетильность в вопросах личной, фамильной и сословной чести, обостренное чувство собственного достоинства продолжали доминировать в сознании кабардинской аристократии, представителем которой являлся Атажуко Атажукин. Эти мотивы и ценности нашли отражение в записке, с которой он обратился к своему военному начальству: «Это убийство есть не только преступление уголовное, но мы Атажукины, не можем иначе считать его как посрамлением нанесенным всему кабардинскому народу от карачаевцев, платившим нам постоянно дань, до поступления под высокое покровительство и верноподанство Великого Монарха России и бывших в совершенной от нас зависимости. По понятиям и древним обычаям нашим мщение за кровь убитого князя должно было быть неизменно... Решением этого дела, снимется наконец позорное клеймо, по понятиям соотечественников моих, лежащее на мне, как на ближайшем родственнике убитых; и если я прошу разбирательства, то это не есть корыстолюбивое желание к стяжанию богатства, так как обыкновенно в таких несчастных случаях присуждается денежное удовлетворение. Единственное желание мое кончить вражду, так долго продолжающуюся между двумя соседственными племенами, прежде бывших между собою связанными родственными узами, но после этого убийства сделавшихся злейшими врагами» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 30-31 об.].

Но процессы нивелирования статуса и влияния князей в кабардинском обществе и одновременного упадка и изживания институтов кровной мести, системы композиций, вытеснения адата нормами государственного российского права принимали все более широкий и необратимый характер.

В этом отношении показательны три уголовных дела, наглядно демонстрирующих степень девальвации ценности кровной мести в

общественном сознании кабардинцев как способа поддержания фамильной чести. Все они связаны с убийствами князей из рода Мисостовых, произошедшими в Кабарде во второй половине XIX в. Одной из причин упадка авторитета отдельных представителей этой фамилии в кабардинском обществе стал их переход из ислама в христианство.

В 1857 г. крещенный кабардинский князь Михаил Алексеевич Мисостов был убит близ укрепления Нальчик. Старший брат убитого Александр Алексеевич Мисостов до самой своей смерти в 1866 г. тщетно добивался наказания убийцы через официальные органы власти. Члены Кабардинского временного суда князя Докшуко Касаев, Алхас Мисостов, Магомет Жамботов, хотя и являлись родственниками убитого, заняли позицию выгораживания предполагаемого убийцы – узденя Жамбота Очеритлова, старшины аула Тогланова. Представители духовенства, считавшие убийство вероотступника «богоугодным» делом, препятствовали ходу следствия, оказывая давление на свидетелей. В условиях конфронтации с кабардинскими князьями и обструкции со стороны духовенства Александр Мисостов уже не настаивал на привлечении подозреваемых к суду в рамках российских законов. Теперь он стал просить удовлетворения за кровь брата по нормам адата. 31 мая 1858 г. Мисостов пишет начальнику штаба войск Левого крыла Кавказской линии Зотову: «Истинное желание мое состоит в прекращении следственного дела, не предавая убийц суду... приказать произвести мне удовлетворение за кровь брата моего 3000 рублей серебром, как карачаевцы за двух князей Атажукиных, равному мне по роду происхождения, уплатили, т.е. подполковнику кн. Атажукину в недавнее время» [УЦГА АС КБР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 2. Т. 4. Л. 14 об.]. Но, как следует из архивных материалов, по адату дело не было рассмотрено. Более десяти лет князь рассылал свои прошения во все инстанции: от Кабардинского временного суда до Его Императорского Величества [Бекулов, Бекулова 2019: 155]. Следствие по данному делу тянулось 11 лет и, было закрыто начальником Терской области М.Т. Лорис-Меликовым 14 апреля 1869 г., через три года после смерти истца. Он распорядился оставить дело «без последствий, за поведением же кабардинца Жамбота Очеритлова, привлеченного к делу по подозрению в убийстве, учредить строгий полицейский надзор» [УЦГА АС КБР. Ф. 7. Оп. 1. Д. 14. Л. 76].

Второй случай связан с убийством, произошедшим в ауле Мисостово в середине 1858 г. Князь Алхас Мисостов был задушен, а его тело вывезено в пойму р. Урвань. Родственники князя знали, кто лишил его жизни. Однако они понимали, что убийца не смог бы компенсировать плату за кровь в размере 100 штук, или 3 тыс. руб. в денежном эквиваленте. С другой стороны, малочисленный род Мисостовых, не в состоянии был ответить за кровь. Чтобы избежать негативного общественного мнения о неспособности Мисостовых защитить свою честь и достоинство, с подачи вдовы убитого была озвучена версия об утоплении Алхаса Мисостова на реке Урвань [Бекулов 2008: 78-79].

О кризисе института кровной мести и связанных с ним традиционных представлений свидетельствует также архивное дело «О разрешении князю Бекмурзе Докшукину разобраться за убийство им князя Хатажуки Наурузова

шариатом или адатом» (1847-1849 гг.). В деле отмечается, что князя Мисостовой фамилии (к которой принадлежал убитый) «не согласны разобратся с князем Бекмурзой Докшукиным [фамилия Кайтукиных. – А.М.] по шариату и древнему обычаю, а просят сделать определение виновному по русским законам» [Материалы по обычному... 1956: 271]. То есть если раньше кабардинцы стремились судиться по адату, то теперь они стали отдавать предпочтение российским законам [Кажаров 1994: 424].

Политические мотивы в подходах российской военной администрации

Генерал-адъютант Н.С. Завадовский поручил Султану Азамат Гирею возобновить посреднические усилия, вызвав представителей конфликтующих сторон для достижения примирения. Начальники Центра и Правого фланга Кавказской линии должны были со своей стороны оказать ему в этом свое содействие. Так как предыдущие переговоры зашли в тупик из-за того, что карачаевцы отказались от уплаты компенсации по адату, эти начальники должны были убедить кабардинцев уменьшить сумму выкупа, а карачаевцев – согласиться ее выплатить.

Для скорейшего урегулирования конфликта Н.С. Завадовский готов был пойти еще дальше и предложил помочь карачаевцам в деле уплаты «цены крови» кабардинских князей за счет государственных средств. Такое нестандартное решение он обосновал мотивами политической целесообразности. В апреле 1846 г. 20-тысячное войско Шамиля вторглось в Кабарду с целью взять под контроль ее территорию и выйти на соединение с силами своего наиба на Северо-Западном Кавказе Магомет-Амина. Ключевую стратегическую роль в этом плане играла территория Карачая, через которую Магомет-Амин должен был прийти на помощь Шамилю. Карачаевское общество с помощью российских военных сил не пропустило силы Магомет-Амина через свою территорию, расстроив тем самым стратегические планы Шамиля. Российское правительство считало полезным поощрить сохранение карачаевским обществом лояльности и верности присяге, данной ими в 1828 г. Делегация карачаевских депутатов была принята в С.-Петербурге. По возвращении из столицы они предоставили начальнику Центра Кавказской линии Хлюпину просьбу об освобождении Мусаби Бадчиева из-под ареста и выдаче на поруки карачаевскому обществу.

Н.С. Завадовский запросил мнение на этот счет бывшего начальника Центра Кавказской линии генерал-майора В.С. Голицына и действующего – полковника С.И. Хлюпина. В.С. Голицын выразил положительное мнение на просьбу карачаевской стороны, считая что «человек этот совершил убийство над покушавшимся завладеть стадом его, следовательно стрелял не в князя, а в разбойника, а потому, не находя его вполне виновным, признавал весьма достаточным вменить ему в наказание долговременное содержание под караулом» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 3 об.]. Позиция В.С. Голицына становится понятной, если учесть, что он был смещен с поста начальника Центра Кавказской линии «благодаря» представителям

кабардинской аристократии. Готовящееся вторжение Шамиля в Кабарду стало для Голицына полной неожиданностью. Как впоследствии выяснилось, в его подготовке участвовали многие кабардинские князья и дворяне. За беспечное поведение, позволившее кабардинцам подготовиться к появлению Шамиля и содействовать ему, начальник Центра Кавказской линии генерал Голицын был отстранен от должности. В этом плане примечательна история подпоручика российской армии, члена Кабардинского временного суда Магомет-Мирзы Анзорова. Представитель знатного кабардинского аристократического рода Магомет-Мирза был другом семьи В.С. Голицына и располагал полным его доверием. В 1844 г. М.-М. Анзоров по рекомендации В.С. Голицына входил в состав кабардинской делегации, «удостоенной высочайшим вниманием» императора Николая I в С.-Петербурге. Особое доверие со стороны начальника Центра Кавказской линии способствовало скрытому участию Магомет-Мирзы Анзорова в подготовке похода Шамиля в Кабарду весной 1846 г. В день вступления отряда имама в Кабарду Магомет-Мирза с видом абсолютного спокойствия играл в карты с В.С. Голицыным и другими офицерами, но в тот же вечер, оставив своих сослуживцев, примкнул к армии Шамиля [Бейтуганов 1998: 107-108].

Полковник С.И. Хлюпин также высказал мнение, что необходимо удовлетворить просьбу карачаевских депутатов об освобождении Бадчиева с тем, «чтобы усилить доверие к нам карачаевцев и показать к ним наше уважение к их преданности...» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 5].

Учитывая все вышеизложенные политические мотивы, высшее начальство приняло решение «в уважение особой непоколебимой верности нашему Правительству карачаевцев, оказанной ими при последнем вторжении в Кабарду Шамиля чтобы скорее положить конец этому делу от коего с каждым днем можно ожидать новых с обеих сторон грабежей и убийства жертвою которых могут быть вовсе невинные, пособить им в уплате за кровь Атажукиных, выдачею для того что-нибудь из экстраординарных вещей¹» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 6].

Процедурный и институциональный компромисс как форма урегулирования конфликта

Дело затягивалось еще и в связи с тем, что Атажуко Атажукин в 1849 г. отбыл для прохождения службы сначала в Варшаву, а оттуда в С.-Петербург [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 16]. На Кавказ он вернулся только спустя три года [Казаков 2017: 88]. В силу личного авторитета Атажуко Атажукина, как считала сама кавказская администрация, только его участие могло быть гарантией выполнения договоренностей со стороны представителей многочисленной фамилии Атажукиных.

---

¹ Экстраординарные вещи – имеются в виду военные трофеи в виде ценных вещей, попадавшие в распоряжение российского военного командования в ходе боевых действий против непокорных горцев.

К 1851 г., спустя семь лет после начала конфликта, дело оставалось открытым. Так как командующий Центром Кавказской линии князь Г.Р. Эрстов считал решение этого дела по адату невозможным, было предложено Атажукиным разобрать это дело медиаторским судом в Кабардинском временном суде. Как сообщается в рапорте Командующего войсками Н.С. Завадовского на имя главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом князя М.С. Воронцова «по вызову кабардинским судом, князей Атажукиных, они не изъявили желаний разобрать медиаторским судом с Карачаевцами за убийство родственников их, но требуют разбирательства по адатам...» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 27-27 об.].

После этого последовало распоряжение директивного характера главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом князя М.С. Воронцова от 10 января 1852 г.: «Дабы положить конец взаимным враждебным действиям между Закубанскими кабардинцами и карачаевцами за убийство в 1843 году родственников князей Атажукиных... продолжающееся столь долгое время... приказать враждующим сторонам кончить медиаторским из своего сословия судом определив для непременно окончания онаго в срок тоже явно не отдаленный по вашему усмотрению. При чем объявить враждующим сторонам что будут уклоняться от выборов медиаторов или не являться в назначенное место или же не согласятся исполнить решение медиаторов и таким образом по истечении не будет окончено это дело и после того вновь произойдут убийства или грабежи, то виновные будут разбираться уже не по обычаям горцев, но предаваемы будут военному суду как преступники по уголовным русским законам. О сем объявить враждующим сторонам и в известности такого решения взять расписки по крайней мере от главных лиц обеих сторон» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 28-28 об.]. Крайним сроком для завершения дела медиаторским судом было обозначено шесть месяцев.

При всем старании начальника Центра Кавказской линии Атажукины, не соглашались на решение дела медиаторским судом в Кабардинском временном суде, а настаивали на суде по адату. Здесь возникает вопрос: чем они различались. Медиаторский суд по определению это суд посредников. В этом плане он не отличается от суда по адату. Но дело в том, что Кабардинский временный суд, хотя и мог использовать в своей работе элементы традиционного обычного права, был органом российской государственной судебной системы, а не традиционным независимым судом. Работавшие там, в качестве судей, представители местной аристократии, находились на государственной военной службе, получали казенное жалованье и подчинялись вышестоящему военному российскому начальству. В силу этих обстоятельств они не могли считаться самостоятельными в принятии решений. Зачастую, если вынесение вердикта в соответствии с нормами адата было невозможно, они создавали прецеденты, предлагая взамен альтернативные решения и склоняя к их принятию стороны конфликта.

Согласно обычному праву народов Северного Кавказа в конфликтах с участием представителей разных общин и этносов судьи должны были быть со

стороны и такого же сословного статуса. На этом настаивает в своей записке Атажуко Атажукин: «Я осмеливаюсь почтительнейше просить ваше Сиятельство решить дело это князьям и старшинам других племен, совершенно чуждым и непричастным к нему, под наблюдением кого либо из Русских офицеров, знающих взаимные права и обычаи горцев, устранить от решения сего, как карачаевцев так и кабардинцев» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 30 об.].

Кабардинский временный суд так и не смог приступить к рассмотрению этого дела. Оно решилось в результате личной встречи высокопоставленных российских военных начальников – главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом князя Воронцова, командующего войсками Кавказской линии Завадовского и начальника Центра Кавказской линии Грамотина со своим подчиненным – майором, состоящим при Отдельном кавказском корпусе, Атажуко Атажукиным: «в бытность в Кисловодске в 1852 году... склонили Майора Князя Атажукина уменьшить это взыскание до 6 тыс. руб. серебром и предоставили ему пользоваться этими деньгами» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 43 об.].

В рапорте на имя начальника Главного штаба кавказских войск князя А.И. Барятинского сообщалось: «... о положении дела по вражде кабардинцев с карачаевцами за убийство последними в 1843 г. Князей Атажукиных, – имею честь донести Вашему Превосходительству, что кабардинский князь Атажука Атажукин в присутствии Главнокомандующего, Командующего войсками и Начальника Центра, в прошедшем году полюбовно примирился с карачаевцами, с условием, что последние заплатят за кровь убитых Атажукиных 6 т. руб. серебром и что Его Высокопревосходительство Николай Степанович [Н.С. Завадовский. – А.М.] желая, чтобы мировая эта осуществилась на самом деле поручил Генерал-Майору Грамотину принять участие к окончанию дела по сему предмету добровольно и без всяких последствий, на что получен ныне ответ от 11 апреля за № 518, что взыскание с карачаевцев за кровь убитых князей Атажукиных благодаря деятельности пристава Есаула Тургиева еще в начале Генваря месяца кончено и сумма храниться в Центральном ящике...» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 39-39 об.].

В 1853 году в течение нескольких месяцев карачаевцы собрали деньги, но прошло еще пять лет, пока дело было окончательно закрыто [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 62 об.].

Администрация не спешила выдавать собранные деньги представителям рода Атажукиных, так как перед начальником Центра Кавказской линии Грамотиным возник ряд вопросов. Если выдать всю сумму Атажуке Атажукину, не будут ли это решение оспаривать остальные представители фамилии. Также карачаевцы, справедливо опасаясь, что проживавшие среди абадзехов князя Атажукины, не оставят своих претензий к ним и, чтобы оградить себя от их неприязненных действий, просили «часть денег из числа 6 тысяч руб. серебром уделить и тем Атажукиным, которые живут в непокорных ... племенах за Кубанью» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 39 об.].

Изучение этого вопроса, бюрократическая переписка, согласование решений с вышестоящим начальством заняли больше года. Желание карачаевцев передать часть суммы за Кубань князьям Атажукиным, находившимся в состоянии войны с Российской империей и считавшимся по российским законам преступниками, вызывало вопросы юридического характера. Чтобы обойти этот юридический нонсенс, начальником Центра Кавказской линии Грамотинным было предложено «...взысканные с карачаевцев 6 тыс. руб. серебром за кровь убитых ими Князей Атажукиных ... разделить следующим образом: две части отдать Майору Атажуке Атажукину, а третью часть отдать Князьям Атажукиным находящимся за Кубанью в непокорных племенах, но до изъявления сими покорности деньги хранить в Центральной сумме» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 43-43 об.].

На принятие такого решения повлияло и то, что не все представители фамилии Атажукиных, в силу своих родственных связей с аристократическими родами Карачая, приняли участие в конфликте и в его урегулировании. По этой причине они добровольно отказались от получения денег в пользу Атажуко Атажукина. Этот факт иллюстрирует одно из правил функционирования института кровной мести – она не должна была быть направлена против родственников.

В список получателей денег не включили сыновей покойного полковника князя Хаджи Мисоста Атажукина, проживавших в Кабарде, так как они «очень молоды и постоянно не ладятся с Атажукой и Хасанби Атажукиными и находятся в дружбе с карачаевцами» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 80-81 об.]. Закубанских Атажукиных, которые были в дружбе с карачаевцами, также исключили из числа претендентов на получение денежной пени [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 81 об.].

В подтверждение своих слов, что не «корыстолюбивое желание к стяжанию богатства», а понятия о чести руководили им, Атажуко Атажукин не спешил забирать предназначенную ему сумму. Ссылаясь на болезнь и другие причины, он тянул время [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 70]. А между тем, вопрос не мог считаться закрытым, пока в кассе оставались лежать деньги. В Нальчик начальнику Центра Кавказской линии шли требования из Ставрополя и Тифлиса завершить, наконец, это дело.

В 1858 г., как следует из рапорта начальника штаба Кавказской армии, от подполковника князя Атажуко Атажукина была получена расписка в получении 4 тыс. руб. серебром [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 88-88 об.]. Так закончилась эта история, длившаяся 16 лет.

Пользовавшийся уважением среди кабардинцев и авторитетом у российской администрации князь Атажуко Атажукин современниками считался одним из последних носителей традиционных принципов сословной чести и княжеского достоинства. В материалах Комиссии по разбору личных и поземельных прав горцев Терской области, которые были подготовлены незадолго до отмены крепостного права, отмечалось: «... князей, которые бы образом жизни соответствовали прежнему понятию кабардинцев о княжеском достоинстве, в фамилиях Кайтукина, Бекмурзина и Мисостова нет никого,

только в фамилии Атажукина есть еще один представитель древнего типа кабардинского князя, измененный впрочем, влиянием своего времени» [УЦГА АС КБР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 754. Л. 9 об.]. Речь шла о полковнике Атажуко Атажукине, умершем в 1868 г., и со смертью которого, по словам В.Н. Потто, «в Кабарде остался ничего не значащий княжеский титул» [Потто 2006: 417].

Заключение

Анализ архивных дел и уголовных преступлений, имевших место в XIX в., позволяет сделать несколько заключений.

К середине XIX в. такие традиционные институты народов Северного Кавказа, как кровная месть, барамта, система композиций, третейский суд не были изжиты из социальной практики, но их функционирование проходило в трансформированной форме.

Учреждение Кабардинского временного суда в 1822 г. и последующая практика уголовного наказания по российским законам проявлений кровной мести, барамты и других традиционных институтов привели к мощному активному и пассивному сопротивлению кабардинского общества. В 20-40 гг. XIX в. происходила массовая эмиграция недовольных политикой российских властей кабардинцев за Кубань, усиливавших численно и организационно антиколониальное сопротивление западных черкесов. Этот факт повлиял на стратегию местного военного начальства, которое стало отходить от буквы российских законов и проводить более гибкую политику в области судопроизводства. Кабардинскому временному суду разрешалось рассматривать дела, касавшиеся убийства, если только они носили частный характер и не были связаны с государственными преступлениями.

Этот процесс следует рассматривать как временную, частичную, взаимную адаптацию различных систем права, вызванную практическими потребностями судопроизводства и текущей социально-политической ситуацией. Поддержка правительством традиционной системы композиций выглядела значительной уступкой обычно-правовым нормам кабардинцев. На самом же деле, как отмечал В.Х. Кажаров, имперская администрация использовала один обычай против другого, рассматривая это как одно из средств изживания обычая кровной мести. Понимая, что невозможно ликвидировать глубинные социально-психологические механизмы функционирования института кровной мести, российские власти взяли на себя функции регулирования системы композиций, что позволяло поставить под контроль и сам институт кровной мести [Кажаров 1994: 420-421].

Гибкость и прагматичность политики местной кавказской администрации демонстрируется в рассмотренном нами архивном деле «О междоусобии происходящем у закубанцев (кабардинцев с карачаевским народом)».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абазов 2009 – Абазов А.Х. К вопросу о формировании понятийного аппарата юридической антропологии кабардинцев // Актуальные проблемы истории и этнографии

народов Кавказа: Сборник статей к 60-летию В.Х. Кажарова. – Нальчик: Издательство Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН, 2009. – С. 244-275.

Абазов 2013 – *Абазов А.Х.* Из истории интеграции традиционных социальных институтов кабардинцев в судебную систему Российской Империи в конце XVIII–XIX вв. (на примере посреднических судов) // Культура как фактор стабильности на Северном Кавказе. Материалы региональной научно-практической конференции, проведенной 24 сентября 2013 г. в рамках XVI Международного фестиваля мастеров искусств «Мир Кавказу». – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2013. – С. 91-101.

Абрамович 2003 – *Абрамович А.* Очерк сословного строя в горских обществах Терской и Кубанской областей // Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. 1793-1897. – Нальчик. Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Издательский центр «ЭЛЬ-ФА», 2003. – Т. 1-2. – Т. 1. – С. 19-71.

Адаты... 1899 – *Адаты* Дагестанской области и Закатальского округа: судоустройство и судопроизводство в частях Кавказского края военно-народного управления / Под ред.: И.Я. Сандрыгайло. – Тифлис: Тип. канцелярии главнонач. гр. ч. на Кавказе, 1899. – 626 с.

Адыгэ псалъэжъхэр... 1967 – *Адыгэ псалъэжъхэр* томитIу зэхэлъу (Адыгские пословицы и поговорки в 2 томах). Зэхэзыльхьар: ГъукIэмыхъу Iэбубэчыр, КъардэнгъуцI Зырамыку. – Налшык: Эльбрус, 1967. – Т. 2. – с. 454.

Бабич 1999 – *Бабич И.Л.* Судебная реформа и обычное право в адыгской общине // Этнографическое обозрение. – 1999. – № 2. – С. 17-30.

Бейтуганов 1993 – *Бейтуганов С.Н.* Кабарда и Ермолов. Очерки истории. – Нальчик: Эльбрус, 1993. – 304 с.

Бейтуганов 1998 – *Бейтуганов С.Н.* Кабарда в фамилиях. – Нальчик: «Эльбрус», 1998. – 556 с.

Бекулов 2008 – *Бекулов Х.М.* Аул князей Мисостовых и узденя Тогланова: связь поколений и времен (селение Урвань) [Текст] / Х.М. Бекулов. – Нальчик: Эль Фа, 2008. – 672 с.

Бекулов 2011 – *Бекулов Х.М.* Атажукины полюбовно помирились с карачаевцами // Архивы и общество. – Нальчик, 2011. – № 20. – С. 141-143.

Бекулов, Бекулова 2019 – *Бекулов Х.М., Бекулова И.Б.* Эпизоды применения обычного права кабардинцев в разрешении конфликтов и споров в XIX в. // Российский электронный научный журнал / Russian electronic scientific journal. – 2019. – №1 (31). – С. 151-169.

Гарданов 1960 – *Гарданов В.К.* Обычное право как источник изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII – начале XIX века // Советская этнография. – 1960. – № 5. – С. 12-29.

Гарданов 1967 – *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII – перв. пол. XIX в.). – М.: Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1967. – 332 с.

Грабовский 1870 – *Грабовский Н.* Очерк суда и уголовных преступлений в кабардинском округе // Сборник сведений о кавказских горцах (ССКГ). – Тифлис, 1870. – Вып. 4. – С. 1-78.

Дельпоццо 2001 – *Дельпоццо И.П.* Записки о Большой и Малой Кабарде: в 2-х т. Т. 1 // Русские авторы о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. – Нальчик: Издательский центр «ЭЛЬ-ФА», 2001. – С. 7-41.

Думанов 1988 – *Думанов Х.М.* Якуб Шарданов. Из истории изучения обычного права кабардинцев. – Нальчик: Эльбрус, 1988. – 84 с.

Из документальной истории... 2000 – *Из документальной истории* кабардино-русских отношений. Вторая половина XVIII – первая половина XIX в. – Нальчик: «Эльбрус», 2000. – 478 с.

Кажаров 1994 – *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. – Нальчик. Издательский центр «Эль-ФА», 1994. – 438 с.

Казаков 2017 – *Казаков А.В.* Черкесы на российской государственной и военной службе. – Нальчик, «Эльбрус», 2017. – 707 с.

Катанчиев 2003 – *Катанчиев Т.М.* Кабардинское обычное право и его особенности. – Нальчик. Издательский центр «ЭЛЬ-ФА», 2003. – 194 с.

Кобахидзе 2009 – *Кобахидзе Е.И.* Традиционная юридическая практика у осетин и ее трансформация в ходе российских судебно-административных преобразований конца XVIII – 50-х годов XIX века // Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа. Сборник статей к 60-летию В.Х. Кажарова. – Нальчик: Институт гуманитарных исследований правительства КБР и КБНЦ РАН, 2009. – С. 215-243.

Ковалевский 1886 – *Ковалевский М.* Современный обычай и древний закон: обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. Т. 1-2 / Ковалевский М. – М.: Тип. В. Гатцук, 1886. – 756 с.

Ковалевский 1890 – *Ковалевский М.* Закон и обычай на Кавказе. / Ковалевский М. – М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1890. – Т. 1. – 303 с.; – Т. 2. – 319 с.

Кожев 2001 – *Кожев З.А.* Способы разрешения конфликтов в традиционном черкесском (адыгском) обществе. – В сборнике: Традиция разрешения конфликтов на Кавказе и методы институтов гражданского общества. Материалы научно-практической конференции «Традиции народной дипломатии и нормы поведения во время войны и конфликтов на Кавказе» 31 мая – 2 июня 2001 г. в г. Цахкадзор (Армения). – С. 43-49 // Интернет-СМИ «Кавказский узел»: сайт URL: www.kavkaz-uzel.ru/system/attachments/0000/3106/Традиция_разрешения_конфликтов_на_Кавказе_и_методы_институтов_гражданского_общества.pdf (дата обращения: 02.09.2020).

Кузьминов 2000 – *Кузьминов П.А.* Становление российской административно-судебной системы в центральном Предкавказье в конце XVIII – начале XIX века [Текст] / П.А. Кузьминов // Труды Современного гуманитарного университета. – 2000. – № 18. – С. 72-83.

Кумыков 2017 – *Кумыков Т.Х.* Архивы. Материалы Терско-Кубанской сословной комиссии Д.С. Кодзокова. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2017. – 174 с.

Леонтович 1882 – *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Выпуск 1. – Одесса: Типография П.А. Зеленого (бывшая Г. Ульриха), 1882. – 437 с.

Люлье 1866 – *Люлье Л.Я.* Учреждения и народные обычаи Шапсугов и Натухажцев // Записки Кавказского отдела Императорского Русского археологического общества. – Тифлис: Типография главного управления наместника кавказского, 1866. – Кн. 7. – С. 1-18.

Люлье 2004 – *Люлье Л.Я.* Учреждения и народные обычаи шапсугов и натухажцев // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2004. – С. 86-99.

Маремкулов 2005 – *Маремкулов А.М.* Юридические формы политики Российской империи на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв.: историко-правовой аспект. – Ростов-на-Дону: Изд-во Сев.-Кавказ. акад. гос. службы, 2005. – 316 с.

Материалы по обычному... 1956 – *Материалы по обычному праву кабардинцев.* Первая половина XIX в. / Собрал и подготовил к печати Б.А. Гарданов. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1956. – 428 с.

Материалы Шарданова... 1986 – *Материалы Я.М. Шарданова* по обычному праву кабардинцев первой пол. XIX в. / Сост., введ. и примеч. Х.М. Думанов. – Нальчик: Эльбрус, 1986. – 320 с.

Мисроков 2002 – *Мисроков З.Х.* Адат и шариат в российской правовой системе: Исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. – М.: Издательство Московского университета, 2002. – 256 с.

Налоева 2015 – *Налоева Е.Д.* Загадочный обычай барамта // Налоева Е.Д. Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории. – Нальчик, ООО «Печатный двор», 2015. – С. 139-149.

Новицкий 1829 – *Новицкий Г.В.* Географо-статистическое обозрение земли, населенной народом Адехе // Тифлиссские ведомости. – Тифлис, 1829. – № 25.

Ногмов 1947 – *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа: составленная по преданиям кабардинцев. Текст / Введ., прим. и указ. Г. Кокиева. – 5-е изд. – Нальчик: Кабгосиздат, 1947. – 160 с.

Потто 2006 – *Потто В.Н.* Кавказская война: в 5 томах. Т. 2: Ермоловское время. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. – 591 с.

Правовые нормы... 1997 – *Правовые нормы* адыгов и балкаро-карачаевцев в XV-XIX веках. – Майкоп: Издательство «Меоты», 1997. – 296 с.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

Рулан 1999 – *Рулан Н.* Юридическая антропология. – М. Издательство НОРМА, 1999. – 301 с.

Сборник... 2003 – *Сборник* документов по сословному праву народов Северного Кавказа. 1793–1897. – Нальчик: Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Издательский центр «ЭЛЬ-ФА». 2003. – Т. 1. – 345 с.; Т. 2. – 384 с.

Торнау 1999 – *Торнау Ф.Ф.* Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Воспоминания и документы. – Нальчик. Издательский центр Эль-ФА, 1999. – 492 с.

УЦГА АС КБР – *Управление Центрального государственного архива архивной службы Кабардино-Балкарской республики.*

REFERENCES

ABAZOV A.Kh. *Iz istorii integratsii traditsionnykh sotsial'nykh institutov kabardintsev v sudebnyuyu sistemu Rossiiskoi Imperii v kontse XVIII-XIX vv. (na primere posrednicheskikh sudov)* [From the history of the integration of traditional social institutions of Kabardians into the judicial system of the Russian Empire at the end of the 18th – 19th centuries (on the example of mediation courts)]. IN: *Kul'tura kak faktor stabil'nosti na Severnom Kavkaze. Materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, provedennoi 24 sentyabrya 2013 g. v ramkakh XVI Mezhdunarodnogo festivalya masterov iskusstv «Mir Kavkazu»* [Culture as a factor of stability in the North Caucasus. Materials of the regional scientific and practical conference held on September 24, 2013 within the framework of the XVI International Festival of Masters of Arts "Peace to the Caucasus"]. – Nalchik: Izdatel'skii otdel KBIGI RAN, 2013. – P. 91-101. (In Russian)

ABAZOV A.Kh. К вопросу о формировании понятийного аппарата юридической антропологии кабардинцев [To the question of the formation of the conceptual apparatus of legal anthropology of Kabardinians]. IN: *Aktual'nye problemy istorii i etnografii narodov Kavkaza: Sbornik statei k 60-letiyu V.Kh. Kazharova* [Actual problems of the history and ethnography of the peoples of the Caucasus: Collection of articles for the 60th anniversary of V.Kh. Kazharov]. – Nalchik: Izdatel'stvo Instituta gumanitarnykh issledovaniy Pravitel'stva KBR i KBNTs RAN, 2009. – P. 244-275. (In Russian)

ABRAMOVICH A. *Oчерк сословного строя в горских обществых Терской и Кубанской областей* [An outline of the estate system in the mountain societies of Terek and Kuban regions]. IN: *Sbornik dokumentov po soslovnomu pravu narodov Severnogo Kavkaza. 1793-1897* [Collection of documents on the estate law of the peoples of the North Caucasus. 1793-1897]. – Nalchik. Institut gumanitarnykh issledovaniy Pravitel'stva KBR i KBNTs RAN. Izdatel'skii tsentr «EL'-FA», 2003. – Vol. 1-2. – Vol. 1. – P. 19-71. (In Russian)

Adaty Dagestanskoi oblasti i Zakatal'skogo okruga: sudoustroistvo i sudoproizvodstvo v chastyakh Kavkazskogo kraya voenno-narodnogo upravleniya / Pod red. I.Ya. Sandrygailo [Adaty of the Dagestan region and Zakatala district: judicial system and legal proceedings in parts of the

Caucasus region of the military-public administration. Ed. by I.Ya. Sandrygailo]. – Tiflis: Tip. kantselyarii glavnonach. gr. ch. na Kavkaze, 1899. – 626 p. (In Russian)

Adyge psal"ezh'kher tomitlu zekhel"u (*Adygskie poslovitsy i pogovorki v 2 tomakh*). *Zekhezyl"kh'ar: G"uklemykh"u Iebubechyr, K"ardeng"ushchl Zyramyku* [Circassian proverbs and sayings in 2 volumes]. – Nalshyk: El'brus, 1967. – Vol. 2. – P. 454. (In Kabardian)

BABICH I.L. *Sudebnaya reforma i obychnoe pravo v adygskoj obshchine* [Judicial Reform and Customary Law in the Circassian Community]. IN: *Etnograficheskoe obozrenie*. – 1999. – No. 2. – P. 17-30. (In Russian)

BEITUGANOV S.N. *Kabarda i Ermolov. Ocherki istorii* [Kabarda and Ermolov. History Essays]. – Nalchik: El'brus, 1993. – 304 p. (In Russian)

BEITUGANOV S.N. *Kabarda v familiyakh* [Kabarda in last names]. – Nalchik: «El'brus», 1998. – 556 p. (In Russian)

BEKULOV Kh.M. *Atazhukiny polyubovno pomirilis' s karachaevtsami* [Atazhukins amicably reconciled with Karachais]. IN: *Arkhivy i obshchestvo*. – 2011. – No. 20. – P. 141-143. (In Russian)

BEKULOV Kh.M. *Aul knyazei Misostovykh i uzdenya Toglanova: svyaz' pokolenii i vremen (selenie Urvan')* [The village of the princes Misostov and Uzden Toglanov: the connection of generations and times (Urvan village)]. – Nalchik: El' Fa, 2008. – 672 p. (In Russian)

BEKULOV Kh.M., BEKULOVA I.B. *Epizody primeneniya obychnogo prava kabardintsev v razreshenii konfliktov i sporov v XIX v.* [Episodes of the application of customary law of Kabardians in the resolution of conflicts and disputes in the XIX century] IN: *Rossiiskii elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Russian electronic scientific journal]. – 2019. – No.1 (31). – P. 151-169. (In Russian)

DEL'POTSTSO I.P. *Zapiski o Bol'shoi i Maloi Kabarde: v 2-kh t. T. 1* [Notes on Greater and Lesser Kabarda: in 2 vols. Vol. 1]. IN: *Russkie avtory o narodakh Tsentral'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza* [Russian authors about the peoples of the Central and Northwestern Caucasus]. – Nalchik: Izdatel'skii tsentr «EL"-FA», 2001. – P. 7-41. (In Russian)

DUMANOV Kh.M. *Yakub Shardanov. Iz istorii izucheniya obychnogo prava kabardintsev* [Yakub Shardanov. From the history of the study of customary law of Kabardians]. – Nalchik: El'brus, 1988. – 84 p. (In Russian)

GARDANOV V.K. *Obshchestvennyi stroi adygskich narodov (XVIII – perv. pol. XIX v.)* [The social system of the Adyge peoples (XVIII – first half of the XIX century)]. – M.: Izdatel'stvo «Nauka». Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1967. – 332 p. (In Russian)

GARDANOV V.K. *Obychnoe pravo kak istochnik izucheniya sotsial'nykh otnoshenii u narodov Severnogo Kavkaza v XVIII – nachale XIX veka* [Customary law as a source for studying social relations among the peoples of the North Caucasus in the 18th – early 19th centuries]. IN: *Sovetskaya etnografiya*. – 1960. – No. 5. – P. 12-29. (In Russian)

GRABOVSKY N. *Ocherk suda i ugovolnykh prestuplenii v kabardinskom okruge* [Essay on the court and criminal offenses in the Kabardian district]. IN: *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [Collection of information about the Caucasian highlanders]. – Tiflis, 1870. – Iss. 4. – P. 1-78. (In Russian)

Iz dokumental'noi istorii kabardino-russkikh otnoshenii. Vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX v. [From the documentary history of Kabardino-Russian relations. The second half of the XVIII – the first half of the XIX century]. – Nalchik: «El'brus», 2000. – 478 p. (In Russian)

KATANCHIEV T.M. *Kabardinskoe obychnoe pravo i ego osobennosti* [Kabardian customary law and its features]. – Nalchik. Izdatel'skii tsentr «EL"-FA», 2003. – 194 p. (In Russian)

KAZAKOV A.V. *Cherkesy na rossiiskoi gosudarstvennoi i voennoi sluzhbe* [Circassians in the Russian state and military service]. – Nalchik, «El'brus», 2017. – 707 p. (In Russian)

KAZHAROV V.Kh. *Traditsionnye obshchestvennye instituty kabardintsev i ikh krizis v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka* [The traditional public institutions of the Kabardians and their crisis in the late XVIII – first half of the XIX century]. – Nalchik. Izdatel'skii tsentr «EL"-FA», 1994. – 438 p. (In Russian)

KOBAKHIDZE E.I. *Traditsionnaya yuridicheskaya praktika u osetin i ee transformatsiya v khode rossiiskikh sudebno-administrativnykh preobrazovaniy kontsa XVIII – 50-kh godov XIX veka* [Ossetian traditional legal practice and its transformation during the Russian judicial and administrative transformations of the late XVIII – 50s of the XIX century]. IN: *Aktual'nye problemy istorii i etnografii narodov Kavkaza. Sbornik statei k 60-letiyu V.Kh. Kazharova* [Actual problems of history and ethnography of the peoples of the Caucasus. Collection of articles dedicated to the 60th anniversary of V.Kh. Kazharov]. – Nalchik: Institut gumanitarnykh issledovaniy pravitel'stva KBR i KBNTs RAN, 2009. – P. 215-243. (In Russian)

KOVALEVSKY M. *Sovremenniy obychai i drevnii zakon: obychnoe pravo osetin v istoriko-sravnitel'nom osveshchenii. T. 1-2* [Modern custom and ancient law: customary law of Ossetians in historical and comparative coverage. Vol. 1-2]. – M.: Tip. V. Gattsuk, 1886. – 756 p.

KOVALEVSKY M. *Zakon i obychai na Kavkaze* [Law and custom in the Caucasus]. – M.: Tip. A.I. Mamontova i Ko, 1890. – Vol. 1. – 303 p.; – Vol. 2. – 319 p. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Sposoby razresheniya konfliktov v traditsionnom cherkesskom (adygskom) obshchestve* [Ways to resolve conflicts in traditional Circassian (Adyghe) society]. IN: *Traditsiya razresheniya konfliktov na Kavkaze i metody institutov grazhdanskogo obshchestva. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii «Traditsii narodnoi diplomatii i normy povedeniya vo vremya voyny i konfliktov na Kavkaze» 31 maya – 2 iyunya 2001 g. v g. Tsakhkadzor (Armeniya)* [The tradition of conflict resolution in the Caucasus and the methods of civil society institutions. Materials of the scientific-practical conference "Traditions of people's diplomacy and norms of behavior during war and conflicts in the Caucasus" May 31 – June 2, 2001 in Tsakhkadzor (Armenia)]. – P. 43-49. IN: Internet media "Caucasian Knot": website. URL: www.kavkaz-uzel.ru/system/attachments/0000/3106/Традиция_разрешения_конфликтов_на_Кавказе_и_методы_институтов_гражданского_общества.pdf (date of access: 02.09.2020) (In Russian)

KUMYKOV T.Kh. *Arkhivy. Materialy Tersko-Kubanskoj soslovnoj komissii D.S. Kodzokova* [Archives. Materials of the Terek-Kuban estate commission D.S. Kodzokova]. – Nalchik: ООО «Pechatnyi dvor», 2017. – 174 p. (In Russian)

KUZ'MINOV P.A. *Stanovlenie rossiiskoi administrativno-sudebnoj sistemy v tsentral'nom Predkavkaz'e v kontse XVIII – nachale XIX veka* [Formation of the Russian administrative and judicial system in the central Ciscaucasia at the end of the XVII – the beginning of the XIX centuries]. IN: *Trudy Sovremennogo gumanitarnogo universiteta*. – 2000. – No. 18. – P. 72-83. (In Russian)

LEONTOVICH F.I. *Adaty kavkazskikh gortsev. Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza. Vypusk 1* [Adates of the Caucasian Highlanders. Materials on customary law of the North and East Caucasus. Iss. 1]. – Odessa: Tipografiya P.A. Zelenogo (byvshaya G. Ul'rikha), 1882. – 437 p. (In Russian)

LYUL'E L.Ya. *Uchrezhdeniya i narodnye obychai Shapsugov i Natukhazhtsev* [Institutions and folk customs of Shapsugs and Natukhays]. IN: *Zapiski Kavkazskogo otdela Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva* [Notes of the Caucasian Department of the Imperial Russian Archaeological Society]. – Tiflis: Tipografiya glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo, 1866. – Book 7. – P. 1-18. (In Russian)

LYUL'E L.Ya. *Uchrezhdeniya i narodnye obychai shapsugov i natukhazhtsev* [Institutions and folk customs of Shapsugs and Natukhays]. IN: *Landshaft, etnograficheskie i istoricheskie protsessy na Severnom Kavkaze v XIX – nachale XX veka* [Landscape, ethnographic and historical processes in the North Caucasus in the 19th – early 20th centuries]. – Nalchik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 2004. – P. 86-99. (In Russian)

MAREMKULOV A.M. *Yuridicheskie formy politiki Rossiiskoi imperii na Severnom Kavkaze v XVIII-XIX vv.: istoriko-pravovoi aspekt* [Legal forms of policy of the Russian Empire in the North Caucasus in the 18th – 19th centuries: historical and legal aspects]. – Rostov-na-Donu: Izd-vo Sev.-Kavkaz. akad. gos. sluzhby, 2005. – 316 p. (In Russian)

Materialy po obychnomu pravu kabardintsev. Pervaya polovina XIX v. / Sobral i podgotovil k pechati B.A. Gardanov [Materials on customary law of Kabardians. The first half of the XIX

century. Ed. by B.A. Gardanov]. – Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izd-vo, 1956. – 428 p. (In Russian)

Materialy Ya.M. Shardanova po obychnomu pravu kabardintsev pervoi pol. XIX v. / Sost., vved. i primech. H.M. Dumanov [Materials of Ya.M. Shardanov according to the customary law of the Kabardians of the first half of the 19th century. Ed. by H.M. Dumanov]. – Nalchik: El'brus, 1986. – 320 p. (In Russian)

MISROKOV Z.Kh. *Adat i shariat v rossiiskoi pravovoi sisteme: Istoricheskie sud'by yuridicheskogo plyuralizma na Severnom Kavkaze* [Adat and Sharia in the Russian legal system: the historical fate of legal pluralism in the North Caucasus]. – M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2002. – 256 p. (In Russian)

NALOEVA E.D. *Zagadochnyi obychai baramta* [The mysterious custom of baramta]. IN: NALOEVA E.D. *Kabarda v pervoi polovine XVIII veka: genezis adygskego feodal'nogo sotsiuma i problemy sotsial'no-politicheskoi istorii* [Kabarda in the first half of the 18th century: the genesis of the Adyghe feudal society and problems of socio-political history]. – Nalchik, OOO «Pechatnyi dvor», 2015. – P. 139-149. (In Russian)

NOGMOV Sh.B. *Istoriya adykheiskogo naroda: sostavlenaya po predaniyam kabardintsev. Tekst / Vved., prim. i ukaz. G. Kokieva* [The history of the Adychian people: compiled according to the traditions of the Kabardins. Ed. by G. Kokiev]. – Nalchik: Kabgosizdat, 1947. – 160 p. (In Russian)

NOVITSKY G.V. *Geografo-statisticheskoe obozrenie zemli, naselennoi narodom Adekhe* [Geographic and statistical survey of the land inhabited by the people of Adyga]. IN: *Tiflisskie vedomosti*. – Tiflis, 1829. – No. 25. (In Russian)

POTTO V.N. *Kavkazskaya voina: v 5 tomakh. T. 2: Ermolovskoe vremya* [The Caucasian War: in 5 volumes. Vol. 2: Ermolov time]. – M.: ZAO Tsentrpoligraf, 2006. – 591 p. (In Russian)

Pravovye normy adygov i balkaro-karachaevtsev v XV-XIX vekakh [Legal norms of the Circassians and Balkar-Karachais in the 15th – 19th centuries]. – Maikop: Izdatel'stvo «Meoty», 1997. – 296 p. (In Russian)

RGVIA – *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv* [Russian State Military Historical Archive].

RULAN N. *Yuridicheskaya antropologiya* [Legal anthropology]. – M. Izdatel'stvo NORMA, 1999. – 301 p. (In Russian)

Sbornik dokumentov po soslovnomu pravu narodov Severnogo Kavkaza. 1793-1897 [Collection of documents on the class law of the peoples of the North Caucasus. 1793-1897]. – Nalchik: Institut gumanitarnykh issledovaniy Pravitel'stva KBR i KBNTs RAN. Izdatel'skii tsentr «EL'-FA». 2003. – Vol. 1. – 345 p.; Vol. 2. – 384 p. (In Russian)

TORNAU F.F. *Sekret'naya missiya v Cherkesiyu russkogo razvedchika barona F.F. Tornau. Vospominaniya i dokumenty* [Secret mission to Circassia of Russian intelligence agent Baron F.F. Thornau. Memories and documents]. – Nalchik. Izdatel'skii tsentr El'-FA, 1999. – 492 p. (In Russian)

UTsGA AS KBR – *Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi respubliky* [Office of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic].

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Средневековая и новая история**

УДК 94(47)

DOI 10.31143/2542-212X-2020-3-111-128

О ГЕНЕРАЛЕ Н.Г. ПЕТРУСЕВИЧЕ И ЕГО ТРУДАХ**М. СОЕГОВ**

*Институт языка, литературы и национальных рукописей им. Махтумкули Академии наук
Туркменистана
744000, Туркменистан, г. Ашхабад, ул. Пушкина, 13а
E-mail: msoyegov@gmail.com*

Аннотация. Генерал-майор Николай Григорьевич Петрусевич – одна из фигур российской истории XIX в., в деятельности которого соединяется политика Российской империи на Кавказе и в Центральной Азии в 1860-1870-е гг. Он погиб 23 декабря 1880 года от рук ополченцев-защитников крепости Денгиль-тепе в ходе Геок-тепинского сражения, но именно им была подготовлена крепкая тыловая база для конечной победы генерала М.Д. Скобелева в этом сражении. Во второй половине 1860-х годов. Н.Г. Петрусевич служил на Кавказе и в качестве начальника Эльбрусского округа (с 1869 г. Баталпашинского уезда) Кубанской области оставил о себе добрую память среди карачаевцев. Впоследствии принимал активное участие в завоевании царской Россией тогдашнего Туркменистана. Его карьера показывает, что главным фактором, определявшим содержание деятельности военных чиновников Российской империи, являлись не их личные качества, а характер задач, решаемых на различных этапах и в различных регионах имперской политикой – завоевания или интеграции народов и территорий. В статье, наряду с биографическими данными генерала, дается описание некоторых его трудов, опубликованных в изданиях представляющих сегодня библиографическую редкость, с целью непосредственного ознакомления с ними современных читателей.

Ключевые слова: Россия; Центральная Азия; XIX век; Н.Г. Петрусевич; туркмены; Закаспийский край; завоевание.

ABOUT GENERAL N.G. PETRUSEVICH AND HIS WORKS**M. SOYEGOV**

*Magtymguly Institute of Language, Literature and National Manuscripts of Academy of Sciences of
Turkmenistan
744000, Turkmenistan, Ashgabat, Pushkin st., 13a
E-mail: msoyegov@gmail.com*

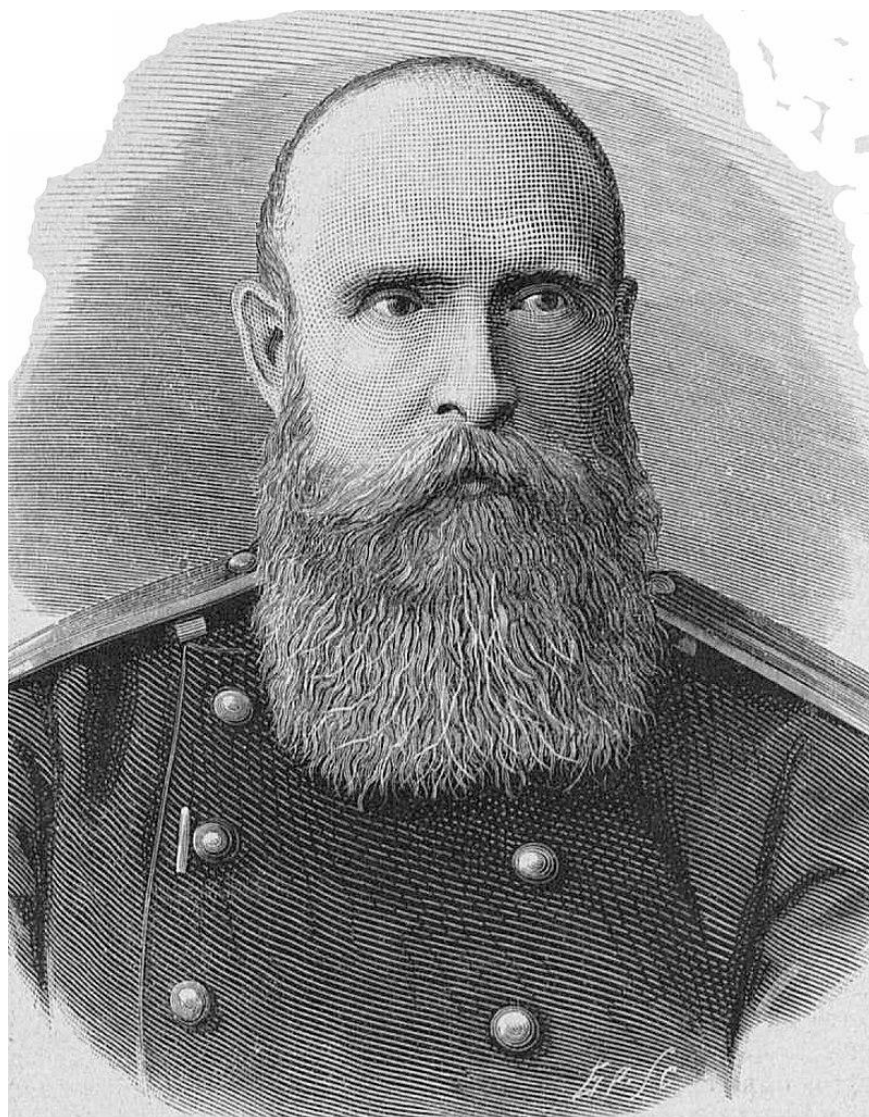
Abstract. Major General Nikolai Grigorievich Petrusevich is one of the figures in Russian history of the 19th century, in whose activities the policy of the Russian Empire in the Caucasus and Central Asia in the 1860-1870s is combined. He died on December 23, 1880 at the hands of the defenders of the Dengil-Tepe fortress during the Geok-Tepe battle, but it was he who prepared a strong rear base for the final victory of General M.D. Skobelev in this battle. In the second half of the 1860s N.G. Petrusevich served in the Caucasus and as the head of the Elbrus district (since 1869 Batalpashinsky district) of the Kuban region left a good memory of himself among the Karachais. Subsequently, he took an active part in the conquest of the then Turkmenistan by tsarist Russia. His career shows that the main factor that determined the content of the activities of military officials of the Russian Empire was not their personal qualities, but the nature of the tasks solved at different stages and in different regions by imperial policy – the conquest or integration of peoples and territories. In the article, along with the general's biographical data, a description of some of his works, published in editions that are today bibliographic rarity, is given with the aim of directly acquainting modern readers with them.

Keywords: Russia; Central Asia; 19th century; N.G. Petrusevich; Turkmens; Trans-Caspian region; conquest.

В 2020 году независимый Туркменистан торжественно отмечает 25-летний юбилей своего нейтрального статуса, который подкреплён в 1995 г. специальной резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН. В последующем 12 декабря, день принятия этой резолюции, был объявлен Днём нейтралитета Туркменистана и является национальным праздником. До провозглашения независимости 27 октября 1991 г. Туркменистан больше 100 лет находился в составе Российской империи, а затем СССР. За это время установились многообразные связи с другими регионами, народами, республиками страны, в том числе с Северным Кавказом. Своеобразным персональным звеном, связывающим историю туркмен и карачаевцев в период их интеграции в состав Российской империи является деятельность Николая Григорьевича Петрусевича.

Из статьи, включенной в 18-й том «Военной Энциклопедии» 1915 года издания, узнаем, что Николай Григорьевич Петрусевич начал служить в офицерских чинах в 1856 году и проходил службу сперва в артиллерии, а затем на административных должностях по военно-народному управлению Кавказа. В начале 1870 года он был поставлен во главе экспедиции для исследования Амударьи. Назначенный в 1879 году начальником военного отдела Закаспийского края, он много содействовал успешной подготовке Второй Ахалтекинской экспедиции, начатой в 1880 году под руководством генерала М.Д. Скобелева. Произведенный в том же году в генерал-майоры, Петрусевич был назначен в распоряжение начальника экспедиции Скобелева, который поручил ему производство рекогносцировок местности впереди Геок-Тепе. Генерал Н.Г. Петрусевич (Рис. 1) произвел их с боем 21, 22 и 23 декабря 1880 года и вовремя последней был убит [Петрусевич... 1915: 398].

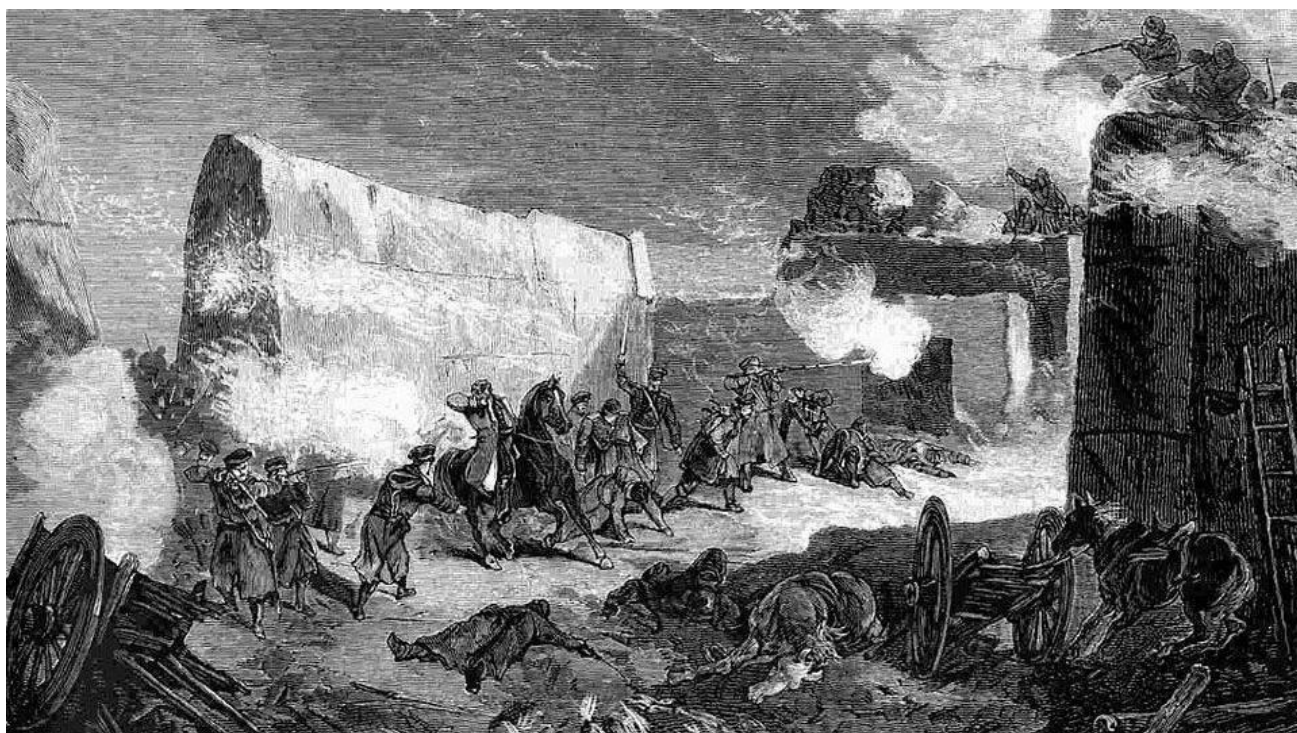

Рис. 1. Генерал Н.Г. Петрусевич.

Начальник штаба экспедиционного отряда генерала Скобелева, непосредственный участник событий 1880-1881 гг., А.Н. Куропаткин в своей книге «Завоевание Туркмении» подробно описывает бой между группой туркменского ополчения, действовавшей во главе с Кульбатыр-сердаром (Рис. 2), и русскими войсками под командованием генерала Н.Г. Петрусевича, который погиб в ходе этого боя (Рис. 3). Портрет-гравюру погибшего тогда генерала составители «Военной Энциклопедии» заимствовали из книги Куропаткина [Куропаткин 1899: 156-159]. Спустя полгода после смерти Петрусевича, Кульбатыр-сердар в составе второй группы текинской депутации был высочайше принят 17 июня 1881 года в Петербурге Императором Александром III и удостоен российского ордена и милицейского чина [Соегов 2019: 98-104]. Будучи в 1890-1898 гг. начальником Закаспийской области, а в 1898-1904 гг. военным министром империи, генерал А.Н. Куропаткин оказывал всяческую поддержку помощнику дурунского пристава, неоднократно делегату областного съезда народных судей, штабс-капитану милиции Кульбатыр-сердару, умершему в 1909 году глубоким стариком.

Рис. 2. Кульбатыр-сердар.

Рис. 3. Н.Н. Каразин. Смерть генерала Петрусевича.

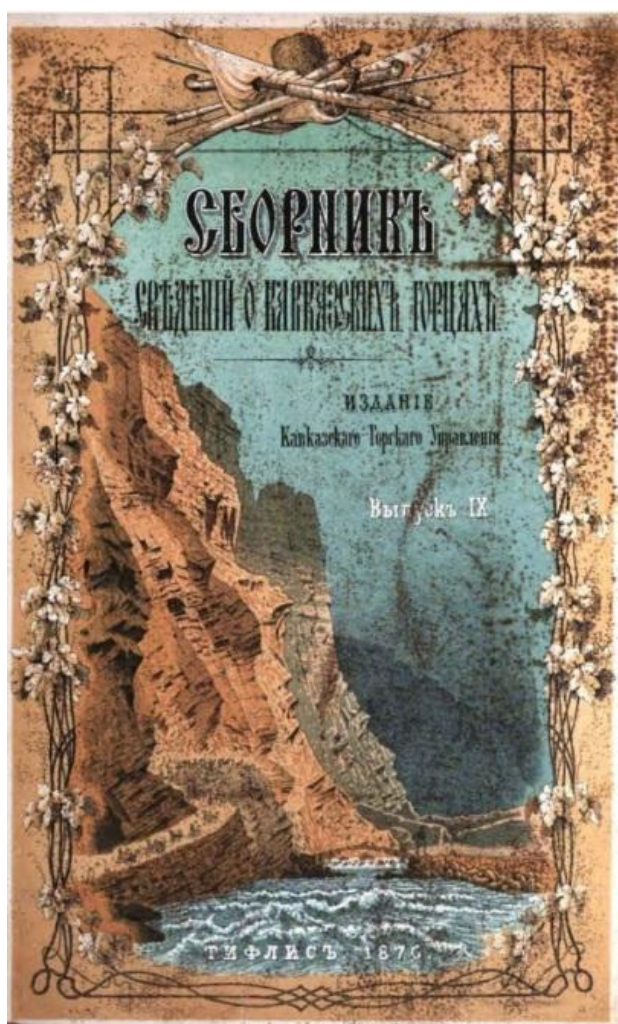
В статье, посвященной генералу Н.Г. Петрусевичу и включенной в 13-й том «Русского биографического словаря А.А. Половцова» 1902-го года издания (автор Б. Алексеевский), наряду с изложением других данных, в частности, отмечается, что «Человек очень умный, горячо преданный своему делу, П. проявил во время службы своей в Кубанской области такую заботливость о местном населении и такое гуманное отношение к нему, что, несмотря на довольно большой промежуток времени, протекший со времени его ухода оттуда, симпатии народонаселения к нему были настолько крепки, что после известия о его смерти к начальнику области одновременно поступили просьбы от Карачаевцев и Заленчукских горцев об ходатайстве разрешения похоронить его на принадлежащих им землях, причем расходы на перевозку тела из Закаспийского края и устройство памятника как те, так и другие принимали на себя. Начальник края Н.Н. Кармалин посоветовал им похоронить Петрусевица в Баталпашинске. Отличаясь безукоризненной честностью, Петрусевиц строго охранял интересы казны и нажил себе немало врагов» [Алексеевский 1902: 704-705]. Тем не менее, проигравший в Первой Ахалтекинской экспедиции туркменам в конце августа 1879 года генерал Николай Павлович Ломакин (1830-1902) был заменен в занимаемой должности генералом Николаем Григорьевичем Петрусевицем, о чем оповестила своих читателей газета «Кавказ» от 22 марта 1880 года следующим сообщением: «Состоящий в распоряжении Главнокомандующего Кавказской армией, полковник Петрусевиц произведен в генерал-майоры и назначен начальником Закаспийского военного отдела, вместо генерал-майора Ломакина, который уволен в отпуск за границу на 5 месяцев для лечения болезни» [Кавказ: 22 марта 1880 года, № 80].

Корреспондент газеты «Голос» так описывает дом в Красноводске (ныне туркменский город-порт Туркменбаши на берегу Каспийского моря), где располагался генерал Н.Г. Петрусевиц, которое затем было перепечатано той же газетой «Кавказ» от 20 сентября 1880 года:

«Собственно городом Красноводск назвать нельзя. Это – скорее маленькое поселение с несколькими большими каменными зданиями и группой кибиток. Близ пристани возвышается большой двухэтажный дом с бельведером, выходящим к морю, и с большим боковым подъездом. Дом этот занимает начальник Закаспийского военного отдела, генерал Петрусевиц. Прием у генерала без доклада. Вход к нему открыт с семи часов утра до десяти часов вечера. Заваленный по горло работами, осаждаемый поминутно должностными лицами, генерал как-то успевает, в одно время, и читать доклады, и диктовать письменные распоряжения, и отдавать словесный приказания. С открытым, симпатичным лицом, крайне предупредительный и вежливый, но строго деловой, генерал Петрусевиц с первого же раза внушает к себе полное уважение» [Кавказ: 22 сентября 1880 года, № 252].

В целом, ознакомившись с соответствующими материалами из газеты «Кавказ», убеждаешься, что крепкая тыловая база для победы генерала М.Д. Скобелева в Геоктепинском сражении в начале 1881 г. была подготовлена в течение 1880 года именно усилиями генерала Н.Г. Петрусевица.

Из современных публикаций, в том числе выложенных в Интернет, читатели узнают, что в середине 60-х годов XIX века Н.Г. Петрусеви́ч был назначен на должность начальника Эльбрусского Военно-народного округа, а затем и начальником Баталпашинского уезда Кубанской области. В 1865 году Петрусеви́ч прибыл в Карачай и в кратчайший срок выучил карачаевский и черкесский языки, что помогло ему обходиться без переводчика. Новый начальник округа стал изучать обычаи и нравы народа, расспрашивал о его истории. Особенно внимательно изучал он земельные отношения, убедился в крайнем малоземелье карачаевцев [В Черкесске... 2009]. От себя добавим, что его «Заметки о карачаевских адатах по долговым обязательствам» были опубликованы в четвертом выпуске «Сборника сведений о кавказских горцах» за 1870 год (Рис. 4).

Рис. 4. Обложка одного из выпусков «Сборника сведений о кавказских горцах».

В этих публикациях также отмечается, что о прогрессивном государственном деятеле Н.Г. Петрусеви́че писали известные ученые, некоторые данные о нём были найдены в архивах Краснодарского края, бывшей Кубанской области, в состав которой входил и Баталпашинский уезд – территория нынешней Карачаево-Черкесской Республики. В памяти народа из

всех многочисленных царских чиновников дореволюционного времени сохранилось именно его имя – как прогрессивного деятеля и чуткого, благородного человека [Судебные приставы... 2019]. В Черкесске был сооружен памятник Н.Г. Петрусевичу (Рис. 5). Народное Собрание (Парламент) КЧР своим Постановлением № 389 от 15 декабря 2016 года учредил Медаль имени Н.Г. Петрусевича за безупречную службу Карачаево-Черкесской Республике [В КЧР появится... 2015].

Рис. 5. Памятник генералу Н.Г. Петрусевичу в Черкесске – столице Карачаево-Черкесской Республики Российской Федерации.

Это все превосходно. Но трудно согласиться с обнародованным через Интернет абсурдным утверждением о том, что «он во главе воинского соединения участвовал в освобождении Туркмении» [Судебные приставы... 2019], ибо, наоборот, генералу Н.Г. Петрусевичу, как верному своей военной клятве и как верноподданному, пришлось принимать активное участие в завоевании царской Россией тогдашнего Туркменистана.

Подытоживая рассказ о кровавых событиях конца 1880 и начала 1881 гг. (и победители, и побежденные понесли большие человеческие потери), следует констатировать, что основной причиной вооруженного столкновения русских и туркмен стала конкуренция («Большая игра») между Российской и Британской империями за овладение странами Центральной Азии, а не усмирение непослушных туркмен-текинцев, занимающихся грабежами своих соседей. К сожалению, генерал Н.Г. Петрусеви́ч, как показывают его письменные работы, придерживался второго взгляда по данной проблеме.

Если можно будет считать все изложенное выше первой частью настоящей нашей статьи (т.е. рассказ о самом генерале), то теперь переходим к ее заключительной второй части, а именно к рассмотрению опубликованных работ Н.Г. Петрусеви́ча, посвященных туркменам и их стране.

Начнем с материала, появившегося в газете «Кавказ» 25 декабря 1879 года, за год до его смерти. В нем, в частности, утверждается: «По мнению полковника Петрусеви́ча, следует стремиться обойти Сарыкамышскую котловину, т.е. попробовать разыскать, нет ли, например, на юге от нее нового Узбоя, по которому можно было бы пустить реку с меньшей потерей воды и работы. Распростертые сведения подтверждают, что, кроме исследованного Узбоя, вероятно, существует еще и другой Узбой. Так, например, около Чарджоу на Амударье замечено ясно обозначенное сухое русло, отходящее на запад в ту именно часть пустыни, которая, если взглянуть на карту Туркменской степи, остается еще совершенно неисследованной нами. Входит ли это русло в связь с Узбоем, мы не знаем, но если предположить, что это русло сохранилось в пустыне и где-нибудь южнее Сарыкамыша сходится с Узбоем, то тогда можно сделать еще, другое предположение, что реки Мургаб и Геррируд (т.е. река Теджен – М.С.), берущие начало в снежных горах и орошающие Мервский оазис, впадали когда-то в это предполагаемое русло. Теперь-же эти, также богатые водой, реки теряются в песках, образуя озера и болота» [Кавказ: 25 декабря 1879 года, № 280]. В этом же материале газета отмечает, что «в степи уже всюду рыскали текинцы, ободренные нашей неудачей в Ахале (подразумевается поражение русских войск 28 августа 1879 году в Геок-Тепе – М.С.), и не было никакой возможности продолжать прежние исследования – изучать южные русла, обходящие Сарыкамыш» [Кавказ: 25 декабря 1879 года, № 280].

Скорее всего, в газетном материале под «мнением полковника Петрусеви́ча» подразумевается один из его взглядов на проблему, изложенных в статье «Предварительный отчет об исследовании Дарьялыка (Узбоя) и местности между Амударьей и Сарыкамышем», которая была опубликована в пятом томе «Известий Кавказского Отдела Императорского Российского Географического Общества» за 1878 год [Петрусеви́ч 1878].

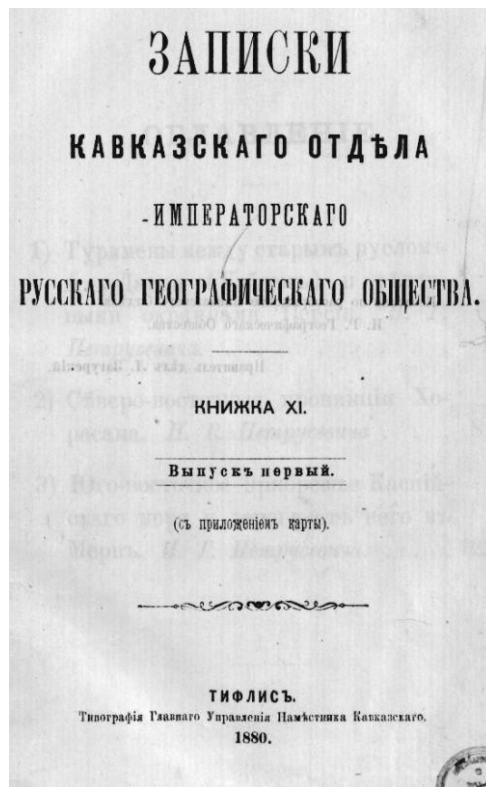
В «Отчете о деятельности и состоянии Кавказского отдела Императорского Русского Географического Общества в 1879 году», напечатанном в той газете «Кавказ» от 26 апреля 1880 года, достойно оценены работы генерала Н.Г. Петрусеви́ча как географа. Этот отчет и газета,

напечатавшая его, в настоящее время представляют собой библиографическую редкость, в силу чего возникает необходимость возобновить текст этого отчета в части оценки работ генерала в современной русской орфографии:

«В результате подвигов текинцев получились значительные пустынные местности, фактически не принадлежащие уже персидскому правительству. Северо-восточные провинции Хорасана имел случай посетить наш сочлен Н.Г. Петрусевиц; он же собрал, – насколько это можно было сделать, – точные сведения об оазисах, занимаемых текинцами.

В прошлом году Н.Г. Петрусевиц доставил в Отдел две статьи: «Туркмены между старым руслом Аму-Дарьи (Узбоем) и северными окраинами Персии» и «Северо-восточные провинции Хорасана». Статьи нашего многоуважаемого сочлена, посвященные главным образом описанию малоизвестных стран, составляют вклад в географическую науку. Далее, движение русских войск в 1878 г. против текинцев вызвало сообщение Роулинсона, знаменитого знатока и исследователя Востока, читанное им, в прошлом году, в заседании Великобританского Королевского Географического Общества. В этом сообщении, озаглавленном «Дорога в Мерв», знаменитый ученый, сделав предварительно исторический и топографический обзор стран, лежащих между Мервом и Каспийским морем, рассматривает в заключении вопрос о дороге в Мерв исключительно с точки зрения доступности для русских движения туда со стороны Красноводска и от устья Атрека. Н.Г. Петрусевиц, представив в Отдел перевод означенного сообщения, сделал свои критические замечания, ясно указывающие на то, что английские географы не вполне ознакомлены с исследованиями русских, произведенными на пространстве между Аральским и Каспийским морем. Сообщение Роулинсона вызвало оживленные прения в английском географическом обществе, в заключение которых председатель общества (сэр Рутерфорд Алькок) отозвался с похвалой о любознательности и стремлении русских к изысканиям и заявил прямо, что в последнее время ни одна страна не сделала столько исследований в области географии, сколько Россия. Все три означенные статьи нашего многоуважаемого сочлена, составившие собою 1-й выпуск XI книжки Записок, уже отпечатаны. По отпечатании пояснительной к статьям карты, этот выпуск будет немедленно разослан нашим сочленам» [Кавказ: 26 апреля 1880 года, № 112].

Спустя 140 лет после появления этого сообщения в газете «Кавказ», мы держим в своих руках упомянутый в нем выпуск «Записок Кавказского отдела Императорского Русского Географического Общества» (Рис. 6 и 7) и имеем возможность непосредственно ознакомиться со статьями генерала Н.Г. Петрусевица о туркменах и природными особенностями земель, заселенными ими [Петрусевиц 1880].

Рис. 6. Титульный лист первого выпуска одиннадцатой книжки «Записок Кавказского отдела Императорского Русского Географического Общества».

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
1) Туркмены между старымъ русломъ Аму-Дарьи (Узбоемъ) и сѣверными окраинами Персіи, <i>Н. Г. Петрусевича</i>	1
2) Сѣверо-восточныя провинціи Хорасана, <i>Н. Г. Петрусевича</i>	81
3) Юго-восточное побережье Каспійскаго моря и дороги отъ него въ Мервъ, <i>Н. Г. Петрусевича</i>	123

Рис. 7. «Оглавление» этого выпуска «Записок», где указаны названия статей Н.Г. Петрусевича.

Но мы в конце своей статьи хотим снова обратиться к подшивкам ежедневной газеты «Кавказ» за первое полугодие 1880 года, в номерах которой от 6, 7, 13, 14 и 18 июня соответственно за номерами 152, 153, 157, 158 и 162, была напечатана большая статья под названием «Туркмены» на основе публикаций Н.Г. Петрусевича в вышеупомянутом выпуске «Записок Кавказского отдела Императорского Русского Географического Общества». По нашим наблюдениям, она еще не введена в научный оборот. Эта статья, являющаяся подробным описанием работ Н.Г. Петрусевича о туркменах, воспроизводится к качеству приложения к настоящим нашим запискам в сокращенном варианте. Используемые сокращения везде отмечены условным знаком в виде <...>. Номер и число газеты, откуда приводится та или иная часть статьи, указаны на месте в обычных скобках.

Общий дух статьи «Туркмены» 140-летней давности в несокращенном виде, а также вытекающие из нее выводы, сводятся к тому, что согласно мнению автора туркмены не заслуживают проживать самостоятельно, земли их необходимо завоевать, а самих их безжалостно подавить, что вряд ли получит какое-либо одобрение у современных читателей, тем более все это относится уже давно к невозвратимому прошлому.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Алексеевский 1902 – *Алексеевский Б.* Петрусевич, Николай Григорьевич // Русский биографический словарь: Павел, преподобный – Петр (Илейка) / Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцова. – Санкт-Петербург: тип. И.Н. Скороходова, 1902. – Т. 13. – С. 704-705.

В КЧР появится... 2015 – *В КЧР появится* новая госнаграда – орден имени царского генерала Петрусевича. 2 ноября 2015 // Сетевое издание «Интерфакс-Россия»: сайт. URL: <https://www.interfax-russia.ru/south-and-north-caucasus/news/v-kchr-poyavitsya-novaya-gosnagrada-orden-imeni-carskogo-general-a-petrusevicha/> (дата обращения: 22.05.2020)

В Черкесске... 2009 – *В Черкесске* заложен камень в основание будущего памятника русскому генералу Н.Г. Петрусевичу. 26 февраля 2009 // Официальный сайт Главы и Правительства Карачаево-Черкесской Республики. URL: <http://kchr.ru/news/detailed/3861/?month=7&year=2019&ID=3861&> (дата обращения: 26.05.2020).

Кавказ – *Кавказ.* Газета политическая и литературная – выходила в Тифлисе в 1846-1918.

Куропаткин 1899 – *Куропаткин А.Н.* Завоевание Туркмении: (Поход в Ахал-Теке в 1880-1881 гг.): С очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 г. / Составитель А.Н. Куропаткин. – СПб.: Издатель В. Березовский. Типография Э. Арнгольда, 1899. – IV+224 с.

Петрусевич 1878 – *Петрусевич Н.Г.* Предварительный отчет об исследовании Дарьялыка (Узбоя) и местности между Амударьей и Сарыкамышем // Известия Кавказского Отдела Императорского Российского Географического Общества. Том V. – Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1878. – С. 241-256.

Петрусевич 1880 – *Петрусевич Н.Г.* Туркмены между старым руслом Аму-Дарьи (Узбоем) и северными окраинами Персии // Записки Кавказского Отдела Императорского Российского Географического Общества. Кн. XI, вып. 1. – Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1880. – С. 10-12.

Петрусевич... 1915 – Петрусевич, Николай Григорьевич // Военная Энциклопедия: в 18 т. Т. 18 / Под ред. В.Ф. Новицкого и др. – Петроград: Т-во И.Д. Сытина, 1915. – С. 398.

Соегов 2019 – *Соегов М.* Об исторических лицах, изображенных в одной старой фотографии, и отдельно о штабс-капитане милиции Кульбатыр-сердаре // Материалы VI Международной научной конференции «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий», посвященной 75-летию Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (26-27 сентября 2019 г.). – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2019. – С. 98-104.

Судебные приставы... 2019 – *Судебные приставы* республики возложили цветы к памятнику пристава Эльбрусского военного округа Н.Г. Петрусевича. 01 ноября 2019 // Управление Федеральной службы судебных приставов по Карачаево-Черкесской Республике: сайт. URL: <http://r09.fssprus.ru/news/document27175765/> (дата обращения: 21.05.2020).

REFERENCES

ALEKSEEVSKY B. *Petrusevich, Nikolai Grigor'evich*. IN: *Russkii biograficheskii slovar': Pavel, prepodobnyi – Petr (Ileika) / Izd. pod nablyudeniem predsedatelya Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva A.A. Polovtsova* [Russian Biographical Dictionary: Paul, Venerable – Peter (Ileyka). Published under the supervision of the Chairman of the Imperial Russian Historical Society A.A. Polovtsov]. – Sankt-Peterburg: tip. I.N. Skorokhodova, 1902. – Vol. 13. – P. 704-705. (In Russian)

V KChR poyavitsya novaya gosnagrada – orden imeni tsarskogo generala Petrusevicha 2 noyabrya 2015 [A new state award will appear in the KCR – the order named after the tsarist general Petrusevich. November 2, 2015]. IN: *Setevoe izdanie «Interfaks-Rossiya»: sait* [Network edition "Interfax-Russia": website]. URL: <https://www.interfax-russia.ru/south-and-north-caucasus/news/v-kchr-poyavitsya-novaya-gosnagrada-orden-imeni-tsarskogo-general-petrusevicha/> (date of access: 22.05.2020) (In Russian)

V Cherkesske zalozen kamen' v osnovanie budushchego pamyatnika russkomu generalu N.G. Petrusevichu. 26 fevralya 2009 [In Cherkessk laid the foundation stone of the future monument to the Russian general N.G. Petrusevich. February 26, 2009]. IN: *Ofitsial'nyi sait Glavy i Pravitel'stva Karachaevo-Cherkesskoi Respubliki* [Official website of the Head and Government of the Karachay-Cherkess Republic]. URL: <http://kchr.ru/news/detailed/3861/?month=7&year=2019&ID=3861&> (date of access: 26.05.2020). (In Russian)

Kavkaz. Gazeta politicheskaya i literaturnaya – vykhodila v Tiflise v 1846-1918 [Political and literary newspaper – published in Tiflis in 1846-1918]. (In Russian)

KUROPATKIN A.N. *Zavoevanie Turkmenii: (Pokhod v Akhal-Teke v 1880-1881 gg.): S ocherkom voennykh deistvii v Srednei Azii s 1839 po 1876 g.* [Conquest of Turkmenistan: (Campaign in Akhal-Teke in 1880-1881): With an outline of military operations in Central Asia from 1839 to 1876]. – SPb.: Izdatel' V. Berezovskii. Tipografiya E. Arngol'da, 1899. – IV+224 p. (In Russian)

PETRUSEVICH N.G. *Predvaritel'nyi otchet ob issledovanii Dar'yalyka (Uzboya) i mestnosti mezhdru Amudar'ei i Sarykamyshe* [Preliminary report on the study of Daryalyk (Uzboy) and the area between the Amu Darya and Sarykamysh]. IN: *Izvestiya Kavkazskogo Otdela Imperatorskogo Rossiiskogo Geograficheskogo Obshchestva. Tom V* [Proceedings of the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society. Vol. V]. – Tiflis: Tipografiya Glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo, 1878. – P. 241-256. (In Russian)

PETRUSEVICH N.G. *Turkmeny mezhdru starym ruslom Amu-Dar'i (Uzboem) i severnymi okrainami Persii* [Turkmens between the old bed of the Amu Darya (Uzboy) and the northern outskirts of Persia]. IN: *Zapiski Kavkazskogo Otdela Imperatorskogo Rossiiskogo Geograficheskogo Obshchestva. Kn. XI, vyp. 1* [Notes of the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society. Book. XI, issue 1]. – Tiflis: Tipografiya Glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo, 1880. – P. 10-12. (In Russian)

Petrusevich, Nikolai Grigor'evich. IN: *Voennaya Entsiklopediya: v 18 t. T. 18 / Pod red. V.F. Novitskogo i dr.* [Military Encyclopedia: in 18 volumes. Vol. 18. Ed. by V.F. Novitsky and others]. – Petrograd: T-vo I.D. Sytina, 1915. – P. 398. (In Russian)

SOEGOV M. *Ob istoricheskikh litsakh, izobrazhennykh v odnoi staroi fotografii, i otdel'no o shtabs-kapitane militsii Kul'batyr-serdare* [About historical persons depicted in one old photograph, and separately about the head captain of the police Kulbatyr-Serdar]. IN: *Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Narody i kul'tury Sayano-Altaya i sopredel'nykh territorii», posvyashchennoi 75-letiyu Khakasskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii (26-27 sentyabrya 2019 g.)* [Materials of the VI International Scientific Conference "Peoples and Cultures of Sayano-Altai and Adjacent Territories", dedicated to the 75th anniversary of the Khakass Research Institute of Language, Literature and History (September 26-27, 2019)]. – Abakan: Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2019. – P. 98-104. (In Russian)

Sudebnye pristavy respubliki vozlozhili tsvety k pamyatniku pristava El'brusskogo voennogo okruga N.G. Petrusevicha. 01 noyabrya 2019 [The bailiffs of the republic laid flowers at the monument to the bailiff of the Elbrus military district N.G. Petrusevich. 01 November 2019]. IN: *Upravlenie Federal'noi sluzhby sudebnykh pristavov po Karachaevo-Cherkesskoi Respublike: sait* [Office of the Federal Bailiff Service for the Karachay-Cherkess Republic: website]. URL: <http://r09.fssprus.ru/news/document27175765/> (date of access: 21.05.2020). (In Russian)

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТУРКМЕНЫ

(«Записки Кавказского Отдела Императорского Русского Географического Общества», книжка XI, выпуск первый, ст. Н. Г. Петрусевича)

В последнее время в печати полилось несколько новых трудов, посвященных народностям, населяющим наши восточные окраины. Знакомство с ними представляет большой интерес в виду готовящихся событий на этой территории. Особое участие принял в этом деле Кавказский Отдел Императорского Русского Географического общества. В вышедшем на днях первом выпуске XI книжки Записок этого Отдела помещены три статьи Н. Г. Петрусевича, из которых первая озаглавлена: «Туркмены между старым руслом Аму-Дарьи (Узбоем) и северными окраинами Персии». обстоятельная статья Петрусевича весьма подробно знакомит нас с туркменскими племенами, населяющими эту местность, с их, распределением, нравами и обычаями и характеристикой страны.

Находя необходимым и полезным ознакомить наших читателей с содержанием этой статьи, мы прежде всего воспользуемся обстоятельным извлечением из нее, помещенным, еще до выхода в свет последней книжки Записок Кавказского Отдела Географического Общества, в Известиях того же Отдела выпущенных в свет 31 декабря 1879 года.

Вся обширная и не заселенная степь между Аму-Дарьей и Каспийским морем опоясана, как кольцом, туркменскими кочевьями. Кольцо это прорвано только с северной стороны, по линии старого русла Аму-Дарьи (Узбоя), где недостаток воды обуславливает полное отсутствие поселений.

<...>

Почти кругом незаселенной степи между Аму-Дарьей и Каспийским морем разместились туркмены разных племен, подразделяющихся на

отделения и роды. Туркменские племена состоят по большей части во вражде между собой. Более многочисленные племена: эрсари, иомуды и текинцы. Посмотрим, как разместились эти и другие туркменские племена.

На Востоке туркменами занят левый берег Аму-Дарьи, почти от Бухарского города Чарджуя до гор. Ходжа-Сала, принадлежащего уже к афганским владениям. Во-первых, верст на 20 выше Чарджуя, по Аму-Дарье, живет племя сакар, числом до 3,000 кибиток или семей. От них верст на 25 вверх и по реке расположились два рода: саяты и эски (вместе кибитокъ до 200), принадлежащие к племени чоудор, а за ними, на Юге-Востоке, начинаются сплошные поселения племени эрсари, тянущиеся вдоль реки до афганской границы и переходящие даже в афганскую территорию. Племя эрсари разделяется на 4 отделения, из которых три отделения живут на левом берегу Аму-Дарьи, а одно уже на правом берегу реки. Численность названного племени, одного из самых многочисленных между прочими туркменскими племенами, можно определить в 30,000 кибиток или семей. Все перечисленные племена отделены от южной границы русских туркестанских владений землями Бухарского ханства почти на 300 верст.

На востоке же, в западной части Хивинского оазиса, расположились: иомуды отделения байрам-шалы (одно из двух отделений, на который подразделяются иомуды), числом от 15 тыс. до 20 тысяч кибиток. Из другого отделения иомудов кара-чука в Хивинском ханстве живет только до 1,000 кибиток. Севернее иомудов байрамъ-шалы, между последними и поселениями узбекскими Хивинского ханства, живут туркмены племени чоудор. В Хивинском же ханстве встречается и часть туркмен-гокланов (около 2,000 семей), главная масса которых кочует на севере Персии.

У Каспийского моря и недалеко от него, на северной стороне реки Гургена, между этой рекой и Атреком и севернее этой последней реки, расположились иомуды отделения кара-чука. Общая численность их простирается до 15,000 кибиток. Отделение кара-чука делится на два колена: шариф-джафарбай (8,000 кибиток) и ак-атабай или чони (7,000 кибитокъ).

<...>

К северу от Красноводска, на пространстве между Красноводским заливом и Кара-бугазом, кочуют постоянно туркмены-шихцы (шихляры). Но соседству с ними и с киргизами (т.е. *казахами* – М.С.), на Мангышлаке, от Кара-бугаза до мыса Тюб-карагана, кочуют туркмены различных племен. Точно также представляют смесь племен и туркмены-огурджалинцы, живущие на островах Челекене и Огурчинске. Занятия их: рыбная ловля и добывание нефти. Всех закаспийских туркмен, кочующих постоянно в русских пределах (считая тут и 1,000 кибиток джафарбаевцев), насчитывается до 3,000 семейств.

Восточнее иомудов, между реками Атреком и Гургеном, расположились туркмены-гокланы, признающие над собою власть Персии. Общая численность их доходит до 4 тыс. кибиток. <...> («Кавказ» № 152 от 06.06.1880 г.).

Текинцы – это одно из самых многочисленных туркменских племен. Они занимают два, довольно плодородных, оазиса: Ахал и Мерв. Ахалтекинцы заняли свой оазис в начале XVIII в., во время шаха Тахмаспа, и до начала

настоящего столетия они ограничивались пределами его. Но увеличение населения принудило текинцев отыскивать себе новые земли. <...> Всех деревен в Ахале насчитывают до 50-ти, а цифра населения, по распросным сведениям, полагается приблизительно в 30,000 кибиток или семей. Численность текинцев в Мерве доходит почти до 50,000 кибиток или 250,000 душ обоого пола. Такая, сравнительно, значительная цифра жителей обуславливается не только приращением населения, но и переселениями из Ахала, а также водворением на оазисе военнопленных. Текинцы Ахала и Мерва составляют одно и тоже племя. Оно разделяется на два большие отделения: тохтамыш и утамыш. Каждое из них делится на колена, а те, в свою очередь, на роды. В обоих оазисах живут части одних и тех же родов и даже родные братья.

Вверх по течению реки Мургаба живут турмены-сарыки; они занимают две местности на этой реке: Пандж-дех (у подножий отрогов Паропамизского хребта) и Юлетан (лежащий на 100 верст ниже урочища Пандж-дех). Сарыки делятся на 5 отделений. Общая численность всех сарыков принимается почти в 13,000 семей. Кроме земледелия, сарыки занимаются скотоводством; их большие стада пасутся на привольных местах северных склонов Паропамизского хребта. Овцы их принадлежат к особой породе, отличающейся от других среднеазиатских пород овец своей величиной. Кроме овец, у сарыков не мало верблюдов.

В Мерве живут и салыры <...> Их насчитывается от 2 тыс. до 3 тыс. семей.

На основании вышеприведенных цифровых показаний, приблизительная численность указанных туркменских племен представляется в следующем виде:

1) Туркмены по Аму-Дарье [а) Сакары 3000 киб., б) Саяты и эски (племена чоудор) 200, в) Эрсари 30000] – 33200 кибиток;

2) Туркмены в Хивинском ханстве [а) иомуды байрам-шалы (вместе с кара-чука) 20000 киб., б) Гокланы 2000] – 22000 кибиток;

3) Туркмены в западной части Закаспийского края [а) Иомуды кара-чука 15000 киб., б) Туркмены разных племен 2000, в) Гокланы 4000] – 21000 кибиток;

4) Южные туркмены [а) Ахалтекинцы 30000 киб., б) Мервские текинцы и салыры 50000, в) Сарыки 13000] – 93000 кибиток.

Всего же получится около 170,000 кибиток, или приблизительно около 850,000 душ. Но в это число вошли, – как мы выше видели, – не все туркменские племена, живущие в Хивинском ханстве. <...>

С занятием Красноводска и Чнкишляра и с утверждением русского господства на правом берегу Аму-Дарьи, положение дел значительно изменилось. На востоке присмирели туркмены, живущие по Аму-Дарье, а на западе – прикаспийские иомуды. Остались только текинцы. заняв два значительных оазиса, отразив победоносно несколько раз нашествие персиян, подчинив своему влиянию сарыков, они уже представляют два значительных центра, с населением почти полумиллионным, готовым действовать заодно. Не говоря уже об опасности, угрожающей от этого северной и северо-восточной Персии, текинцы сделались теперь полными хозяевами Закаспийских степей;

без усмирения их, нельзя не только приняться за орошение безводных пространств, лежащих по старому руслу Аму-Дарьи, но даже устроить постоянное караванное сообщение между Хивой и Красноводском («Кавказ» № 153 от 07.06.1880 г.),

Автор статьи следующим образом описывает общественный быт туркмен:

Туркмены всех племен, какое бы мы ни взяли, живут совершенно одинаково. Никакой власти между ними не существует. Каждый туркмен совершенно независим. Единственно, чтобы они уважают – это силу и адат <...> Самый Адат – обычай – выработал правила только для отношений родителей к детям, далее, для браков, похорон, празднеств по разным случаям, отправления в набег, дележа добычи и т. п., т. е. там, где больше участвует личный или семейный интерес; но для общего нет ничего установленного, кроме только правил об исправлении оросительных каналов и пользования водой, да и тут все ограничивается тем, что, кто присылает рабочих на проведение новой или очистку существующей уже канавы, тот и пользуется равным с остальными количеством воды. Подобное состояние есть следствие полукочевой жизни туркмен и простора степей, позволяющих бросать одно место и направляться в другое, когда на первом делается стеснительно жить, вследствие увеличения населения или установления правил, которые почему бы то ни было не нравились другим, служа ограничением той безграничной свободы, лучшим выражением которой служит хвастливая поговорка самих туркмен, что «настоящие туркмены не нуждаются ни в тени дерева, ни в цепи власти».

Но так или иначе, а жизнь большими обществами, хотя и разрозненными, указала на необходимость блюсти общественные интересы хотя бы в таких делах, как пользование водой и землей, ею орошаемой, и вот они избирают из своей среды аксакалов и ханов, называемых у хивинских и соседних с Персией туркмен кетхуда; но ханы эти в действительности никакой властью не пользуются. Они не могут заставить кого бы то ни было исполнить не только какое-либо распоряжение, вызванное необходимостью, но и общественное постановление, если бы таковое состоялось. Некоторые, впрочем, из ханов пользуются значительным влиянием, по случаю которого они могут устроить ту или другую сделку, или то или другое предприятие; но влияние не власть, и человек, пользуясь самым громадным влиянием, все-таки может не быть в состоянии принудить самого незначительного члена общества к исполнению какой-либо меры.

Туркмены все сунниты, но мулл между ними очень мало, и вообще они духовным лицам, появляющимся между ними со стороны, или из своей же среды, не придают большого значения; но если мулла оказался умным, умеющим говорить и находчивым человеком, то иногда делается весьма влиятельным, приобретая титул ишана, как бы избранника Божия, или излюбленного Богом человека, которому все удается. Но опять-таки не всякое дело требует участия ишана и нужно много такта с его стороны, чтобы знать, где употребить свое влияние и где воздерживаться от вмешательства, так как принятие участия во всяких делах без разбора может повести к потере всякого

уважения со стороны народа, хотя патриархальные туркмены верят слепо и, раз уверовав во что-либо, отстают от своих верований с трудом. При набегах и хищничествах туркмены собираются около одного и двух предводителей, сердарей, известных своей опытностью и знанием дорог. Обыкновенно сами сердари объявляют, что они собираются в набег и приглашают желающих присоединиться к ним. Но бывает и так, что свободные от занятий люди задумывают идти в набег и выбирают себе руководителем известного сердаря. Во время набега сердаря слушают и ему же при дележе добычи назначают лишнюю часть, но с окончанием набега всякое значение сердарей пропадает, если только они не принадлежат к числу избранных в старшины или ханы. <...> («Кавказ» № 157 от 13.06.1880 г.).

Переходя к характеру туркмен и страсти их к грабежу, автор замечает, что туркмены трезвы и не развратны и что женщины у них не отличаются распущенностью нравов, как у их соседей: персиян, хивинцев и бухарцев.

<...> местные обстоятельства сложились так, что для туркмен осталось одно поприще быть хищниками и грабителями, и надобно отдать им справедливость – они довели грабеж до высшей степени развития: громадные безводные и бесплодные пространства, по которым им приходится переходить без дорог, надеясь только на собственный глаз и соображение, развили у них удивительную способность отыскивать надлежащее направление и держаться его неуклонно, не смотря ни на что. В пустыне на песках следов не остается. Малейший ветер замечает их, и найти дорогу в песках для не туркмена представляется невозможным. Те, кому приходилось разъезжать по степи с туркменами, знают хорошо эту их способность. Бывали удивительные примеры их сообразительности к отысканию колодцев, на которых они были. Кроме того, жизнь о бок с степями, где в колодцах вода соленая и полное отсутствие всякой жизни, развила в туркменах воздержность к пище и любовь к лошадям. Без лошади в степях можно пропасть. Только лошадь дает возможность проходить быстро значительные пространства, отделяющие колодцы один от другого. Можно заменять лошадь верблюдом, но верблюд никогда не пройдет в один день такого расстояния, как лошадь, и, кроме того, сделав усиленный переход, он на другой день такого же перехода сделать не в состоянии, тогда как лошадь в состоянии несколько дней сряду проходить 70–80 верст, а в случае нужды и сто. Поэтому исключительное внимание туркмен обращено на воспитание лошадей и все туркменские племена славятся своими лошадьми; но чуть ли не лучшие лошади у текинцев. Лошади воспитываются так, чтобы приучить их к перенесению лишений во время поездок в степях и, главное, чего нет у нас, лошади у туркмен несут на себе, кроме всадника, еще значительную тяжесть в хурджунах (сумках) за седлом: тут везется и ячмень или джугара для лошади, и провиант для всадника, а если поездка дальняя, – дней на восемь, – то тяжесть выйдет очень не маленькая. Тем не менее, лошади от этого усиленного веса во время переходов, по-видимому, не страдают. Таким образом, и туркмены, и их лошади приспособлены к степным разъездам и нисколько не боятся долгих переходов по песчаным пустыням. Часто приходится по сто слишком верст делать без воды, и это не вредит лошадям, по

крайней мере лошади с запалом у туркмен встречаются редко. Но если нужно ехать очень скоро и далеко, то туркмены выезжают о дву-конь, то есть каждый всадник имеет по две лошади, одну под седоком, а другую в поводу, и меняет их на каждом переезде, так что весь путь делается без остановок. Впрочем, такие поездки о дву-конь случаются весьма редко, а обыкновенно все набеги совершаются на одной лошади.

В Средней Азии вообще земледельческие работы отнимают не так много времени, как у нас, и, кроме того, там нет таких продолжительных зим; холода наступают в декабре и продолжаются месяца полтора, много – два. Вследствие этого, у туркмен остается пропасть и свободного времени, которого им нечем наполнить. Таким образом, и пустынность степей, и климатические условия привели к тому, что туркмены сделались грабителями в самом широком смысле этого слова, и грабителями смелыми, привыкшими встречаться с опасностью лицом к лицу. Впрочем, это последнее качество могло развиваться у туркмен вследствие того, что соседями их были такие народы, как персияне, хивинцы и бухарцы, не отличающиеся воинственностью и, при встрече с туркменами в равных силах, показывавшие тыл. Но так или иначе, теперь туркменам нельзя отказать в смелости, хотя эта смелость вора, а не открытая, явная храбрость человека, сознающего опасность и хладнокровно идущего на нее.

В набегах своих туркмены не разбирают никого и ничего, лишь бы только была добыча. Не даром же у них есть поговорка, что «на лошади туркмен не знает ни отца, ни матери»; жизнь человеческая для туркмена не значит ничего, и он зарежет человека без малейшего раздумья. <...> («Кавказ» № 158 от 14.06.1880 г.).

Продолжая описание характера и нравов туркмен, автор сравнивает их с соседними им персиянами и находит, что туркмены жесточе персиян, потому что у персиян есть хоть какая-нибудь цивилизация, приведшая их к изнеженности, а у туркмен нет ничего. Это еще как бы первобытный народ, а потому и взгляды на все у них сохранились такие, какие были во времена Чингисхана и Тамерлана. Автор, в доказательство своего мнения, приводит несколько примеров. <...>

В народе – кончает автор свою характеристику туркмен – где за оскорбление чести метят убийством ни в чем неповинной женщины, прибегая для этого к самым варварским и способам, где матери семейства оказываются кровожадными мстительницами, где, наконец, шестилетние мальчики, не только без содрогания, но с наслаждением отнимают у животных жизнь и в такие ранние годы помышляют о краже золота, в таком народе хищничество и грабеж не могут не играть первой роли, и для него, как бы предмет добычи ни был мал, не остановятся ни перед чем, хотя бы перед убийством, потому что жизнь человека ценится меньше, чем жизнь барана («Кавказ» № 162 от 18.06.1880 г.).

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Средневековая и новая история**

УДК 94(47)

DOI 10.31143/2542-212X-2020-3-129-139

**ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАЛЬЧИКСКИХ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)****Ю.И. МУРЗАХАНОВ**

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: murzahanovyurii@mail.ru*

Е.С. НОРКИНА

*Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5
E-mail: Norichmail@yandex.ru*

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение правового положения горских евреев Кабардино-Балкарии с момента образования нальчикского горско-еврейского поселка и до начала XX в. Авторы прослеживают изменение правового статуса еврейского населения на Кавказе, отмечая, что в результате многолетней переписки представителей царской администрации, горские евреи были признаны «кавказской народностью», т.е. обладали всеми юридическими правами, которыми наделялось коренное горское население. Большое значение для определения права проживания евреев на территории Северного Кавказа имел закон «О водворении и временном пребывании евреев в областях Кубанской и Терской» (1892)»; пункт «б» второй статьи имел непосредственное отношение к горским евреям. В конце XIX – начале XX в. прослеживается распространение стереотипов, определяющих практику властей с ашкеназских евреев на горских. До 1917 г. закон в отношении горских евреев не был скорректирован или дополнен, т. е. горские евреи официально не были уравнены в правах с местным населением. В контексте политики власти к «другим» евреям политика к горским евреям не значительно не отличалась.

Ключевые слова: горские евреи; правовое положение; горско-еврейский поселок; Кубанская и Терская области; закон 18 июня 1892 г.

**LEGAL STATUS OF THE NALCHIK SETTLEMENT HIGHLANDER JEWS
(SECOND HALF OF THE 19th – EARLY 20th CENTURY)**

Yu.I. MURZAKHANOV

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: murzahanovyurii@mail.ru*

E.S. NORKINA

*St. Petersburg State University
199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line 5
E-mail: Norichmail@yandex.ru*

Abstract. The purpose of the article is to consider the legal status of mountain Jews in Kabardino-Balkaria from the moment of formation of the Nalchik mountain-Jewish settlement to the beginning of the twentieth century. The authors trace the change in the legal status of the Jewish population in the Caucasus, noting that as a result of many years of correspondence between representatives of the tsarist administration, mountain Jews were recognized as "Caucasian people", i.e. they had all the legal rights granted to the indigenous mountain population. Of great importance for determining the right of residence of Jews in the North Caucasus was the law « on the establishment and temporary residence of Jews in the Kuban and Terek regions "(1892)»; paragraph " b " of the second article was directly related to the mountain Jews. At the end of the XIX – beginning of the XX century, we can trace the spread of stereotypes that determine the practice of the authorities from Ashkenazi Jews to mountain Jews. Until 1917, the law regarding mountain Jews was not amended or supplemented, i.e. mountain Jews were not officially equalized in rights with the local population. In the context of the government's policy towards "other" Jews, the policy towards mountain Jews did not differ significantly.

Keywords: mountain Jews; legal status; mountain-Jewish settlement; Kuban and Terek regions; law of June 18, 1892.

Российская империя на протяжении всего своего существования была этнически неоднородным государством. Учитывая конфессиональное и этническое многообразие населения, правительство признавало необходимость выработки особых подходов в отношении отдельных категорий подданных, в том числе и в отношении евреев. «Еврейский вопрос» во второй половине XIX – начале XX вв. занимал особое место в политической жизни и законодательской практике царизма и в виду сложности комплекса законодательных и административных мер в отношении евреев воспринимался как наиболее важный национальный вопрос.

Еврейское население из пределов собственно России с начала XIX в. постепенно появлялось на Северном Кавказе по мере колонизации царизмом региона; здесь проживали не только ашкеназские, но и горские евреи. Основы отношения власти к еврейскому населению Северного Кавказа, находившегося за чертой оседлости, были заложены еще в первой половине XIX в. На вновь осваиваемой территории Российской империи имелся острый дефицит экономически активного и профессионально ориентированного контингента, в том числе и ремесленников, и этот фактор постоянно должен был учитываться местными властями. Поэтому в ходе исполнения ограничительных законов о

евреях они вынуждены были апеллировать к высшим инстанциям для того, чтобы те разрешили пребывание в этих областях некоторых категорий евреев в виде исключения из закона.

Целью настоящей статьи является рассмотрение процесса формирования государственной политики по отношению к особой группе еврейского населения Северного Кавказа – горским евреям. Стоит отметить, что до настоящего времени вопросы правового положения горских евреев не становились предметом специального исследования, хотя отдельные сюжеты, касающиеся нашей проблемы (правовой статус неашкеназских еврейских этнографических групп – караимов, крымчаков, бухарских и кавказских евреев), рассматриваются в трудах некоторых российских и израильских авторов (Е.Н. Марков, А.И. Миллер, В.Ю. Коваленко, А. Каганович, Е. Мовшович, М. Альтшулер, И. Давид и др.)

Первым нормативным актом, определяющим правовое положение кавказских евреев, был закон от 30 июня 1825 г. «О запрещении евреям селиться в Астраханской губернии и Кавказской области» (указ от 9 декабря 1804 г. «О устройстве евреев», который разрешал евреям-земледельцам селиться в «Кавказском крае», не касался непосредственно кавказских евреев) [Полный... 1874: 138-141].

Появление этнонима «горские евреи» связано с политикой имперской бюрократии, в среде которой родилось это название, по аналогии с горскими армянами и горскими греками. Известно, что самоназвание горских евреев – «джухур» (тюркизация арабского слова «гяур» – неверный, другой веры); ряд окружающих народов называют их также «джухуд» (тюркизированное арабское «яхуд», происходящее в свою очередь от древнееврейского «йахуди», т.е. еврей). Собственно этноним «горские евреи» впервые появляется в документах местной администрации во второй четверти первой половины XIX века [Мурзаханов 1994: 14].

Властям необходимо было отделить в бюрократическом отношении горских евреев от «европейских» и «крымских», и таким образом подчеркнуть их принадлежность к горским обществам для того, чтобы продумывать стратегию своей политики с учетом их социальной несхожести с евреями западных окраин империи [Goluboff 2004: 117]. Однако, не всегда понятие «горский» по отношению к евреям отражало политику властей по отношению к последним, которая имела свои особенности.

В 1825 г. двое горских евреев, уроженцы сел. Андреево (Кумыкия), Исмаил Шамилов и Пантук Нафталиев, поселились в крепости Нальчик [Живая... 1993: 55, 63]. Они (как, впрочем, и прибывшие сюда еще несколько горских евреев) занимались исключительно выделкой кож и мелочной торговлей, и, следовательно, в связи с вышеупомянутыми законами не имели права жительства в Кабарде. Во второй половине 20-х гг. XIX в. в дополнение к закону от 30 июня 1825 г. было принято несколько Высочайше утвержденных положений, которые запрещали проживать на Кавказе представителям так называемых «жидовствующих сект».

16 августа 1829 г. штабом командующего войсками на Кавказской линии и Черномории было предписано начальнику войск в Кабарде «проживающих по крепостям в Кабарде евреев по получении немедленно высылать из оной чрез посредство земских полиций для отправления их из пределов здешней области...» [История... 1999: 31].

Исполняя предписание начальника Центра Кавказской линии, Кабардинский временный суд, признав, что «по Кабарде в разных аулах проживают евреи и производят торговлю разным товаром, большею частью выделкой сафьянов», определил следующее «находящихся в Кабарде евреев и других торговцев вызвать всех без изъятия в суд для отобрания от первых, в каком количестве ими истребляется лес, и вторых, чем и на какую сумму они торгуют по Кабарде, и обложить каждого по мере промышленности взносом денег в Кабардинскую общественную сумму...» [История... 1999: 34].

В начале 30-х гг. XIX в. началось массовое выселение еврейского населения из пределов Кавказского края. 18 мая 1837 г. было обнародовано Высочайшее повеление Николая I, согласно которому было решено оставить в пределах края тех евреев, которые жили на Кавказе целыми селениями и занимались хлебопашеством; к таковым и относились, в отличие от ашкеназских, горские евреи [Миллер 2006: 117].

В 1830-е гг. несколько десятков андreeвских горских евреев поселились в ауле князя Бековича-Черкасского (Малая Кабарда). В апреле 1846 г., после похода Шамиля в Кабарду, горские евреи ушли в Моздок, а затем, спасаясь от эпидемии холеры, переселились в Нальчик. Из «Списка торговцам и вольнопромышленникам, проживающим на Нальчикском форштадте», следует, что по состоянию на 1 декабря 1846 г. в форштадте проживало 11 горских евреев – четыре торговца красным товаром и семеро ремесленников, занимавшихся выделкой сафьяна [История... 1999: 38].

В 1847 г. последовало официальное разрешение начальника Центра Кавказской линии генерала князя Голицына на поселение близ крепости Нальчик андreeвских горских евреев. Юридически жители горско-еврейского поселка не были причислены ни к одному из обществ. Главнокомандующий войсками Кавказской линии и Черномории особым распоряжением, последовавшим на имя начальника Центра Кавказской линии 30 июня 1848 г. за № 1504, разрешил «горских евреев в числе 245 душ обоего пола, занимающихся выделкою кож и овчин, поселить вне военного поселения за Нальчикским разгонным постом...» В 1862 г., когда крепость Нальчик была преобразована в слободу, горско-еврейское поселение вошло в ее состав [Дзагов 2009: 47].

Никаких государственных повинностей и налогов горские евреи не отбывали. В 1848 г. с разрешения начальника Центра Кавказской линии Н. Беклемишева, в арендованном нальчикскими горскими евреями доме был открыт «нимаз» (молитвенный дом). В 1862 г. жителями общины был арендован другой дом, так как прежние уже не мог вместить всех желающих во время проведения религиозных служб. В 1868 г. за счет добровольных пожертвований было построено новое здание синагоги, в котором находилась и религиозная школа («нубохунде»). Горские евреи пользовались «общим с жителями Нальчикского

форштадта выгоном для пастьбы скота», а также наделом земли (100 десятин), который они использовали под посев марены [Дроздовский 1870: 31].

В 1870-80-е гг. в России активно пересматривается государственная политика по отношению к еврейскому населению империи. Вопросы правового положения кавказских вообще и, в частности, горских евреев, широко освещались на страницах русско-еврейской печати.

«Русский еврей» в редакционной статье (в номере от 17 сентября 1879 г.) сообщал, что кавказские евреи «пользуются почти одинаковыми правами и совершенно одинаковым покровительством законов со всеми остальными русскими гражданами» [Русский... 1879]. В 1883 г., в самый разгар еврейских погромов, прокатившихся практически по всей огромной территории Российской империи, в том же «Русском еврее» некто Д. Хмара писал в своей корреспонденции из Кутаиси, что «здесь, на Кавказе, евреям относительно легче живется, чем в самой России» [Русский... 1883]; видимо это сообщение, перепечатанное многими московскими и санкт-петербургскими газетами, должно было успокоить либеральную общественность.

22 мая 1880 г. было Высочайше утверждено мнение Государственного Совета, по которому «евреям, впредь до пересмотра действующих о них узаконений, воспрещено водворяться и иметь жительство в области войска Донского, а также приобретать там в собственность и содержать в найме или аренде недвижимые имущества» [Отчет... 1893: 621]. После проведения в жизнь данного указа в русско-еврейских газетах стали появляться тревожные известия из Кубанской и Терской областей о предстоящем выселении проживавших здесь евреев.

Так, «Русский еврей» 30 апреля 1882 г. со ссылкой на «Русского курьера» сообщал о том, что «по примеру казачьего населения области Войска Донского, казаки Терской и Кубанской областей ходатайствуют чрез своих атаманов о выселении евреев из своих местностей» [Русский... 1882a]. В свою очередь, «Недельная хроника Восхода» утверждала, что евреи, проживающие на территории вышеназванных областей, обратились с ходатайством к начальнику Кубанской области генерал-адъютанту С.А. Шереметеву, в котором просили отменить решение администрации Кубанской области [Недельная... 1882].

Однако уже в ближайших номерах оба издания успокоили своих читателей, сообщив, что администрация Кавказского края официально заявила о том, что никакого распоряжения о выселении горских евреев ею не отдавалось [Русский... 1882b; Русский... 1882c].

Несмотря на то, что местные власти официально заявили о своем решении не применять никаких санкций по отношению к кавказским евреям, слухи об их скором выселении проникли и на страницы русско-кавказской периодической печати. Так, анонимный корреспондент тифлисской газеты «Новое обозрение» в статье, опубликованной в конце 1883 г., размышляя о возможности применения антиеврейских законов в отношении кавказских евреев, особо подчеркивает, что «туземные евреи, за редкими исключениями, всегда пользовались гостеприимством и спокойной жизнью на Кавказе», и что начиная с 1830-х гг. горские евреи пытались избавиться от власти местных феодалов и обращались

к русским властям уравнивать их в правах с мусульманским населением на основании того, что горские евреи принимали участие в обороне городов на стороне русской власти [Недельная... 1884b].

6 декабря 1883 г. «Северное телеграфное агентство» передало тревожное известие из Владикавказа, в котором говорилось, что горские евреи, обеспокоенные обострением антиеврейских настроений со стороны местного населения Терской и Кубанской областей и планомерным проведением местной администрацией практики массовых выселений евреев, «ходатайствуют об утверждении законодательным порядком равноправности, которою всегда пользовались кавказские евреи, усвоившие язык, обычаи и нравы туземцев» [Недельная... 1884a].

Лояльное отношение имперской власти к горским евреям в 1860-1880-х гг. было вызвано известным обстоятельством, о котором помнили местные чиновники – помощь горских евреев русским войскам во время Кавказской войны; впрочем, это терпимое отношение не выразилось законодательно. Горские евреи были отличной от ашкеназских евреев группой в глазах кавказского начальства и местной администрации, однако власти «вспоминали» о горских евреях только в тех случаях, когда их действия начинали противоречить законодательным актам, регламентирующим положение евреев в Российской империи. Внимание к горским евреям Кубанской и Терской областей было вызвано необходимостью решения проблемы закрепления в имперском законодательстве правового статуса горских евреев Кавказа в целом.

Одним из предметов спора чиновников в вопросах правового положения евреев на Северном Кавказе была неопределенность и размытость понятия «внутренние губернии». В законодательстве о евреях Российской империи существовали четко определенные дефиниции: черта еврейской оседлости и территории вне черты еврейской оседлости (или «внутренние губернии» империи). Место Кубанской и Терской областей в общем комплексе законов, касающихся положения евреев Российской империи, было особенным. С одной стороны, Кубанская и Терская область как часть Кавказа, наряду с другими управляемыми особыми законоположениями территориями (как, например, Сибирь) не относились к так называемым «внутренним губерниям». С другой стороны, в любом законе, регулирующем правовое положение евреев в Российской империи, не упоминаются Кубанская и Терская область, но чиновники имели в виду, что понятие «за чертой...» означало, в том числе, Сибирь, Кавказ и другие окраины. В спорных случаях с применением законодательства местные чиновники прибегали то к одному доводу, то к другому, в зависимости от обстоятельств.

В процессе выработки нового ограничительного закона о правовом положении евреев в Кубанской и Терской областях чиновники впервые стали учитывать тот факт, что в областях проживает особая группа «туземных» евреев – горские. Комплекс знаний о горских евреях, который стал актуален в 1880-х гг. на волне дискуссий о месте этого народа в законодательном поле Российской империи, в некоторой степени стал основой законотворческого дискурса местной бюрократии.

Так, например, на заседаниях Терско-Кубанской сословной комиссии в 1885 г., при обсуждении правового положения «туземных» евреев, приводились различные сведения о горских евреях, при этом акцент делался на характеристике их занятий, о «вреде», который они, якобы, приносили местному населению, об их гуманитарной культуре и схожести / отличиях от европейских евреев, излагалась история их появления и расселения на Кавказе, роль в Кавказской войне. Материалы, озвученные на заседаниях Терско-Кубанской сословной комиссии, затем практически дословно воспроизводились на страницах периодической печати, как местной (например, «Терские ведомости», «Кавказ»), так и русско-еврейской прессы («Восход» и «Русский еврей») [РГИА. Ф. 20. Оп. 3. Д. 26-11. Л. 5], что, несомненно, оказывало определенное влияние на общественное мнение.

В переписке по поводу готовящегося закона, регламентирующего положение евреев в Кубанской и Терской областях, начальник Терской области в одном из писем (февраль 1891 г.) настаивал на том, чтобы принимаемый ограничительный законодательный акт в равной степени распространить как на ашкеназов, так и на горских евреев. Он обосновывал это требование теми же причинами, что и по отношению к европейским евреям, т.е. охранением православного населения от «вредного» влияния евреев и иудействующих, и устранения вредной «еврейской пропаганды» [РГВИА. Ф. 330. Оп. 34. Д. 1010. Л. 110]. Он обратил внимание на то, что и европейские, и горские евреи, занимаясь торговлей и винопромышленностью, «вредно действуют на нравственные устои православного населения и подрывают по присущей им характерной особенности экономическое благосостояние его» [РГВИА. Ф. 330. Оп. 42. Д. 1445. Л. 7].

Однако уже в апреле 1891 г. из Главного управления казачьих войск Государственному секретарю передали совершенно иную точку зрения начальника Терской области – о том, что последний желает оставить на проживании горских евреев, и о том, что с ним согласился начальник Кубанской области [РГВИА. Ф. 330. Оп. 34. Д. 1010. Л. 285].

18 июня 1892 г. был обнародован закон «О водворении и временном пребывании евреев в областях Кубанской и Терской». Во время обсуждения в Государственном Совете законопроекта о воспрещении евреям проживания в Кубанской и Терской областях затрагивался вопрос и о горских евреях, при этом особо отмечалось, что запрещение горским евреям, как и другим евреям, отлучаться от места приписки в соседние аулы поставит их в тяжелое положение [РГИА. Ф. 1160. Оп. 1. Д. 189. Л. 10]. В результате, все же не были сделаны оговорки в законе относительно правового положения горских евреев, и закон стал применяться по отношению ко всем евреям, в том числе и горским.

Настоящий законодательный акт запрещал евреям «приписанным к городским или сельским обществам областей, а равно неприписанным к местным обществам... водворение и постоянное жительство в сих областях по узаконенным видам: первым – вне мест их приписки, а последним – повсеместно».

В Терской и Кубанской областях разрешалось проживать евреям, имеющим ученую степень, лицам с университетским образованием, а также чиновникам, находящимся на государственной службе. Пункт «б» второй статьи имел непосредственное отношение к горским евреям. Он гласил, что означенные ограничения не распространяются «на евреев, владеющих в пределах областей недвижимыми имуществами на праве собственности или содержащие оныя в аренде...» Особо подчеркивалось, что в пределах областей евреям запрещалось приобретать в собственность либо брать в наем или аренду недвижимые имущества [Терский... 1893: отд. 2, 47-48].

Особая статья закона «О водворении и временном пребывании...» ограничивала пребывание евреев вне мест их приписки, что наносило удар по основному занятию горских евреев – мелкой торговле, которая для многих семей была чуть ли не единственным источником существования, хотя еще 7 мая 1884 г. (в результате длительной переписки между министерствами внутренних дел и финансов) было принято решение, разрешавшее горским евреям заниматься выделкой кож и продажей мелких товаров без ограничений в передвижениях.

Вот что писал по этому поводу Главнначальствующий гражданской частью на Кавказе генерал-адъютант Шереметьев в личном послании на имя начальника Терской области: «Принимая во внимание: 1) что так называемые горские евреи, по водворении русских на Кавказе, одними из первых перешли в русское подданство и, не будучи в то время стесненными в своих передвижениях по краю, начали прочно водворяться в избранных ими городах, селениях и слободках, где обзавелись недвижимой собственностью; 2) что в 1866 году местная администрация, имея в виду обложить туземное население, к какому причислялись и горские евреи, подымною податью, распорядились приписать их к разным, слободским и горским обществам, не входя в рассмотрение того обстоятельства, что многие из них уже прочно водворились в других населенных пунктах и обзавелись домами, виноградниками и фруктовыми садами, 3) что обстоятельство это не порождало в то время никаких затруднений, так как горские евреи, оставаясь на жительстве в избранных ими местах, отбывали все повинности и платили подымную подать в одинаковом с туземным населением размере в местах их приписки, 4) что местная администрация, придерживаясь исключительно буквы закона не разрешает горским евреям отлучек из селений и слободок, к обществам, которым они были приписаны еще в 1866 году, и 5) что лишение их права передвижения и временного жительства вне места приписки грозит многим из них полным разорением, так как они принуждены будут бросать на произвол судьбы свои сады, дома, другую недвижимость, приобретенную вне мест приписки...».

Принимая во внимание изложенные выше соображения, генерал-адъютант Шереметьев предложил начальнику Терской области не препятствовать «передвижениям по области горских евреев для торговли и сельскохозяйственных надобностей» [Горские... 1901].

Между различными правительственными ведомствами (сразу после обнародования закона от 18 июня 1892 г.) велась оживленная переписка, в ходе

которой корреспонденты пытались прояснить права и обязанности горских евреев Терской и Кубанской областей; в отношении же европейских евреев все статьи закона выполнялись жестко и неукоснительно.

Широкую огласку получило дело Абрама Абрамова и Ноя Шаулова, которых по распоряжению Терского областного правления в начале 1911 г. должны были выслать к местам их приписки (Абрамов переселился в Кабарду из Грозного, Шаулов из Хасавюрта), хотя они оба прожили к этому времени в Нальчике уже более 25 лет. Присяжный поверенный Малкоедов обратился в областное правление с заявлением, в котором доказывал, что закон 18 июня 1882 г. к горским евреям не должен применяться, т.к. они фактически владеют недвижимым имуществом на общественной слободской земле, к тому же все имущество было оформлено по домашним купчим актам еще до издания закона.

Далее Малкоедов пишет, что, даже если выселить Абрамова и Шаулова из Нальчика, «цель этого закона – ограждение местного населения области от вредного влияния еврейской народности – все равно в данном случае не достигается, так как места приписки обоих евреев, гор. Грозный и слобода Хасавюрт, находятся в пределах той же оберегаемой от евреев Терской области».

Терское областное правление оставило прошение Малкоедова без последствий, и предложило Абрамову и Шаулову в двухмесячный срок покинуть слободу Нальчик. Малкоедов обратился с жалобой в Правительствующий Сенат и одновременно к наместнику царя на Кавказе графу И.Воронцову-Дашкову разрешить Абрамову и Шаулову впредь до особого распоряжения Правительствующего Сената остаться в слободе Нальчик. И.Воронцов-Дашков дал положительный ответ на данное ходатайство [Пятигорское... 1911].

Противоречивость свидетельств об отношении местной власти к горским евреям в практике применения закона 18 июня 1892 г. может указывать на отсутствие единой линии в практике правоприменения в силу разных причин. Это, очевидно, связано с неясностью правового положения горских евреев, неосведомленностью местной администрации о некоторых распоряжениях и предписаниях о порядке применения ограничительного закона; нельзя не принять во внимание также вероятность случаев исключений и уступок со стороны местной власти горским евреям. О том, что к концу XIX – началу XX в. в практике правоприменения по отношению к горским евреям всего комплекса законодательных актов, регламентирующих положение евреев в Российской империи, нередко возникали юридические коллизии, свидетельствуют многочисленные ходатайства представителей горско-еврейских общин в различные правительственные инстанции.

Начиная с 1892 г., т.е. времени издания ограничительного закона о евреях Кубанской и Терской областей, в текстовой части ежегодных отчетов начальников областей публиковались материалы, посвященные проблеме пребывания евреев на данной территории. Необходимо отметить, что горских евреев составители отчетов относили к так называемым «кавказским горцам». Это свидетельствует о том, что, несмотря на то, что вопрос о правовом статусе горских евреев решался в контексте общеимперского еврейского вопроса, для местной власти горские евреи оставались коренным населением.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Горские... 1901 – *Горские* евреи Кубанской области // Кубанские областные ведомости. – Екатеринодар. – 1901. – 4 августа. – № 170.
- Дзагов 2009 – *Дзагов Р.Н.* Взаимодействие культур в процессе формирования многонационального населения Кабарды (XIX – начало XX века). – Нальчик: Изд. КБИГИ, 2009. – 164 с.
- Дроздовский 1870 – *Дроздовский А.И.* Краткий медико-топографический очерк Кабардинского округа Терской области // Медицинский сборник Кавказского Медицинского общества. – Тифлис. – 1870. – № 9. – С. 109-126.
- Живая... 1993 – *Живая* старина. Нальчик. – 1993. – № 3. – С. 52-66.
- История... 1999 – *История* горских евреев Северного Кавказа в документах (1829-1917): Сб. арх. материалов. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 288 с.
- Миллер 2006 – *Миллер А.И.* История Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. – М.: Новое литературное обозрение. 2006. – 248 с.
- Мурзаханов 1994 – *Мурзаханов Ю.И.* Очерк истории этнографического изучения горских евреев (XVIII – начало XX в.). – М.: Чоро, 1994. – 78 с.
- Недельная... 1882 – *Недельная* хроника Восхода. – СПб. – 1882. – 30 апреля. – № 16.
- Недельная... 1884a – *Недельная* хроника Восхода. – СПб. – 1884. – 8 января. – № 1.
- Недельная... 1884b – *Недельная* хроника Восхода. – СПб. – 1884. – 29 января. – № 4.
- Отчет... 1893 – *Отчет* по делопроизводству Государственного совета (за время с 1 января 1892 г. по 31 мая 1893 г.). Т. 1. – СПб.: Гос. тип., 1893. – VII, 932 с.
- Полный... 1874 – *Полный* хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев, от Уложения царя Алексея Михайловича до настоящего времени, от 1619-1873 г. / Сост. В.О. Леванда. – СПб.: Тип. К.В. Трубникова, 1874. – 1158, XVIII с.
- Пятигорское... 1911 – *Пятигорское* эхо. – Пятигорск. – 1911. – 15 марта. – № 59.
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (Москва).
- РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург).
- Русский... 1879 – *Русский* еврей. – СПб. – 1879. – 17 сентября. – № 3.
- Русский... 1882a – *Русский* еврей. – СПб. – 1882. – 30 апреля. – № 18.
- Русский... 1882b – *Русский* еврей. – СПб. – 1882. – 7 мая. – № 19.
- Русский... 1882c – *Русский* еврей. – СПб. – 1882. – 14 мая. – № 20.
- Русский... 1883 – *Русский* еврей. – СПб. – 1883. – 9 апреля. – № 17.
- Терский... 1893 – *Терский* календарь на 1894 г. – Владикавказ. – 1893. – Вып. 3. – Кн. 1. – Отд. 2. – С. 47-48.
- Goluboff 2004 – *Goluboff S.* Are they Jews or Asians? A Cautionary Tale about Mountain Jewish Ethnography // *Slavic Review*. – 2004. – Vol. 63. – No. 1. – P. 113-140.

REFERENCES

- DROZDOVSKII A.I. *Kratkii mediko-topograficheskii ocherk Kabardinskogo okruga Terskoi oblasti* [Brief medical and topographical outline of the Kabarda District of the Terek region]. IN: *Meditinskii sbornik Kavkazskogo Meditsinskogo obshchestva*. – Tiflis. – 1870. – No. 9. – P. 109-126. (In Russian)
- DZAGOV R.N. *Vzaimodeistvie kul'tur v protsesse formirovaniya mnogonatsional'nogo naseleniya Kabardy (XIX – nachalo XX veka)* [Interaction of cultures in the process of the formation of the multinational population of Kabarda (XIX – early XX centuries)]. – Nalchik: Izd. KBIGI, 2009. – 164 p. (In Russian)
- GOLUBOFF S. Are they Jews or Asians? A Cautionary Tale about Mountain Jewish Ethnography. IN: *Slavic Review*. – 2004. – Vol. 63. – No. 1. – P. 113-140. (In English)
- Gorskie evrei Kubanskoi oblasti* [Mountain Jews of the Kuban region]. IN: *Kubanskiye oblastnye vedomosti*. – Ekaterinodar. – 1901. – August 4. – No. 170. (In Russian)

Istoriya gorskikh evreev Severnogo Kavkaza v dokumentakh (1829-1917): Sb. arkh. materialov [History of Mountain Jews of the North Caucasus in Documents (1829-1917): Collection of Archival Materials]. – Nalchik: El'-Fa, 1999. – 288 p. (In Russian)

MILLER A.I. *Istoriya Romanovykh i natsionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The History of the Romanovs and Nationalism: Essays on the Methodology of Historical Research]. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 2006. – 248 p. (In Russian)

MURZAKHANOV Yu.I. *Ocherk istorii etnograficheskogo izucheniya gorskikh evreev (XVIII – nachalo XX v)* [Essay on the history of ethnographic study of Mountain Jews (XVIII – beginning of XX century)]. – M.: Choro, 1994. – 78 p. (In Russian)

Nedel'naya khronika Voskhoda. – SPb. – 1882. – April 30. – No. 16. (In Russian)

Nedel'naya khronika Voskhoda. – SPb. – 1884. – January 8. – No. 1. (In Russian)

Nedel'naya khronika Voskhoda. – SPb. – 1884. – January 29. – No. 4. (In Russian)

Otchet po deloproizvodstvu Gosudarstvennogo soveta (za vremya s 1 yanvarya 1892 g. po 31 maya 1893 g.). T. 1 [Report on office work of the State Council (in the period from 1 January 1892 to 31 May 1893). Vol. 1]. – SPb.: Gos. tip., 1893. – VII, 932 p. (In Russian)

Polnyi khronologicheskii sbornik zakonov i polozhenii, kasayushchikhsya evreev, ot Ulozheniya tsarya Alekseya Mikhailovicha do nastoyashchego vremeni, ot 1619-1873 g. / Sost. i izdal V.O. Levanda [A complete chronological collection of laws and regulations concerning Jews, from the Code of Tsar Alexei Mikhailovich to the present, from 1619-1873. Compiled by V.O. Lewanda]. – SPb.: Tip. K.V. Trubnikova, 1874. – 1158, XVIII p. (In Russian)

Pyatigorskoe ekho. – Pyatigorsk. – 1911. – March 15. – No. 59. (In Russian)

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (Sankt-Peterburg) [Russian State Historical Archives (St. Petersburg)].

RGVIA – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv (Moskva) [Russian State Military Historical Archive (Moscow)].

Russkii evrei. – SPb. – 1879. – September 17. – No. 3. (In Russian)

Russkii evrei. – SPb. – 1882. – April 30. – No. 18. (In Russian)

Russkii evrei. – SPb. – 1882. – May 7. – No. 19. (In Russian)

Russkii evrei. – SPb. – 1882. – May 14. – No. 20. (In Russian)

Russkii evrei. – SPb. – 1883. – April 9. – No. 17. (In Russian)

Terskii kalendar' na 1894 g. – Vladikavkaz. – 1893. – Iss. 3. – Book 1. – Part 2. – P. 47-48. (In Russian)

Zhivaya starina. – Nalchik. – 1993. – No. 3. – P. 52-66. (In Russian)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Новейшая история**

УДК 37:093(470.64)

DOI 10.31143/2542-212X-2020-3-140-153

**СОВЕТСКИЕ ИСТОРИКИ «ВТОРОГО ПЛАНА»:
СЛУЧАЙ ВЕРЫ ИВАНОВНЫ ГОРЕМЫКИНОЙ****Е.Г. МУРАТОВА
Ю.А. ОРТАНОВА**

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, № 173
E-mail: lena_gm@mail.ru; yulia-kabardinka@mail.ru*

Аннотация. В статье на основе личного дела из архива Кабардино-Балкарского государственного университета (КБГУ) и всех доступных историографических источников исследуется научная биография известного советского археолога, специалиста в области античной и древней истории Веры Ивановны Горемыкиной, которая с 1957 по 1961 г. работала старшим преподавателем кафедры всеобщей истории КБГУ. Показана ее деятельность в области археологического изучения Кабардино-Балкарии и профессиональной подготовки студентов исторического отделения университета. Особое внимание уделено оценке вклада В.И. Горемыкиной в разработку важнейшей теоретической проблемы – проблемы генезиса феодализма в Древней Руси и исследование природы древнерусской государственности. Статья подготовлена к 100-летию Веры Ивановны Горемыкиной и посвящена первым преподавателям исторического отделения Кабардино-Балкарского государственного университета.

Ключевые слова: Вера Ивановна Горемыкина; биографический метод; Кабардино-Балкарский государственный университет; историческое образование в Кабардино-Балкарии; археология Кабардино-Балкарии; генезис феодализма в Древней Руси.

**SOVIET HISTORIANS OF «THE SECOND PLAN»:
THE CASE OF VERA IVANOVNA GOREMYKINA****E.G. MURATOVA
Yu.A. ORTANOVA**

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: lena_gm@mail.ru; yulia-kabardinka@mail.ru*

Abstract. The article is based on personal files from the Archive of Kabardino-Balkar State University (KBSU) and all available historiographical sources. It examines the scientific biography of the famous Soviet archaeologist, a specialist in Ancient history Vera Ivanovna Goremykina, who worked as a senior lecturer in the Department of Universal history of the KBSU from 1957 to 1961. Her work in the field of archaeological study of Kabardino-Balkaria and professional training of students of the Historical Department of the University is shown. Particular attention is paid to the assessment of V.I. Goremykina's contribution to the development of the most important theoretical problem – the problem of the Genesis of feudalism in Ancient Russia and the study of the nature of the Ancient Russian statehood. The article is prepared for the 100th anniversary of Vera Goremykina and is dedicated to the first teachers of the Historical Department of Kabardino-Balkar State University.

Keywords: Vera Ivanovna Goremykina; biographical method; Kabardino-Balkar State University; historical education in Kabardino-Balkaria; archaeology of Kabardino-Balkaria; the genesis of feudalism in Ancient Russia.

В последние десятилетия отечественная историография существенно обогатилась исследованиями по истории высшей школы и просопографии университетской корпорации, превратив эту предметную область в специальное научное направление – университетологию. В ведущих вузах были созданы, в том числе, солидные сетевые биографические справочники, энциклопедии и летописи университетов [Исторический... 2004; Хаминов 2011; Даудов, Дворниченко 2013; Летопись... 2014; Репина 2018; Летопись исторического...; Биографика СПбГУ; Персоналии...]. Большое внимание уделялось реконструкции биографий и научного наследия выдающихся представителей профессионального исторического сообщества. Менее изученными, порой и вовсе забытыми, оказались судьбы историков региональных вузов. В Кабардино-Балкарском государственном университете задача создания исчерпывающего электронного биографического справочника всех преподавателей и ученых еще только стоит в актуальной повестке. Одним из специалистов, внесших значительный вклад в становление антиковедения и археологическую подготовку студентов Кабардино-Балкарского университета во второй половине 1950-х гг., была историк и археолог Вера Ивановна Горемыкина. В последнее время появились небольшие статьи об этой очень интересной личности [Муратова 2017; Фоменко 2017а; Фоменко 2017б]. В 2020 г. отмечается ее 100-летний юбилей, и это еще один повод вспомнить Веру Ивановну Горемыкину.

Вера Ивановна Горемыкина (1920-2012)

Согласно автобиографии, предоставленной Верой Ивановной Горемыкиной при поступлении на работу в Кабардино-Балкарский государственный университет (КБГУ), родилась она в 1920 г. в семье крестьянина Ярославской области. В 1936 г. после окончания средней школы поступила учиться в Рыбинское педагогическое училище, по окончании которого один год работала учительницей в начальной школе. В 1940 г. В.И. Горемыкина поступила в Рыбинский авиационный институт, но по собственному свидетельству, учеба там ее не удовлетворяла, и она перешла в Воронежский университет на историко-филологический факультет. Однако начавшаяся Великая Отечественная война внесла свои коррективы в ее жизненные планы. В годы войны В.И. Горемыкина работала в строительном тресте, в органах НКВД и на авиационном заводе [Архив КБГУ. Оп. 2. Д. 504. Личные дела сотрудников (уволенных). «Г». Т. 1. Л. 24 и об.].

После окончания исторического факультета Ярославского пединститута (1945-1948) Горемыкина была рекомендована в аспирантуру. За время обучения в аспирантуре она дважды была в археологических экспедициях на Таманском полуострове и подготовила диссертацию «Боспорское царство в первые века н.э.», которую защитила в 1952 г. в Ленинградском государственном университете [Горемыкина 1952]. Свою педагогическую деятельность в высшей школе В.И. Горемыкина начала в качестве почасовика в Ярославском пединституте, затем министерством просвещения РСФСР была направлена на работу в Витебский пединститут, где два года заведовала кафедрой всеобщей истории и читала курс истории древнего мира. В 1954 году в связи с закрытием исторического факультета в Витебске она была переведена на работу в Могилевский пединститут, где также читала курс древней истории

и археологии и активно занималась научной работой по социально-экономической и политической истории Боспора Киммерийского [Архив КБГУ. Оп. 2. Д. 504. Личные дела сотрудников (уволенных). «Г». Т. 1. Л. 25].

В 1957 г. Вера Ивановна Горемыкина была принята по конкурсу в Кабардино-Балкарский государственный университет старшим преподавателем кафедры всеобщей истории. Свое желание сменить место работы она объясняла трудностью заниматься научной работой в области античной истории в условиях Могилевского пединститута [Архив КБГУ. Оп. 2. Д. 504. Личные дела сотрудников (уволенных). «Г». Т. 1. Л. 19]. В КБГУ В.И. Горемыкина стала вести курсы истории древнего мира, основ археологии, истории первобытного общества и основ этнографии. В этот период ее научная работа была сосредоточена на вопросах древней истории Кабарды и Балкарии [Архив КБГУ. Оп. 2. Д. 504. Личные дела сотрудников (уволенных). «Г». Т. 1. Л. 18].

Уже осенью 1957 г. она в качестве зам. начальника участвовала в археологической экспедиции, организованной КБГУ с участием научного сотрудника Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института П.Г. Акритаса, по исследованию древнейшего торгового пути в горной части Кабардино-Балкарии. О результатах этой экспедиции было доложено на заседании Ученого совета Кабардино-Балкарского университета [ЦГА КБР. Ф. Р-892. Оп. 1. Д. 46. Л. 154-155].

С 1958 по 1961 гг. Вера Ивановна Горемыкина руководила археологическими экспедициями Кабардино-Балкарского университета и ежегодно проводила раскопки в различных районах Кабардино-Балкарии и города Нальчика. В Каталогах Научно-отраслевого Архива Института археологии РАН отражены ее отчеты о полевых исследованиях на территории республики за 4 года [Горемыкина 1958; Горемыкина 1959; Горемыкина 1960а; Горемыкина 1961а].

Археологические экспедиции Кабардино-Балкарского университета под руководством В.И. Горемыкиной исследовали разнообразные объекты: поселения, бескурганные и курганные могильники от эпохи бронзы до средневековья. Как видно, например, из публикации В.И. Горемыкиной «О раскопках кургана бронзового века в парке города Нальчика», в феврале-марте 1958 г. Кабардино-Балкарский государственный университет совместно с Кабардино-Балкарским научно-исследовательским институтом силами студентов университета предпринял раскопки кургана эпохи бронзы (II тысячелетие до н.э.), находившегося в городском парке в конце Центральной аллеи. Курган с юго-восточной и северо-западной сторон был сильно разрушен, поскольку когда-то местные жители брали здесь глину и камень. Чтобы спасти курган от разрушения и потери для науки во время работ по благоустройству парка, здесь и были предприняты раскопки [Горемыкина 1960b: 335]. По оценке В.И. Горемыкиной, «раскопанный курган значительно пополнил «наши сведения о занятии населения Северного Кавказа III предскифской стадии» [Горемыкина 1960b: 345]. Были получены дополнительные материалы, относящиеся к скотоводческому хозяйству эпохи поздней бронзы, найдены

интересные изделия из камня, характеризующие первобытную технику [ЦГА КБР. Ф. Р-892. Оп. 1. Д. 46. Л. 154-155].

Таким образом постепенно формировалась археологическая карта Кабардино-Балкарской республики. Кроме того, решалась еще одна важная задача: в ходе археологических разведок и раскопок проводилась полевая практика студентов-историков Кабардино-Балкарского университета, на первое место ставилось непременно соединение теоретических знаний с формированием практических исследовательских навыков у обучающихся. Археологические памятники, исследованные В.И. Горемыкиной в Кабардино-Балкарии, получили отражение в ряде ее работ [Горемыкина 1960b; Горемыкина 1961b; Горемыкина 1965]. По результатам археологических экспедиций КБГУ были написаны и первые студенческие статьи [Ступников 1961].

К наиболее интересным археологическим объектам, обследованным Верой Ивановной Горемыкиной, можно отнести так называемое Этокское городище. Экспедиция КБГУ под ее руководством работала здесь в 1960-1961 гг. По оценке специалистов, данное городище – крупный археологический памятник предскифского (VIII-VII вв. до н.э.) и сарматского (I-IV вв. н.э.) времени [Фоменко 2017a: 21].

Таким образом, во время своей работы в Кабардино-Балкарском государственном университете Вера Ивановна Горемыкина проявила себя, прежде всего, как археолог-полевик и высококвалифицированный специалист в области древней истории. В экспедициях, возглавляемых этим увлеченным педагогом, получали первый опыт полевых исследований студенты университета – будущие археологи Кабардино-Балкарии.

В 1962 г. В.И. Горемыкина перешла на работу на кафедру всеобщей истории Минского государственного пединститута (ныне – Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка), где долгие годы плодотворно трудилась. Известно, что в 1963 г. она руководила археологической экспедицией Белорусского государственного университета имени В.И. Ленина на Таманском полуострове в районе Патрейского городища [Горемыкина 1963].

Здесь важно отметить, что в 1960-1980-е гг. Вера Ивановна Горемыкина, последовательно оставаясь в рамках марксистской методологии, базирующейся на формационном подходе, стала наиболее ярким представителем одного из трех основных направлений советской историографии, связанных с изучением важнейшей теоретической проблемы – проблемы генезиса феодализма в Древней Руси, оценки ее общественного строя и исследования природы древнерусской государственности.

Первое из этих трех направлений, основоположником которого признается Б.Д. Греков [Греков 1939], занимало ведущее место в отечественной историографии 1960-1980-х гг. Его сторонники (Б.А. Рыбаков, М.Б. Свердлов и другие) изначально оценивали формирование древнерусского общества как общества феодального типа, которое миновало рабовладельческую стадию развития. Несмотря на некоторые уточнения и оговорки о «раннефеодальном»

характере древнерусского общества, о наличии в нем черт родовой демократии и элементов рабовладения, принципиально смысл официальной концепции об образовании Древнерусского государства на основе развития «феодальных (поземельных) отношений» долгое время не менялся.

Второе направление в историографии проблемы общественного строя Древней Руси, разработанное в рамках марксистской парадигмы, представленное И.Я. Фрояновым и его школой, условно может быть обозначено как «доклассовое». И.Я. Фроянов полагал, что «феодализм тогда лишь зарождался и феодальные элементы напоминали собой островки в море свободных земледельческих общин», что «Русь X – начала XI в. к феодализму еще не пришла», а находилась на стадии «переходного периода от доклассового строя к классовому», при этом отношение власти (князей) и общества он определял как «дофеодальные» [Фроянов 1980: 4, 32, 44].

И, наконец, третья точка зрения, суть которой сводилась к тому, что древнерусское общество отнюдь не миновало стадию рабовладельческого строя и носило именно рабовладельческий характер, весьма четко было сформулировано Верой Ивановной Горемыкиной. Будучи специалистом по античной истории, сама она об этом писала так: «Занятия историей раннеклассовых обществ средневековой Европы привели нас к выводу, что общество Древней Руси, равно как общества варварских королевств Западной Европы, развивалось в рамках той формации, которую принято называть рабовладельческой» [Горемыкина 1987а: 82].

В.И. Горемыкина полагала, что «ко времени возникновения государственности на Руси сложилась сословно-классовая структура, типичная для ранне рабовладельческих обществ. Основное деление проходило по линии свободные («люди») – несвободные (рабы)... Несвободные не имели права на землю, потому что поступали из числа пленных... Но свободные уже делились на знать («старая чадь»), тоже входившую в земледельческие общины, и основную массу общинников. Древние славяне, как и германцы, выступали в роли работоторговцев своего времени, и уже в силу этого производство в архаической земледельческой общине приобретало рабовладельческую окраску» [Горемыкина 1987а: 88-89].

Таким образом, по Горемыкиной, расслоение в общине шло параллельно с развитием патриархального рабства. Источниками рабства были: торговля невольниками, рождение в неволе, женитьба на рабыне, самопродажа в рабство. При этом несмотря на прогресс в развитии феодальных отношений, свободная сельская община сохранялась. Большая часть земли находилась в распоряжении рядовых общинников, которые осуществляли коллективную собственность на землю в ее племенной форме.

При этом, согласно Горемыкиной, «... при наличии рабства для определения формационной принадлежности общества (рабовладельческое или феодальное?) не имеет принципиального значения численность рабов и свободных. Главную роль тут играла укладность хозяйства. В Древней Руси рабство уже вышло за рамки домашнего, патриархального. Рабы использовались не только в качестве слуг, но и (как и в античном мире)

трудилась в различных отраслях экономики, включая сельское хозяйство и ремесло» [Горемыкина 1987а: 93].

Эти и другие положения позволили В.И. Горемыкиной прийти к заключению, что отсчет рабовладельческой формации у восточных славян можно начинать примерно с VI-VII вв., а начало феодализма на Руси следует относить к концу XI – началу XII века. До этого рубежа там существовала рабовладельческая формация. При этом пережитки родоплеменного строя не мешали быть древнерусскому обществу рабовладельческим [Горемыкина 1987а: 99-100].

В контексте данной статьи не имеет особого значения обсуждение сложнейших и остро дискуссионных вопросов об общественном строе восточных славян и возникновении древнерусской государственности, обсуждение которых продолжается и по сей день [Дворниченко 2017]. Здесь гораздо важнее подчеркнуть место В.И. Горемыкиной в изучении этих проблем. Необходимо отметить, что на этом «минском» этапе своей научно-педагогической деятельности она вошла в отечественную историографию Древней Руси как один из сторонников рабовладельческой природы древнеславянской государственности [Горемыкина 1970; Горемыкина 1973b; Горемыкина 1982; Горемыкина 1989; Горемыкина 1991]. При этом она активно занималась педагогической и научно-методической деятельностью, написав ряд учебных пособий для студентов-историков по истории Древнего мира [Горемыкина 1973а; Горемыкина 1978; Горемыкина 1979; Горемыкина 1980].

В 1987 г. в Ленинградском государственном университете на основе своей монографии «Возникновение и развитие первой антагонистической формации в средневековой Европе» В.И. Горемыкина защитила докторскую диссертацию, в которой ее взгляды на возникновение и развитие рабовладельческой формации получили свое законченное историко-теоретическое оформление на материале варварских королевств Западной Европы и Древней Руси [Горемыкина 1987].

На кафедре всеобщей истории Минского государственного пединститута В.И. Горемыкина стала первым научным работником, удостоенным звания профессора [Историческая справка].

После выхода на пенсию в 1995 г. начался новый этап в жизни Веры Ивановны. По-видимому, она вернулась в родной Рыбинск и до конца жизни (умерла в 2012 г.) работала профессором кафедры истории в Рыбинском государственном авиационном техническом университете [Губанов 2014], который когда-то не закончила. Во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. ее публикаторская активность носила, в основном, остро публицистический, прокоммунистический и антисемитский характер [Горемыкина 1998; Горемыкина 2002; Горемыкина 2004]. Атмосферу этого периода очень хорошо воссоздают воспоминания ее издателя: «В 1998 году появилась в издательстве интересная женщина, похожая на крестьянку преклонных лет. Оказалось, что это доктор исторических наук Вера Ивановна Горемыкина, яростная коммунистка, борец с либеральным режимом. Принесла Вера Ивановна небольшую брошюру «История и социально-политический заказ», которую мы

скромно издали тиражом 500 экземпляров на средства автора. Но этим не закончилось, выпустили мы еще две брошюры Горемыкиной «О цивилизациях и формациях» в 2002 году и «Тупик на пути сионизма» в 2004-м. Все они сопровождалось солидными примечаниями со списком источников, тематика брошюр была достаточно острой» [Хомутов 2015: 11-12].

Таким образом, в жизни одного человека как в зеркале отразились основные вехи огромной страны, проблемы истории исторической науки и отечественного высшего образования. В персональной биографии В.И. Горемыкиной условно может быть выделено несколько основных жизненных этапов. 1) «Начальный период» (1920-1945) – юность, учеба в педучилище, поиски себя, испытания войной и работа на оборонных предприятиях.

2) «Начало профессиональной карьеры» (1945-1957) – учеба на историческом факультете Ярославского пединститута, окончание аспирантуры, участие в археологических экспедициях на Таманском полуострове, защита кандидатской диссертации, работа преподавателем древней истории в белорусских вузах по направлению Министерства просвещения РСФСР.

3) «Нальчикский период» (1957-1961) – преподавание на кафедре всеобщей истории Кабардино-Балкарского государственного университета, археологические экспедиции по Кабардино-Балкарии и составление археологической карты республики, профессиональная подготовка студентов в области археологии.

4) «Минский период» (1962-1995) – работа на кафедре всеобщей истории Минского государственного пединститута, разработка рабовладельческой концепции древнерусского общества, продуктивная учебно-методическая деятельность.

5) «Снова Рыбинск» (1995-2012) – завершение педагогической карьеры, увлечение общественно-политической публицистикой.

Казалось бы, Вера Ивановна Горемыкина может быть отнесена к историкам «второго плана», но без обращения к этой скромной и вместе с тем весьма насыщенной научной биографии история высшей школы нашей страны будет далеко не полной и какой-то бестелесной. Случай В.И. Горемыкиной добавляет ей достоверности. Портрет В.И. Горемыкиной – это портрет целого поколения советских историков, поколения, участвовавшего в становлении советской исторической науки и высшего исторического образования на периферии и испытавшего на себе все зигзаги этого процесса. Во многом научная карьера Горемыкиной была связана с Ленинградским государственным университетом, именно в его диссоветах состоялись защиты ее обеих диссертаций и проходили апробацию самые смелые и дискуссионные положения об общественном строе Древней Руси.

Отсутствие источников личного происхождения, воспоминаний коллег и родственников не позволяют более полно представить личностную характеристику Веры Ивановны Горемыкиной, однако даже сухие строчки официальных бумаг, а также проблематика работ позволяют судить о ее

достаточно дерзком научном почерке, бескомпромиссном и твердом характере, верности когда-то сформировавшимся идеалам и политическим взглядам.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архив КБГУ – *Архив* Кабардино-Балкарского государственного университета.

Биографика СПбГУ – *Биографика СПбГУ* // Сайт Санкт-Петербургского государственного университета [Электронный ресурс]. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru> (дата обращения: 08.02.2020).

Горемыкина 1952 – *Горемыкина В.И.* Боспорское государство в первые века нашей эры: (I в. – первая четверть III в.). Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. – Л.: ЛГУ им. А.А. Жданова, 1952. – 16 с.

Горемыкина 1958 – *Горемыкина В.И.* Отчет об археологических разведках экспедиции КБГУ на территории Кабардино-Балкарской АССР в 1958 г. // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Отчеты о полевых исследованиях. Каталог. 1955–1959 гг. / Отв. ред. Н.А. Макаров, П.Г. Гайдуков. – М.: ИА РАН, 2010. – С. 260.

Горемыкина 1959 – *Горемыкина В.И.* Отчет об археологических работах в 1959 г. на территории Кабардино-Балкарской АССР // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН: Отчеты о полевых исследованиях. Каталог. 1960-1964 гг. / Отв. ред. Н.А. Макаров, П.Г. Гайдуков. – М.: ИА РАН, 2011. – С. 20.

Горемыкина 1960а – *Горемыкина В.И.* Отчет о работе археологической экспедиции Кабардино-Балкарского государственного университета в 1960 г. // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН: Отчеты о полевых исследованиях. Каталог. 1960-1964 гг. / Отв. ред. Н.А. Макаров, П.Г. Гайдуков. – М.: ИА РАН, 2011. – С. 94.

Горемыкина 1960b – *Горемыкина В.И.* Отчет о раскопках кургана бронзового века в парке г. Нальчика // Ученые записки Кабардино-Балкарского государственного университета. – Нальчик, 1960. – Вып. 5. – С. 335-346.

Горемыкина 1961а – *Горемыкина В.И.* Отчет о работе археологической экспедиции Кабардино-Балкарского университета в 1961 г. // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН: Отчеты о полевых исследованиях. Каталог. 1960-1964 гг. / Отв. ред. Н.А. Макаров, П.Г. Гайдуков. – М.: ИА РАН, 2011. – С. 169.

Горемыкина 1961b – *Горемыкина В.И.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа на территории Кабардино-Балкарской АССР // Краеведческие записки. – Нальчик, 1961. – Вып. I. – С. 91-108.

Горемыкина 1963 – *Горемыкина В.И.* Отчет об археологических работах на Таманском полуострове в районе Патрейского городища в 1963 г. // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН: Отчеты о полевых исследованиях. Каталог. 1960-1964 гг. / Отв. ред. Н.А. Макаров, П.Г. Гайдуков. – М.: ИА РАН, 2011. – С. 336.

Горемыкина 1965 – *Горемыкина В.И.* Поселения бронзового и железного века на территории Центрального Предкавказья // Тезисы докладов на научно-теоретической конференции 1965 г. в Минске. – Минск, 1965. – С. 480-485.

Горемыкина 1970 – *Горемыкина В.И.* К проблеме истории докапиталистических обществ. (На материале Древней Руси). – Минск: Вышэйш. школа, 1970. – 79 с.

Горемыкина 1973а – *Горемыкина В.И.* История первобытного общества. Учебное пособие для студентов-заочников ист. фак. пед. ин-тов. Изд. 2-е. испр. и доп. – Минск: Вышэйш. школа., 1973. – 143 с.

Горемыкина 1973b – *Горемыкина В.И.* Об общине и индивидуальном хозяйстве в Древней Руси // История СССР. – 1973. – № 5. – С.128-145.

Горемыкина 1978 – *Горемыкина В.И.* История древнего мира: (история первобыт. об-ва и стран древ. Востока). Учеб.-метод. пособие. Ч.1. – Минск: МПИ, 1978. – 86 с.

Горемыкина 1979 – *Горемыкина В.И.* История Древнего мира: Учеб.-метод. пособие. Ч.2. История древней Греции. – Минск: МПИ, 1979. – 75 с.

- Горемыкина 1980 – *Горемыкина В.И.* История Древнего мира: Учеб.-метод. пособие. Ч.3. История Древнего Рима. – Минск: МПИ, 1980. – 124 с.
- Горемыкина 1982 – *Горемыкина В.И.* Возникновение и развитие первой антагонистической формации в средневековой Европе: (Опыт ист.-теорет. исслед. на материале варвар. королевств Зап. Европы и Древ. Руси). – Минск: Изд-во БГУ, 1982. – 248 с.
- Горемыкина 1987а – *Горемыкина В.И.* О генезисе феодализма в Древней Руси // Вопросы истории. – 1987. – № 2. – С. 78-100.
- Горемыкина 1987б – *Горемыкина В.И.* Возникновение и развитие первой антагонистической формации в средневековой Европе: (Опыт ист.-теорет. исслед. на материале варвар. королевств Зап. Европы и Древ. Руси). Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук: (07.00.03). – Л.: ЛГУ им. А.А. Жданова, 1987. – 33 с.
- Горемыкина 1989 – *Горемыкина В.И.* В поисках истины о раннем христианстве. – Минск: Беларусь, 1989. – 93 с.
- Горемыкина 1991 – *Горемыкина В.И.* Возникновение собственности на землю. – Минск: Университетское, 1991. – 78 с.
- Горемыкина 1998 – *Горемыкина В.И.* История и социально-политический заказ. – Рыбинск: Рыбинское подворье, 1998. – 24 с.
- Горемыкина 2002 – *Горемыкина В.И.* О цивилизациях и формациях. – Рыбинск: Рыбинское подворье, 2002. – 26 с.
- Горемыкина 2004 – *Горемыкина В.И.* Тупик на пути сионизма. – Рыбинск, 2004. – 61 с.
- Греков 1939 – *Греков Б.Д.* Киевская Русь. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.; Л.: АН СССР, 1939. – 282 с.
- Губанов 2014 – Губанов, Леонид. Проблемы Русского Национального Движения. 31.01.2014 // Живой журнал: сетевое сообщество [Электронный ресурс]. URL: <https://gubanov-leonid.livejournal.com/1580.html> (дата обращения: 7.01.2020).
- Даудов, Дворниченко 2013 – *Даудов А.Х., Дворниченко А.Ю.* Изучение истории университета на историческом факультете // Клио. – 2013. – № 10 (82). – С. 4-5.
- Дворниченко 2017 – *Дворниченко А.Ю.* Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. – СПб., М.: Евразия, 2017. – 559 с.
- Историческая справка – *Историческая справка* о кафедре новой и новейшей истории Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка. URL: <https://fhist.bspu.by/kafedry/novoi-i-noveishei-istorii> (Дата обращения: 7.12.2019).
- Исторический... 2004 – *Исторический* факультет Санкт-Петербургского университета, 1934–2004: Очерк истории / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во СПб.ГУ, 2004. – 390 с.
- Летопись исторического... – *Летопись* исторического факультета // Летопись Московского университета: сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://letopis.msu.ru/content/letopis-istoricheskogo-fakulteta> (дата обращения: 7.01.2020).
- Летопись... 2014 – *Летопись* Московского университета. Исторический факультет / Под общей ред. С.П. Карпова. – 2-е изд., доп. – М.: Изд-во МГУ, 2014. – 528 с.
- Муратова 2017 – *Муратова Е.Г.* У истоков подготовки археологов в Кабардино-Балкарском государственном университете // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова): сборник статей. В 2 т. – Т. 1. – Чебоксары: Издат. дом «Среда», 2017. – С. 180-185.
- Персоналии... – *Персоналии* (страницы в категории «Персоналии») // Электронная энциклопедия Томского государственного университета: сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/Категория:Персоналии> (дата обращения: 8.02.2020).
- Репина 2018 – *Репина Л.П.* О предметном поле университетологии // Запад – Восток. – 2018. – № 11. – С. 9–12. DOI: <https://doi.org/10.30914/2227-6874-2018-11-9-12>

Ступников 1961 – *Ступников Р.Н.* Поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа на территории Зольского района и Пятигорья // Сборник студенческих научных работ Кабардино-Балкарского государственного университета. – Нальчик, 1961. – Вып. 2. – С. 17-22.

Фоменко 2017а – *Фоменко В.А.* Археолог и историк Вера Ивановна Горемыкина // Достижения вузовской науки. Сборник материалов XXIX Международной научно-практической конференции. – Новосибирск, 2017. – С.19-24.

Фоменко 2017б – *Фоменко В.А.* Из истории археологического изучения территории Кабардино-Балкарии: археолог и историк Вера Ивановна Горемыкина // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2017. – № 1 (32). – С. 111-114.

Фроянов 1980 – *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. – 256 с.

Хаминов 2011 – *Хаминов Д.В.* Историческое образование и наука в Томском университете в конце XIX – начале в. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. – 270 с.

Хомутов 2015 – *Хомутов С.А.* Мы были первыми. К 25-летию издательства «Рыбинское подворье» – Рыбинск: Рыбинское подворье, 2015. – 48 с.

ЦГА КБР – *Центральный* государственный архив Кабардино-Балкарской Республики.

REFERENCES

Arkhiv KBGU – Arkhiv Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta [Archive of Kabardino-Balkar State University].

Biografika SPbGU [Biography of St. Petersburg State University]. IN: Website of St. Petersburg State University [Electronic resource]. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru> (Date of access: 8.02.2020).

DAUDOV A.Kh., DVORNICHENKO A.Yu. *Izuchenie istorii universiteta na istoricheskom fakul'tete* [Studying the history of the university at the Faculty of History]. IN: *Clio*. – 2013. – No 10 (82). – P. 4-5. (In Russian)

DVORNICHENKO A.Yu. *Zerkala i khimery. O vozniknovenii drevnerusskogo gosudarstva* [Mirrors and Chimeras. About the genesis of the Old Russian State]. – SPb., M.: Eurasia, 2017. – 559 p. (In Russian)

FOMENKO V.A. *Arkheolog i istorik Vera Ivanovna Goremykina* [Archaeologist and historian Vera Ivanovna Goremykina]. IN: *Dostizheniya vuzovskoi nauki. Sbornik materialov XXIX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Achievements of university science. Proceedings of the XXIX International Scientific and Practical Conference]. – Novosibirsk, 2017. – P. 19-24. (In Russian)

FOMENKO V.A. *Iz istorii arkheologicheskogo izucheniya territorii Kabardino-Balkarii: arkheolog i istorik Vera Ivanovna Goremykina* [From the history of archaeological study of the territory of Kabardino-Balkaria: archaeologist and historian Vera Goremykina]. IN: *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy* [Bulletin of the Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Research]. – 2017. – No 1 (32). – P. 111-114. (In Russian)

FROYANOV I.Ya. *Kievskaya Rus': Ocherki sotsial'no-politicheskoi istorii* [Kiev Rus: Essays on socio-political history]. – L.: Izd-vo LGU, 1980. – 256 p. (In Russian)

GOREMYKINA V.I. *Bosporskoe gosudarstvo v pervye veka nashei ehry: (I v. – pervaya chetvert' III v.): Avtoref. dis. na soisk. uchen. step. kand. ist. nauk.* [The Bosphorus state in the first centuries of our era: (I century – the first quarter of the III century). Abstract of dissertation for the Candidate of Historical sciences degree]. – L.: LGU, 1952. – 16 p. (In Russian)

GOREMYKINA V.I. *Istoriya drevnego mira: (istoriya pervobyt. ob-va i stran drev. Vostoka). Ucheb.-metod. posobie.* Ch.1 [The history of the Ancient world: Part 1. The history of Primitive Society and the countries of the Ancient East. Textbook]. – Minsk: MPI, 1978. – 86 p. (In Russian)

GOREMYKINA V.I. *Istoriya Drevnego mira: Ucheb.-metod. posobie. Ch.2. Istoriya drevnei Gretsii* [History of the Ancient World: Part 2. The history of ancient Greece. Textbook]. – Minsk: MPI, 1979. – 75 p. (In Russian)

GOREMYKINA V.I. *Istoriya Drevnego mira: Ucheb.-metod. posobie. Ch.3. Istoriya Drevnego Rima* [History of the Ancient World: Part 3. History of Ancient Rome. Textbook]. – Minsk: MPI, 1980. – 124 p. (In Russian)

GOREMYKINA V.I. *Istoriya i sotsial'no-politicheskii zakaz* [History and socio-political order]. – Rybinsk: Rybinskoe podvor'e, 1998. – 24 p. (In Russian)

GOREMYKINA V.I. *Istoriya pervobytnogo obshchestva. Uchebnoe posobie dlya studentov-zaochnikov ist. fak. ped. in-tov* [The history of primitive society. Textbook for students of historical faculties of pedagogical institutes]. – Ed. 2nd. – Minsk: High School, 1973. – 143 p. (In Russian)

GOREMYKINA V.I. *K probleme istorii dokapitalisticheskikh obshchestv. (Na materiale Drevnei Rusi)* [To the problem of the history of pre-capitalist societies. (Based on the material of Ancient Russia)]. – Minsk: High School, 1970. – 79 p. (In Russian)

GOREMYKINA V.I. *O genezise feodalizma v Drevnei Rusi* [On the Genesis of Feudalism in Ancient Russia]. IN: *Voprosy istorii* [Questions of History]. –1987. – No 2. – P. 78-100. (In Russian)

GOREMYKINA V.I. *O tsivilizatsiyakh i formatsiyakh* [About civilizations and formations]. – Rybinsk: Rybinskoe podvor'e, 2002. – 26 p. (In Russian)

GOREMYKINA V.I. *Ob obshchine i individual'nom khozyaistve v Drevnei Rusi* [About the community and individual economy in Ancient Russia]. IN: *Istoriya SSSR* [History of the USSR]. – 1973. – No 5. – P. 128-145. (In Russian)

GOREMYKINA V.I. *Otchet o rabote arkheologicheskoi ehkspeditsii Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta v 1960 g.* [Report on the archaeological expedition of Kabardino-Balkarian State University in 1960]. IN: *Nauchno-otraslevoi arkhiv Instituta arkheologii RAN: Otchety o polevykh issledovaniyakh. Katalog. 1960-1964 gg. / Otv. red. N.A. Makarov, P.G. Gaidukov* [Scientific Archive of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences: Field research reports. Catalog. 1960-1964. Ed. by N.A. Makarov, P.G. Gaidukov]. – M.: IA RAN, 2011. – P. 94. (In Russian)

GOREMYKINA V.I. *Otchet o rabote arkheologicheskoi ehkspeditsii Kabardino-Balkarskogo universiteta v 1961 g.* [Report on the archaeological expedition of Kabardino-Balkarian State University in 1961]. IN: *Nauchno-otraslevoi arkhiv Instituta arkheologii RAN: Otchety o polevykh issledovaniyakh. Katalog. 1960-1964 gg. / Otv. red. N.A. Makarov, P.G. Gaidukov* [Scientific Archive of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences: Field research reports. Catalog. 1960-1964. Ed. by N.A. Makarov, P.G. Gaidukov]. – M.: IA RAN, 2011. – P. 169. (In Russian)

GOREMYKINA V.I. *Otchet o raskopkakh kurgana bronzovogo veka v parke g. Nal'chika* [Report on excavations of the Bronze Age barrow in the park of Nalchik]. IN: *Uchenye zapiski Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of the Kabardino-Balkar State University]. – Nalchik, 1960. – Iss. 5. – P. 335-346. (In Russian)

GOREMYKINA V.I. *Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh na Tamanskom poluostrove v raione Patreiskogo gorodishcha v 1963 g.* [Report on archaeological work on the Taman Peninsula in the area of the Patraysky fortification in 1963] IN: *Nauchno-otraslevoi arkhiv Instituta arkheologii RAN: Otchety o polevykh issledovaniyakh. Katalog. 1960-1964 gg. / Otv. red. N.A. Makarov, P.G. Gaidukov* [Scientific Archive of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences: Field research reports. Catalog. 1960-1964. Ed. by N.A. Makarov, P.G. Gaidukov]. – M.: IA RAN, 2011. – P. 336. (In Russian)

GOREMYKINA V.I. *Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh v 1959 g. na territorii Kabardino-Balkarskoi ASSR* [Report on archaeological work in 1959 on the territory of the Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic]. IN: *Nauchno-otraslevoi arkhiv Instituta arkheologii RAN: Otchety o polevykh issledovaniyakh. Katalog. 1960-1964 gg. / Otv. red. N.A. Makarov, P.G. Gaidukov* [Scientific Archive of the Institute of Archeology of the Russian

Academy of Sciences: Field research reports. Catalog. 1960-1964. Ed. by N.A. Makarov, P.G. Gaidukov. – M.: IA RAS, 2011]. – M.: IA RAN, 2011. – P. 20. (In Russian)

GOREMYKINA V.I. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh ehkspeditsii KBGU na territorii Kabardino-Balkarskoi ASSR v 1958 g.* [Report on archaeological reconnaissance of the KBSU expedition on the territory of the Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic in 1958]. IN: *Nauchno-otraslevoi arkhiv Instituta arkheologii RAN. Otchety o polevykh issledovaniyakh. Katalog. 1955–1959 gg. / Otv. red. Makarov, P.G. Gaidukov* [Scientific Archive of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences. Field research reports. Catalog. 1955-1959. Ed. by N.A. Makarov, P.G. Gaidukov]. – M.: IA RAN, 2010. – P. 260. (In Russian)

GOREMYKINA V.I. *Pamyatniki ehpokhi bronzy i rannego zheleza na territorii Kabardino-Balkarskoi ASSR* [Monuments of the Bronze and Early Iron Age on the Territory of the Kabardino-Balkar Autonomous Soviet Socialist Republic]. IN: *Local History Notes*. – Nalchik, 1961. – Iss. I. – P. 91-108. (In Russian)

GOREMYKINA V.I. *Poseleniya bronzovogo i zheleznoogo veka na territorii Tsentral'nogo Predkavkaz'ya* [Bronze and Iron Age settlements on the territory of the Central Ciscaucasia]. IN: *Tezisy dokladov na nauchno-teoreticheskoi konferentsii 1965 g. v Minske* [Abstracts at the scientific and theoretical conference of 1965 in Minsk]. – Minsk, 1965. – P. 480-485. (In Russian)

GOREMYKINA V.I. *Tupik na puti sionizma* [Dead end on the path of Zionism]. – Rybinsk, 2004. – 61 p. (In Russian)

GOREMYKINA V.I. *V poiskakh istiny o rannem khristianstve* [In search of the truth about early Christianity]. – Minsk: Belarus, 1989. – 93 p. (In Russian)

GOREMYKINA V.I. *Vozniknovenie i razvitie pervoi antagonisticheskoi formatsii v srednevekovoi Evrope: (Opyt ist.-teoret. issled. na materiale varvar. korolevstv Zap. Evropy i Drev. Rusi)* [The genesis and development of the first antagonistic formation in Medieval Europe: (The experience of the historical-theoretical study on the material of the barbarian kingdoms of Western Europe and Ancient Russia)]. – Minsk: BGU, 1982. – 248 p. (In Russian)

GOREMYKINA V.I. *Vozniknovenie i razvitie pervoi antagonisticheskoi formatsii v srednevekovoi Evrope: (Opyt ist.-teoret. issled. na materiale varvar. korolevstv Zap. Evropy i Drev. Rusi). Avtoref. dis. na soisk. uchen. step. d-ra ist. nauk: (07.00.03).* [The genesis and development of the first antagonistic formation in Medieval Europe: (The experience of the historical-theoretical study on the material of the barbarian kingdoms of Western Europe and Ancient Russia). Abstract of dissertation for the degree of doctor of historical sciences] – L.: LGU, 1987. – 33 p. (In Russian)

GOREMYKINA V.I. *Vozniknovenie sobstvennosti na zemlyu* [The emergence of land ownership]. – Minsk: Universitetskoe, 1991. – 78 p. (In Russian)

GREKOV B.D. *Kievskaya Rus'* [Kiev Rus']. – Ed. 3rd. – M.; L.: AN SSSR, 1939. – 282 p. (In Russian)

GUBANOV, LEONID. *Problemy Russkogo Natsional'nogo Dvizheniya* [Problems of the Russian National Movement]. 31.01.2014. IN: *Zhivoi zhurnal: setevoe soobshchestvo* [LiveJournal: network community. Electronic resource]. URL: <https://gubanov-leonid.livejournal.com/1580.html> (Date of access: 7.01.2020).

Istoricheskaya spravka o kafedre novoi i noveishei istorii Belorusskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. Maksima Tanka [Historical background of the Department of Modern and Contemporary History of the Belarus State Pedagogical University named after Maxim Tank]. URL: <https://fhist.bspu.by/kafedry/novoi-i-noveishei-istorii> (Date of access: 7.12.2019).

Istoricheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1934–2004: Ocherk istorii / Otv. red. A.Yu. Dvornichenko. [Faculty of History, St. Petersburg University, 1934–2004: Essay on History. Ed. by A.Yu. Dvornichenko]. – SPb.: Izd-vo SPb.GU, 2004. – 390 p. (In Russian)

KHAMINOV D.V. *Istoricheskoe obrazovanie i nauka v Tomskom universitete v kontse XIX – nachale XX v.* [Historical education and science at Tomsk University in the late XIX – early XX century]. – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2011. – 270 p. (In Russian)

KHOMUTOV S.A. *Мы были первыми. К 25-летию издательства «Рыбинское подворье»* [We were the first. To the 25th anniversary of the publishing house «Rybinsk Compound»]. – Rybinsk: Rybinskoe podvor'e, 2015. – 48 p. (In Russian)

Letopis' istoricheskogo fakul'teta [Chronicle of the History Faculty]. IN: *Letopis' Moskovskogo universiteta: sait* [Chronicle of Moscow University: Website]. URL: <http://letopis.msu.ru/content/letopis-istoricheskogo-fakulteta> (Date of access: 7.01.2020)

Letopis' Moskovskogo universiteta. Istoricheskii fakul'tet / Pod obshechi red. S.P. Karpova [Chronicle of Moscow University. Faculty of History. Ed. by S.P. Karpov]. – Ed. 2-nd. – M.: Izd-vo MGU, 2014. – 528 p. (In Russian)

MURATOVA E.G. *U istokov podgotovki arkheologov v Kabardino-Balkarskom gosudarstvennom universitete* [At the origins of the training of archaeologists at the Kabardino-Balkar State University]. IN: *Paradigmy universitetskoj istorii i perspektivy universitetologii (k 50-letiyu Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I.N. Ul'yanova): sbornik statei. V 2 t.* [Paradigms of university history and prospects of university studies (To the 50th anniversary of the Chuvash State University named after I.N. Ulyanov): Collection of articles. In 2 vols. – Vol. 1]. – Cheboksary: Izdat. dom «Sreda», 2017. – P. 180-185. (In Russian)

Personalii (stranitsy v kategorii «Personalii») [Personalities (pages in the "Personalities" category)]. IN: *Elektronnaya entsiklopediya Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: sait* [Electronic Encyclopedia of Tomsk State University: website]. URL: <http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/Kategoriya:Personalii> (Date of access: 8.02.2020).

REPINA L. P. *O predmetnom pole universitetologii* [On the subject of universityology]. IN: *Zapad–Vostok* [West – East]. – 2018. – No 11. – P. 9-12. DOI: <https://doi.org/10.30914/2227-6874-2018-11-9-12>. (In Russian)

STUPNIKOV R.N. *Poseleniya ehpokhi pozdnei bronzy i rannego zheleza na territorii Zol'skogo raiona i Pyatigor'ya* [Settlements of the Late Bronze and Early Iron Age on the territory of the Zolsky District and Pyatigorye]. IN: *Sbornik studencheskikh nauchnykh rabot Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Collection of student research papers of Kabardino-Balkar State University]. – Nalchik, 1961. – Iss. 2. – P. 17-22. (In Russian)

TsGA KBR – Tsentralnyi gosudarstvennyi arkhiv Kabardino-Balkarskoi Respubliki [The Central State Archive of the Kabardino-Balkarian Republic].

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Этнография, этнология, антропология

УДК 94(470.67)

DOI 10.31143/2542-212X-2020-3-154-164

**РАЗВИТИЕ РЕМЕСЕЛ И ПРОМЫСЛОВ РАВНИНЫ И ПРЕДГОРЬЯ И
ИХ МЕСТО В ЭКОНОМИКЕ ДАГЕСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ НА РУБЕЖЕ
XIX-XX ВВ.****Г.М. ГУСЕЙНОВ**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет»
367008, РФ, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Гаджиева, д. 43-а
E-mail: gadgi_botlih@mail.ru*

Аннотация. Наиболее важным результатом сложного и длительного процесса присоединения Дагестана к России являлось оживление экономической жизни в области. Проведенные во второй половине XIX в. буржуазные реформы в стране способствовали проникновению в экономику Дагестана капиталистических отношений, которые имели свои тенденции и региональные особенности. В связи с этим, в представленной статье, на основе выявленных архивных документов и материалов и широкого круга других источников, предпринимается попытка объективного исследования специфики развития ремесел и промыслов, имевших место на равнине и в предгорье Дагестанской области на рубеже XIX-XX вв. Эволюция промыслов и их приспособление к новым условиям послужило постепенному втягиванию Россией горцев, и в первую очередь равнины и предгорья, в процесс капиталистического развития. Важным результатом вхождения равнинного и предгорного Дагестана в капиталистический мир стало появление и развитие фабрично-заводской промышленности в области, что послужило толчком для социально-экономического развития данного региона.

Ключевые слова: Дагестанская область; рыбный промысел; ремесло; кустарная промышленность; рыночные отношения; равнина; предгорье.

**DEVELOPMENT OF CRAFTS AND INDUSTRIES ON THE PLAINS AND
FOOTHILLS OF DAGESTAN AND THEIR ROLE IN THE ECONOMY OF
THE REGION AT THE TURN OF THE XIX-XX CENTURIES****G.M. GUSEYNOV**

*Federal state budgetary educational institution of higher education «Dagestan state University»
367008, RF, Republic of Dagestan, Makhachkala, Gadzhiev st., 43-a
E-mail: gadgi_botlih@mail.ru*

Abstract. The most important result of the complex and long process of joining Dagestan to Russia was the revival of economic life in the region. The bourgeois reforms carried out in the second half of the XIX century in the country contributed to the penetration of capitalist relations into the economy of Dagestan, which had their own trends and regional characteristics. In this regard, the presented article, based on the identified archival documents and materials and a wide range of other sources, attempts to objectively study the specifics of the development of crafts and industries that took place on the plain and in the foothills of the Dagestan region at the turn of the XIX-XX centuries. The evolution of crafts and their adaptation to new conditions served as a gradual involvement of the Russian highlanders, and especially the plains and foothills, in the process of capitalist development. An important result of the entering of plains and foothills of Dagestan into the capitalist world was the emergence and development of factory industry in the region, which served as a good reason for the socio-economic development of this region.

Keywords: Dagestan region; fishing; craft; artisanal industry; market relations; plain; foothills.

В начале пореформенного периода дальнейшее развитие на равнине и предгорье Дагестана получили разнообразные промыслы. В малоземельном Дагестане различные виды кустарных промыслов занимали в экономике третье по значению место – после традиционных отраслей сельского хозяйства – животноводства и земледелия, давая от одной пятой до половины валового дохода в бюджете отдельных крестьянских хозяйств. Они являлись важным подспорьем в бюджете сельского хозяйства. Но с развитием изделия стали все более приобретать товарный характер, а для их изготовления стали чаще использовать привозное сырье. Однако далеко не все промыслы выдерживали конкуренцию с развивающейся фабричной промышленностью. Так, в Дагестане постепенно приходило в упадок кустарное оружейное производство. Большая часть продукции (за исключением ювелирных изделий и ковров) ориентировалась на местные рынки сбыта.

На рубеже XIX-XX вв., в условиях происходившего процесса классовой дифференциации и развития товаро-денежных отношений в деревне «крестьянская домашняя промышленность Дагестана все более перерастала в ремесло и принимала форму мелкотоварного производства» [Булатов 1996: 59].

«Изменения в жизни кустарных промыслов Дагестана, в том числе его равнинной и предгорной части, тонко подметил Е.И. Козубский в своем докладе, прочитанном на 1-ом съезде деятелей по кустарной промышленности Кавказа в Тифлисе в 1902 г. «Фабричные продукты», – говорил он, – начинают конкурировать с изделиями кустарей. Достаточно указать на факт довольно широкой распродажи в городах области сукна, выделанного московскими фабриками по образцу туземного. Но, несмотря на это, и теперь, вероятно, еще долгое время, кустарная промышленность, обрабатывающие все виды местного сырья, будет распространено в области повсюду, при чем, почти каждый из ее округов выделяется одним или несколькими производствам. В экономической жизни населения области, кустарная промышленность играет видную роль и служит одним из главных источников народного благосостояния» [Козубский 1902; 76].

Когда такие промыслы, как шелкоткацкий, хлопчатобумажный, кустарная выделка железа, изготовление огнестрельного оружия, под влиянием конкуренции привозимых заводских товаров начали терять свое значение, другие – производство, связанное с переработкой шерсти, укрепляли свои позиции. Так, широко практиковалось производство изделий из шерсти в селениях Кюринского округа (Цмур, Гапца, Кон-кент, Канвиль, Алкадар, Курах, Икра, Койсуп, Кур-кент и др.) В аулах Гели и Чиркей Темир-Хан-Шурина округа практиковалась выделка тулупов [Памятная книжка... 1901: 246].

Селение Ургмузда Кайтаго-Табасаранского округа было известно производством высокого качества сукна из верблюжьей шерсти (шерсть доставлялась из Средней Азии и Астраханской губернии) и белого сукна из специальных сортов шерсти и козьего пуха. Спрос населения на сукно был велик, его сбыт распространялся не только внутри Дагестанской области, но и в Закавказье, Персии и Малой Азии» [Булатов 1996: 59]. В 1915 г. суконным производством в Дагестане было занято 68 тыс. женщин, производивших продукцию на 952 тыс. руб. [ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 3. Д. 8. Л. 44].

Широкое развитие в начале XX века получило ковроткачество, особенно в Кюринском округе. Производством качественных ковров и паласов также занимались мастерицы селений Темир-Хан-Шурина округа (Параул, Гели, Верхнее Казанище Дургели), чьи ковры продавались не только на российских, но и европейских рынках. В 1915 г. в Дагестане было произведено ковровой продукции на 200 тыс. руб. [ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 34. Л. 41].

Широкий спрос населения на изделия кустарей из различных металлов и дерева (косы, серпы, ножи, топоры, ножницы) в Кайтаго-Табасаранском, Кюринском, Темир-Хан-Шурина округах способствовал дальнейшему развитию этой продукции, несмотря на рост конкуренции таких же изделий со стороны фабричного производства.

Статистические данные на 1901 г. свидетельствуют, что число ремесленников и кустарей в Дербенте, Порт-Петровске, Темир-Хан-Шуре и в 9 округах области составляло 17 430 чел., в том числе в городах – 2209, в округах – 15221 [Памятная книжка... 1901: 248], т.е. численность ремесленников и подмастерьев в городах за десятилетний период с 1891 г. по 1901 г. увеличилось более чем в 2 раза.

В 1910 г. центром развитой кустарной промышленности являлся аул Карабудахкент Темир-Хан-Шурина округа, где изготавливались, главным образом, кинжалы, а также различные сельскохозяйственные орудия. Искусство мастеров достигло высокого уровня: цена кинжала колебалась от 2 до 10 руб. [ЦГА РД. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2. Л. 8].

В некоторых районах Дагестана существовал лесной промысел с изготовлением деревянной посуды. Центром сельского промысла по обработке дерева в начале XX в. являлся Кюринский округ (селения Шахи-кент, Чулат, Зограб-кент, Чилит, Карчаг, Касум-кент, Махмуд-кент и др. [Памятная книжка... 1901: 246]. Кустари старались приспособливаться к потребностям российского рынка, видоизменяя ассортимент своих изделий. Например, в

связи с развитием курортов Минводской группы мастера изготавливали деревянные трости, ручки для зонтиков, ножи для разрезания бумаги, подсвечники и другие изделия, охотно покупаемые курортниками.

Значительное развитие среди жителей равнины и предгорья получили гончарный (в селениях Сулевкент, Испик, Джулии Кайтаго-Табасаранского округа), кожевенный (в селениях Ахмед-кент, Маджалис, Кудаку, Ирага, Дибгаша, Янги-кент Кайтаго-Табасаранского округа; Касум-кент, Цмур, Кабир Кюринского округа) промыслы [ЦГА РД. Ф. 71. Оп. 4. Д. 16. Л. 11].

К началу XX вв. в экономике Дагестана значительную роль играло развитие промыслов, где в ряде селений население занималось исключительно ремеслом. Число ремесленников в Дагестане в 1913 г. достигло 132,5 тыс. чел. [ЦГА РД. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2. Л. 8]. Для сравнения отметим, что в Ингушетии, Чечне, Балкарии, Кабарде, Карачае, на Дону, в Ставрополье ремесла являлись побочным занятием крестьянства наряду со скотоводством и земледелием.

По ходу развития рыночных отношений в некоторых случаях происходил процесс перерастания домашних промыслов в мелкотоварное производство. Определенную роль в этом играли посредники-скупщики, скупавшие крестьянскую продукцию, нередко снабжавшие мастеров сырьем, а также выступали и организаторами производства. В связи с этим товарное производство перерастало в капиталистическую мануфактуру, в то время, как, например, на Дону скупка готовой продукции имела место лишь в некоторых промыслах (деревообделочный, гончарный, винодельный, швейный), но ни в одном из них не была всеобъемлющей. Здесь процесс превращения скупщиков в предпринимателей капиталистического типа только начинался.

Еще в 1875 г. была учреждена специальная комиссия по исследованию кустарной промышленности, функционировавшая при Министерстве финансов России как структурная единица Совета торговли и мануфактур, призванная обследовать состояние народных промыслов и ремесел и оказывать необходимую поддержку их развитию. Вскоре подобные задачи и соответствующие функции были переложены на Министерство земледелия и госимущества, при котором образовался Кустарный комитет, в обязанности которого входили организация в центрах развитого ремесла школ для обучения молодежи, организация выставок лучших работ народных мастеров и создание оптовых складов в этих же центрах [Магомедов 1999: 146].

С 1901 г. при уполномоченном министерства земледелия на Кавказе был задействован Кавказский кустарный комитет, начавший научно-исследовательскую работу по изучению местных промыслов и ремесел, проведен съезд деятелей кустарной промышленности Кавказа (Тифлис, 1902 г.). Среди докладов, прозвучавших на этом съезде, два, положили начало целенаправленному и систематическому изучению промыслов и ремесел Дагестана: секретаря Дагестанского статистического комитета Е.И. Козубского [Козубский 1902] и Бакинского пробирера В.К. Згленицкого [Згленицкий 1902]. Значительное внимание съезд уделил традиционной технологии в шерстообработке.

Однако подобные меры не могли дать больших результатов – вместе с ростом ряда промыслов увеличился процесс общественного разделения труда, отделения промышленности от земледелия, зарождения и развития более высоких форм промышленности.

Широкому развитию консервной промышленности способствовало наличие сырьевой базы для производства фруктовых консервов и дешевой рабочей силы. Население многих аулов Южного и Северного Дагестана ввиду отсутствия удобных дорог и опыта консервирования продуктов садоводства и виноградарства, частично вывозило фрукты для продажи в города. Поэтому жители не были материально заинтересованы в расширении площади садов и виноградников. «В конце 1893 г. с пуском в эксплуатацию петровской линии Владикавказской железной дороги, для дагестанских фруктов открылся широкий доступ на рынки России» [Булатов 1996: 68]. Число предприятий консервной промышленности заметно возросло, к 1903 г. в Темир-Хан-Шуре уже функционировало 15 заводов [Обзор Дагестанской области... 1904: 94]. Фруктовое пюре из абрикосов, персиков, груш и яблок имело широкий спрос в кондитерской промышленности России, что послужило толчком к дальнейшему развитию консервной промышленности в Дагестане. В 1910 г. насчитывалось 18 консервных заводов [Обзор Дагестанской области... 1911: 46], в 1915 г. – 34 [Обзор Дагестанской области... 1916: ведомость № 8].

Особую роль в жизни населения Прикаспийского побережья играл рыболовный промысел. В развитии рыболовства Дагестанской области 1890-е годы считаются исходным рубежом, открывающим новый, главный этап развития рыбной промышленности Дагестана. К 1914 г. удельный вес улова рыбы на Каспии в общероссийском рыболовстве увеличился, в то время как доля, например, Черноморского и Азовского бассейнов сокращалась. Во многом это объяснялось хищническим отношением к отлову рыбы. Основные рыболовные промыслы переместились на Каспий. Так, в 1911 г. Прикаспийский район доставлял 23 167 тыс. пудов рыбы, а Черноморский – 4 182 пуда, т.е. вместе они давали 27 349 пудов из 35 671 тыс. пудов добычи рыбы во всей европейской России (и более половины во всей Российской империи).

Общая доходность Прикаспийских и Причерноморских промыслов достигала почти 73 млн. руб. [ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 3. Д. 8. Л. 44]. Например, в Табасаранском округе Дагестана в 1902 г. ловлей рыбы занимались 49 ватаг, в которых в обычное время было 400 рыбаков, а во время лова – 9750 человек. [ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 3. Д. 8. Л. 44]. Кроме индивидуального, мелкого предпринимательского и артельного лова, добычей рыбы занимались крупные фирмы, одной из которых являлась астраханская фирма «Братья Сапожниковы», контролировавшая значительную часть ловли рыбы в Каспийско-Волжском бассейне, а также на Тереке и Кубани.

О развитии каладного промысла лова красной рыбы в Дагестанском районе Каспийского моря И.Ф. Правдин в 1912 г. писал так: «В шамхальских водах каладой пользуются более 5 лет, но и этого времени оказалось достаточно, чтобы калада приобрела первое место в числе всех других орудий рыболовства...» [Правдин 1912: 201]. О размещении производительных сил

краснорыбного промысла в Дагестанской области можно судить по количеству лодок, действовавших на отдельных участках моря. Так, в 1910 г. в районе Порт-Петровска каладный лов велся на 70 лодках, на промысле Манас – на 40, на промысле Буйнак – на 50, на промысле Инчхе – на 40 [Правдин 1912: 2]. Вся красная рыба, добываемая в дагестанских водах Каспия, шла на заморозку, при этом посол не производился в связи с требованиями рынка. В 1913 г. водные просторы шамхала Тарковского взяла в аренду фирма З. Тагиева, который сразу же построил в Порт-Петровске большой холодильник. В 1914 г. фирмой З. Тагиева был получен самый большой улов осетровых – 26,2 тыс. центнеров [Правдин 1912: 3]. В южных водах дагестанского рыбопромыслового района Каспия рыбный каладный лов начал действовать в 1909 г. на промысле Гюргенчай, где он велся на 60 лодках. Однако, «условия промысла при наличии больших глубин оказались неблагоприятными и в 1912 г. лов красной рыбы был здесь прекращен» [ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 3. Д. 12. Л. 197].

Каладный лов приносил рыбопромышленникам значительные доходы, но хищнический лов нанес большой урон в подрыве запасов осетровых рыб Каспийского бассейна. Лов подобным способом был запрещен законом в 1905 г., при чем действие этого закона не распространялось на воды, принадлежавшие наследникам шамхала Тарковского. Повсеместное же запрещение употребления в Каспийском море наживной крючковой снасти было узаконено 23 марта 1914 г. [Недошивин, Михин 1927: 69].

Общая добыча красной рыбы сулакского морского промысла в 1911 г. составляла более 2 тыс. центнеров. В море добывалось 125,4 центнеров икры, составлявшей 6,3 % к весу тела красной рыбы, в то время как в речных уловах выход икры составлял 15,3 % [ЦГА РД. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2. Л. 8].

Расположенные по морским берегам и устьям рек осетровые промыслы служили в основном местом приемки и обработки рыбы и получили название «скупных промыслов». Владельцами этих промыслов являлись мелкие, средние и даже крупные рыбопромышленники, начавшие активное освоение западного побережья Каспия еще в 1880-х. Рыбопромышленники, принимая или скупая от рыбаков рыбу, вступали с ними в договорные соглашения. Ловцы делились на две категории, подрядных и вольных, в соответствии с чем складывались и различные взаимоотношения между ловцами и рыбопромышленниками.

На базе крупных капиталовложений и развития каладного способа лова промысел осетровых в Дагестане достиг наибольшего развития в 1911-1915 гг., а среднегодовая добыча красной рыбы в указанный период увеличилась более чем в 2 раза. Однако, развитие морского краснорыбного промысла у берегов Дагестана не сыграло решающей роли в формировании рыбодобывающей и рыбообрабатывающей промышленности области – эта роль полностью принадлежала сельдяному промыслу [Надирадзе 1969: 143].

За 1908 г. Петровск и Дербент стали крупными центрами рыбной торговли, куда весной, во время лова сельди, съезжались промышленники и торговцы рыбой, в основном из южных губерний, а также тысячи рабочих [Обзор Дагестанской области... 1909: 43]. Арендуя свободные участки

первоначально совсем за бесценок, рыбопромышленники охотно вкладывали в это дело свои капиталы [Бородин 1903: 34].

Привлеченные перспективами быстрого и легкого обогащения, за организацию сельдяного промысла брались и люди, плохо знакомые с методами ведения рыбного хозяйства и техникой рыболовства. В короткий срок сельдяной промысел, продвигаясь с севера на юг, занял все западное побережье Каспия. Промыслы переходили из рук в руки, от одного арендатора к другому. Разоряясь из-за недолова и конкуренции, мелкие рыбопромышленники оставляли начатое дело, которое тут же переходило в руки другого предпринимателя. Например, рыбопромышленник Афанасьев, открывший промысел на Рубасе в связи с проведением железной дороги, вскоре был вынужден передать свое дело фирме братьев Ванецовых. Расширив его, увеличив число рубасских промыслов до четырех, Ванецовы в свою очередь, не удержали их и сдали рыбопромышленникам Мирзоеву и Арзуманову. Ванецовы же, взяли участок южнее и построили промыслы Белиджи и Гюргенчай [Дагестанская промышленность... 1925: 158].

Таким образом, мелкие рыбопромышленники, не выдерживая конкуренции и разоряясь, постепенно отсеивались, а сельдяные промыслы сосредотачивались в руках наиболее крупных арендаторов, строивших свои предприятия на сравнительно прочной технической основе при больших капиталовложениях. Период бурного развития сельдяного промысла охарактеризовал Н.А. Бородин в 1904 г. «Значение этих промыслов, – писал он, – стало все более и более очевидным, а в 1900-1902 гг. в сельдяном деле этого края замечается настоящая горячка, выразившаяся в небывалом развитии этого дела по всему западному берегу Каспия, который из недавно еще пустынного и безлюдного, и почти не видевшего русского человека превращается ныне, в сезон рыбной ловли, в уголок астраханских промыслов с огромным количеством рабочих и сильным промысловым вооружением, дающим возможность в несколько недель заготовить многие сотни вагонов превосходного и притом доступного по цене народной массе рыбного пищевого продукта. Весь юг России питается уже петровской и дербентской сельдью морского лова» [Бородин 1903: 34].

В связи с наплывом рыбопромышленников, желающих арендовать рыболовные участки, арендная плата на дагестанские воды Каспия значительно возросла. Так, например, рыболовные участки Дербента в 1892 и 1893 г (до открытия движения по петровской линии Владикавказской железной дороги) сдавались в аренду за 650 руб. в год, а в 1899 г. арендная плата увеличилась до 4205 руб. [Обзор Дагестанской области... 1900: 81]. В 1903 г. ловом рыбы занимались 50 арендаторов и действовало 79 селечных промыслов, на которых работали более 8 тыс. рабочих [Козубский 1904: 74]. Рыбная промышленность заняла ведущее место в экономике Дагестанской области, а города Порт-Петровск и Дербент превратились в крупные центры рыбной торговли. Сельдь сделалась «предметом спекуляции и своего рода биржевой игры», а красная и крупночастиковая рыба получили второстепенное значение.

Рыбные товары Дагестанской области нашли широкий спрос в юго-западных губерниях, на рынках центральной России, в столичных городах и даже за границей. Икра и балыки красной рыбы отправлялись в Вену и Берлин [Козубский 1904: 75]. В 1904 г. весь юг России снабжался петровской и дербентской сельдью [Бородин 1903: 35]. По данным В.И. Мейснера за 1912 г. «кавказский селедочный промысел завоевал себе вполне определенный и прочный рынок сбыта, охватывающий собой, главным образом, южную часть Европейской России» [Мейснер 1914: 130].

Уже в первое десятилетие сельдяной промысел Дагестана оказал непосредственное влияние на размещение сельдяного промысла всего Каспийского бассейна и занял в нем одно из ведущих мест, тем самым, явившись серьезным конкурентом рыбной промышленности Волго-Каспийского промыслового района. Наибольший улов сельди за всю историю сельдяного промысла наблюдался в 1917 г., когда в Каспийском море было добыто свыше 3300 тыс. центнеров сельди из которых 806,2 тыс. центнеров (24,4 %) приходилось на Дагестан [Махмудбеков, Дорошков 1956: 54].

Извозный промысел начала XX в. ассоциируется, прежде всего, с известным предпринимателем из с. Нижнее Казанище А. Даидбековым, который владел срочной почтой с перекладными через 15-20 км пути. Например, у Атлы-боюна, где меняли лошадей, имелись небольшая гостиница, буфет, конюшня. Из Темир-Хан-Шуры до Петровска почта Алмксуда доставляла пассажиров за 2,5-3 часа, в то время как на линейках, пассажиры добирались за 5 часов. Стоимость проезда до Петровска равнялась 1 рублю, до Кумуха – 3 рубля [Гаджиев 1992: 75].

14 апреля 1910 г. Даидбеков выкупил подряд на содержание почтовых станций. Он содержал 25 лошадей и станции в Дженгутае, Кази-Юрте, Урма, Леваши, Хаджал-Махи, Купиг, Кази-Кумух, Цудахаре, Кизил-Яре. Общий оборот в год имел 76356 руб. [ЦГА РД. Ф. 71. Оп. 4. Д. 23. Л. 22]. В дальнейшем он приобрел новых лошадей. Деньгами он получил 1913 руб. 97 коп., 272 руб. 50 коп и 186 руб. [ЦГА РД. Ф. 72. Оп. 3. Д. 2. Л. 97].

На подрядных работах Даидбеков так разбогател, что стал одним из самых состоятельных купцов в Дагестане, принимал активное участие в общественной жизни области.

По мере изменений, происходящих в социальной и экономической среде дагестанского общества равнины и предгорья, «менялись и формы основных промыслов, переходящих в ремесла и, наконец, в твердо слагавшиеся структуры, так называемую «крестьянскую промышленность», еще и со специализацией по изготовлению различных поделок» [Габиев 1973: 20].

Яркой и уникальной страницей истории мастерства и ремесел следует считать участие дагестанцев с 1850 по 1914 гг. в 42 региональных, общероссийских и всемирных выставках, из них 17 всемирных. На этих выставках дагестанцы получили 360 золотых, серебряных, бронзовых медалей и похвальных грамот. Таких результатов не имел ни один регион России. Эти выставки открыли миру Дагестан, который прославился сам и прославил Россию.

Таким образом, Россия постепенно втягивала дагестанцев и в первую очередь равнины и предгорья в водоворот капиталистического развития. Вследствие этого нарушалась патриархальная замкнутость, разрушались феодальные формы хозяйства, ускорялось социально-экономическое развитие рассматриваемых регионов. Происходила эволюция промыслов и их приспособление к новым условиям. Шел ускоренный процесс превращения домашних промыслов в ремесла и возрастания их товарности. Складывался рынок, когда из России в Дагестан ввозились товары фабрично-заводского производства, а из Дагестана изделия вывозились в Россию. Важным результатом втягивания равнинного и предгорного Дагестана в сферу капиталистических отношений стало появление и развитие фабрично-заводской промышленности.

В начале XX в. заметных успехов, главным образом, благодаря притоку капитала и рабочей силы извне, добилась в Дагестане капиталистическая промышленность.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бородин 1903 – *Бородин Н.А.* Каспийско-волжское рыболовство и его экономическое значение. – СПб.: [б.и.], 1903. – 96 с.

Булатов 1996 – *Булатов Б.Б.* Дагестан на рубеже XIX – начала XX в. – Махачкала: ТОО «Радуга», 1996. – 288 с.

Габиев 1973 – *Габиев Д.-М.С.* Лакское ювелирное искусство в XIX – начале XX века // Научно-исследовательский институт художественной промышленности Госместпрома РСФСР (Москва). Сборник трудов. Вып 7. – М.: Легкая индустрия, 1973. – 294 с.

Гаджиев 1992 – *Гаджиев Б.И.* Темир-Хан-Шура. – Буйнакск: Городской совет народных депутатов. Краеведческий музей, 1992. – 172 с.

Дагестанская промышленность... 1925 – *Дагестанская промышленность* за пять лет. 1920-1925: общий обзор ко дню пятилетнего юбилея Дагестанского Центрального совета народного хозяйства. – Буйнакск: Типолиитография Дагнаркомпроса, 1925. – 237 с.

Згленицкий 1902 – *Згленицкий В.К.* Кустарное производство золотых и серебряных изделий в Бакинском районе и Дагестане и предполагаемые меры для упорядочения и развития оною // Труды Первого съезда деятелей по кустарной промышленности Кавказа. – Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1902. – 208 с. – С. 190-195.

Козубский 1902 – *Козубский Е.И.* Очерк кустарной промышленности в Дагестанской области // Труды Первого съезда деятелей по кустарной промышленности Кавказа. – Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1902. – 208 с. – С. 75-79.

Козубский 1904 – *Козубский Е.И.* Дагестанский сборник / Составитель Е.И. Козубский. – Темир-Хан-Шура: "Русская типография" В.М. Сорокина, 1904. – Вып. II. – 390 с.

Магомедов 1999 – *Магомедов А.Д.* Традиционное художественное ремесло Дагестана (XIX – начало XX века). – Махачкала: ДНЦ РАН, 1999. – 204 с.

Махмудбеков, Дорошков 1956 – *Махмудбеков А.А., Дорошков П.К.* Сельди Каспия. – Баку: ВНИРО, 1956. – 75 с.

Мейснер 1914 – *Мейснер В.И.* Сельдяной промысел на Кавказском побережье Каспийского моря: (Работы экспедиции в 1912 г.). – Петроград: Типография В.Ф. Киршбаума, 1914. – 147 с.

Надирадзе 1969 – *Надирадзе А.А.* Развитие и размещение рыбной промышленности Дагестана в дореволюционный период. – Махачкала: Изд-во Дагестанского филиала АН СССР, 1969. – 198 с.

Недошивин, Михин 1927 – *Недошивин А.Я., Михин В.С.* Исследование каладного лова у дагестанских берегов Каспийского моря // Известия отдельной прикладной ихтиологии. – 1927. – Т. VI. – Вып. 1. – 184 с.

Обзор Дагестанской области ... 1904 – *Обзор Дагестанской области* за 1903 г. – Темир-Хан-Шура: "Русская типография" В.М. Сорокина, 1904. – 167 [42] с., [2] л. табл.

Обзор Дагестанской области... 1900 – *Обзор Дагестанской области* за 1899 г. – Темир-Хан-Шура: "Русская типография" В.М. Сорокина, 1900. – 165 [86] с., [8] л. табл.

Обзор Дагестанской области... 1909 – *Обзор Дагестанской области* за 1908 г. – Темир-Хан-Шура: Типография "Дагестань", 1909. – 100, [38] с.

Обзор Дагестанской области... 1911 – *Обзор Дагестанской области* за 1910 г. – Темир-Хан-Шура: Типография "Дагестань", 1911. – 100, [40] с. : табл.

Обзор Дагестанской области... 1916 – *Обзор Дагестанской области* за 1915 г. – Темир-Хан-Шура: Паровая типо-липография М.М. Мавраева, 1916. – 63, [32] с.: табл.

Памятная книжка... 1901 – *Памятная книжка* и адрес-календарь Дагестанской области на 1901 г. / Дагест. ОСК; Изд. под ред Е.И. Козубского. – Темир-Хан-Шура: "Русская типография" В.М. Сорокина, 1901. – 257 с.

Правдин 1912 – *Правдин И.Ф.* К вопросу о каладе. – СПб.: Типо-лит. М. П. Фроловой, [1912]. – 7 с. – Отт. из "Вестник рыбопромышленности". – № 6/7. – 1912.

ЦГА РД – Центральный государственный архив Республики Дагестан.

REFERENCES

BORODIN N.A. *Kaspiisko-volzhs кое rybolovstvo i ego ekonomicheskoe znachenie* [Caspian-Volga fisheries and its economic importance]. – SPb.: [w.p.], 1903. – 96 p. (In Russian)

BULATOV B.B. *Dagestan na rubezhe XIX – nachala XX v.* [Dagestan at the turn of the 19th and early 20th centuries] – Makhachkala: «Raduga», 1996. – 288 p. (In Russian)

Dagestanskaya promyshlennost za pyat' let. 1920-1925: obshchii obzor ko dnyu pyatiletnego yubileya Dagestanskogo Tsentral'nogo soveta narodnogo khozyaistva [Dagestan industry for five years. 1920-1925: general overview of the five-year anniversary of the Dagestan Central Council of The National Economy]. – Buinaksk: Tipolitografiya Dagnarkomprosa, 1925. – 237 p. (In Russian)

GABIEV D.-M.S. *Lakskoe yuvelirnoe iskusstvo v XIX – nachale XX veka* [Lak jewellery in the 19th and early 20th centuries]. IN: *Nauchno-issledovatel'skii institut khudozhestvennoi promyshlennosti Gosmestproma RSFSR (Moskva). Sbornik trudov* [Research Institute of Art Industry of the State Placeprom RSFSR (Moscow). A collection of works]. – No. 7. – M.: «Legkaya industriya», 1973. – 294 p. (In Russian)

GADZHIEV B.I. *Temir-Khan-Shura* [Temir-Khan-Shura]. – Buinaksk: Gorodskoi sovet narodnykh deputatov. Kraevedcheskii muzei, 1992. – 172 p. (In Russian)

KOZUBSKY E.I. *Dagestanskii sbornik / Sostavitel' E.I. Kozubskii* [Dagestan compilation. Compiled by E.I. Kozubsky]. – Temir-Khan-Shura: "Russkaya tipografiya" V.M. Sorokina, 1904. – Iss. II. – 390 p. (In Russian)

KOZUBSKY E.I. *Ocherk kustarnoi promyshlennosti v Dagestanskoi oblasti* [Essay of artisanal industry in Dagestan region]. IN: *Trudy Pervogo s"ezda deyatelei po kustarnoi promyshlennosti Kavkaza* [Works of the First Congress of Artists on The Artisanal Industry of the Caucasus]. – Tiflis: Tipografiya kantselyarii glavnonachal'stvuyushchego grazhdanskoi chast'yu na Kavkaze, 1902. – P. 75-79. (In Russian)

MAGOMEDOV A.D. *Traditsionnoe khudozhestvennoe remeslo Dagestana (XIX – nachalo XX veka)* [Traditional art craft of Dagestan (XIX – early 20th century)]. – Makhachkala: DNTs RAN, 1999. – 204 p. (In Russian)

MAKHMUDBEKOV A.A., DOROSHKOV P.K. *Sel'di Kaspiya* [Herring of Caspian]. – Baku: VNIRO, 1956. – 75 p. (In Russian)

MEISNER V.I. *Sel'dyanoi promysel na Kavkazskom poberezh'e Kaspiiskogo morya: (Raboty ekspeditsii v 1912 g.)* [Herring fishing on the Caucasian coast of the Caspian Sea: (Expedition works in 1912)]. – Petrograd: Tipografiya V.F. Kirshbauma, 1914. – 147 p. (In Russian)

NADIRADZE A.A. *Razvitie i razmeshchenie rybnoi promyshlennosti Dagestana v dorevolyutsionnyi period* [Development and deployment of Dagestan's fishing industry in the pre-revolutionary period]. – Makhachkala: Izd-vo Dagestanskogo filiala AN SSSR, 1969. – 198 p. (In Russian)

NEDOSHIVIN A.YA., MIKHIN V.S. *Issledovanie kaladnogo lova u dagestanskikh beregov Kaspiiskogo morya* [Study of kalad fishing of the Dagestan coast of the Caspian Sea]. IN: *Izvestiya otdel'noi prikladnoi ikhtiologii* [The news of a separate applied ichthyology]. – 1927. – Vol. VI. – No. 1. – 184 p. (In Russian)

Obzor Dagestanskoi oblasti za 1899 g. [A 1899 review of the Dagestan region]. – Temir-Khan-Shura: "Russkaya tipografiya" V.M. Sorokina, 1900. – 165 [86] p., [8] l. tabl. (In Russian)

Obzor Dagestanskoi oblasti za 1903 g. [A 1903 review of the Dagestan region]. – Temir-Khan-Shura: "Russkaya tipografiya" V.M. Sorokina, 1904. – 167 [42] p., [2] l. tabl. (In Russian)

Obzor Dagestanskoi oblasti za 1908 g. [A 1908 review of the Dagestan region]. – Temir-Khan-Shura: Tipografiya "Dagestan", 1909. – 100, [38] p. (In Russian)

Obzor Dagestanskoi oblasti za 1910 g. [A 1910 review of the Dagestan region]. – Temir-Khan-Shura: Tipografiya "Dagestan", 1911. – 100, [40] p. : tabl. (In Russian)

Obzor Dagestanskoi oblasti za 1915 g. [A 1915 review of the Dagestan region]. – Temir-Khan-Shura: Parovaya tipo-lipografiya M.M. Mavraeva, 1916. – 63, [32] p. : tabl. (In Russian)

Pamyatnaya knizhka i adres-kalendar' Dagestanskoi oblasti na 1901 g. / Dagest. OSK; Izd. pod red E.I. Kozubskogo [Commemorative book and address-calendar of The Dagestan region in 1901. Ed. by E.I. Kozubsky]. – Temir-Khan-Shura: "Russkaya tipografiya" V.M. Sorokina, 1901. – 257 p. (In Russian)

PRAVDIN I.F. *K voprosu o kalade* [To the question of kalada]. – SPb.: Tipo-lit. M. P. Frolovoi, [1912]. – 7 p. (Imprint from "Vestnik rybopromyshlennosti" [Herald of the Fisheries Industry]. – No. 6/7. – 1912). (In Russian)

Tsentrал'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Dagestan [Central State Archives of the Republic of Dagestan] (In Russian)

ZGLENITSKY V.K. *Kustarnoe proizvodstvo zolotykh i serebryanykh izdelii v Bakinskom raione i Dagestane i predpolagaemye mery dlya uporyadocheniya i razvitiya onogo* [Artisanal production of gold and silver products in the Baku district and Dagestan and the proposed measures for ordering and developing it]. IN: *Trudy Pervogo s"ezda deyatelei po kustarnoi promyshlennosti Kavkaza* [Works of the First Congress of Artists on The Artisanal Industry of the Caucasus]. – Tiflis: Tipografiya kantselyarii glavnonachal'stvuyushchego grazhdanskoi chast'yu na Kavkaze, 1902. – P. 190-195. (In Russian)

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КАВКАЗА

УДК 821.352.3

DOI 10.31143/2542-212X-2020-3-165-186

**ОБЛИК ИСЛАМСКОГО РЕФОРМАТОРСТВА В КАБАРДЕ
(ПО СТРАНИЦАМ «ВОСПОМИНАНИЙ» Х.У. ЭЛЬБЕРДОВА)****И.А. КАЖАРОВА**

*Институт гуманитарных исследований –
филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения
«Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии
наук» (ИГИ КБНЦ РАН)
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: barsello@rambler.ru*

Аннотация. На материале «Воспоминаний» известного адыгского просветителя, лингвиста, писателя и собирателя фольклора Х.У. Эльбердова прослеживается история культурных преобразований, совершившихся в Кабарде под влиянием исламского реформаторства рубежа XIX-XX вв. Актуальность подобной работы обусловлена тем, что до настоящего времени мемуары Х. Эльбердова не рассматривались не только в этом, но и в иных планах. Уделяется внимание описаниям старометодного образования, его традиций и атрибутов, свидетельствам его востребованности и распространенности в Кабарде. Определяются социальные условия, в которых претворялись идеи новометодников, освоенность адыгами довольно обширной географии распространения учебных заведений реформаторского толка, эпизоды противостояния джадидов и кадимистов. Многие детали воплощения в Кабарде идей исламского реформаторства выявляются через историю интеллектуальных поисков самого Х. Эльбердова и его знаменитого наставника – М.М. Фанзиева. Принимая во внимание время написания «Воспоминаний», анализ проводится с учетом трансформации системы ценностных представлений, неизбежного присутствия интерпретационных пределов, задающих писателю стандарты отражения описываемых событий.

Ключевые слова: исламское реформаторство; джадидизм; Хасан Эльбердов; воспоминания; Кабарда; конфессиональное образование; система ценностей; интерпретационные пределы.

**THE FACE OF ISLAMIC REFORMISM IN KABARDA
(FROM THE PAGES OF Kh.U. ELBERDOV'S "MEMOIRS")****I.A. KAZHAROVA**

*The Institute for the Humanities Research –
Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center
«Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS)
360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: barsello@rambler.ru*

Abstract. The history of cultural transformations that took place in Kabarda under the influence of Islamic reformism at the turn of the 19th – 20th centuries is traced in the article drawing on the material of «Memoirs» of the famous Adyghe educator, linguist, writer and collector of folklore Kh.U. El'berdov. The relevance of such work is due to the fact that to date, the memoirs of Kh. El'berdov have not been considered not only in this, but also in other plans. Attention is paid to the descriptions of old-method education, its traditions and attributes, evidence of its relevance and prevalence in Kabarda. The social conditions in which the ideas of the new methodologists were implemented, the development by the Circassians of the rather extensive geography of the spread of reform schools, episodes of the confrontation between the Jadids and Kadimists were determined. Many details of the embodiment of the ideas of Islamic reformism in Kabarda are revealed through the history of the intellectual searches of Kh. El'berdov himself and his famous mentor – M.M. Fanziev. Taking into account the time of writing «Memoirs», the analysis is carried out taking into account the transformation of the system of value representations, the inevitable presence of interpretative limits that set the writer standards for reflecting the events described.

Keywords: Islamic reformism; Jadidism, Khassan El'berdov; memories; Kabarda; confessional education; value system; interpretative limits.

Основания научного интереса, отправные понятия

Представить целостную картину преобразований, которые происходили в среде адыгов под влиянием исламского реформаторства рубежа XIX-XX вв., непросто. Свидетельства этого влияния стали изучаться сравнительно недавно, поэтому запечатлелись лишь некоторые факты и несколько связанных с ними имен. Особенно рельефно проступают новометодные школы, письменность на родном языке, становление национальной типографии, журналистики и две фигуры, без которых многое не состоялось бы: Адам Дымов и Нури Цагов. Все перечисленное, если говорить только о Кабарде, относят к двум первым десятилетиям прошедшего века. Дальнейшая жизнь идей исламского реформаторства не наблюдается. Как только установился новый политический строй, а с ним начала внедряться новая система ценностей, все эти достижения были представлены как часть «темного прошлого», «попытки классово враждебных панислаимстских элементов» [Теунов 1955: 82], а в более широким истолковании – как самые ранние, редкие и несовершенные попытки культурного прогресса адыгов [Теунов 1955: 251]. Тенденция начинает меняться приблизительно в середине 70-х: отрицательное отношение к религии, конечно, сохраняется, но с этих лет получает признание очевидное и значимое присутствие восточной (а по существу исламской!) линии в культурном развитии адыгов [Яфаунов 1976; Налоев 1978].

Процесс, вдохновлявший кабардинцев к организации новометодных школ, национальной печати и других новшеств, охватывал без малого весь исламский мир, а в России воплотился в движении джадидизма. Исследователи этого явления указывают, что «На Северном Кавказе идеи джадидизма не пустили глубоких корней. <...> Тем не менее в конце XIX – начале XX в. между мусульманами Северного Кавказа и Крыма устанавливались более тесные связи» [Бабич, Ярлыкапов 2003: 49]. Исламское реформаторское движение возникло как культурническая реакция на колонизаторскую политику

европейских стран, обнажившую неприспособленность мусульманского мира к новой, индустриальной эпохе. Местом его зарождения считается Египет, довольно быстро оно распространилось на ряд стран Ближнего и Среднего Востока, а в России охватило национальные области с мусульманским населением, особенно ярко проявив себя в Крыму, Поволжье, Средней Азии, Дагестане.

Как подчеркивает М.М. Аль-Джанаби, «главное для реформы – преобразование системы воспитания в соответствии с особыми традициями» [Аль-Джанаби 2014: 309]. И российский вариант исламского реформаторства от этой линии не отошел: «основной целью деятельности реформаторов-джадидов было стремление утвердить в России новометодную систему образования, с помощью которой молодое поколение мусульман должно было ознакомиться с достижениями европейской науки» [Малашенко 1998: 32]. Причем внутри самого исламского мира преобразования реформаторов встречали решительное сопротивление кадимистов – консерваторов. Но все перечисленное, разумеется, – черты масштабной и обобщенной картины, каждый «национальный фрагмент» которой имеет собственную историю и мотив к воплощению идей исламского реформаторства.

Помимо всколыхнувшего мусульманский мир «цивилизационного принуждения европейского Запада в отношении Востока» [Аль-Джанаби 2014: 36], в Кабарде существовали свои причины для борьбы образовательных ценностей за доминирующее положение. Как уже отмечалось, «...это было связано с тем, что окончившаяся поражением горцев Кавказская война и последовавшее за ней мухаджирство сделали вопрос о национальном самосохранении особенно болезненным» [Кажарова 2014: 32]. Своеобразным стимулом для восприимчивости адыгов к идеям исламского реформаторства также послужило внедрявшееся российской администрацией русскоязычное образование, через которое в адыгское общество входило понимание превосходства светской системы знаний над конфессиональной. Понимание было, но для подавляющего большинства адыгов учеба в русскоязычных образовательных заведениях доступна не была, кроме того не стоит игнорировать и ментальный фактор, не располагавший к подобным заведениям: в представлении большинства адыгов учеба в русскоязычной школе была равнозначна христианизации и обрусению.

Для нас немаловажно, что одно из средоточий движения, о котором идет речь, оказалось недалеко от Кабарды: «Глубже всего идеи джадидизма проникли в Дагестан, который к началу XX в. стал крупным исламским центром на всем Северном Кавказе и по изданию исламской литературы (Темирхан-Шура)» [Бабич, Ярлыкапов 2003: 50-51]. Останавливаться на том, что многие книги для кабардинских новометодных школ «были отпечатаны в той же Темирхан-Шуре и в столице джадидов Поволжья Казани» [Кауфов 2000: 15], а также в Каире («Иэдэбиат» Адама Дымова) [Ошнокова 2003: 9; Яфаунов 1976; Налоев 2009: 573], мы не станем. Факты эти известны и свидетельствуют о хорошо налаженных контактах адыгских джадидов. Только вот представление о самих джадидах затуманено тем, что часть культурной

истории, в которой они присутствуют, стала почти незримой благодаря ее нивелированию в жизнеописаниях представителей адыгской культуры раннесоветского периода. Арабоязычная образованность проходит как короткий и почти случайный фрагмент их биографии. Между тем целая плеяда адыгских деятелей первых десятилетий советского строя в истоке своего интеллектуального и нравственного становления имеет образование не просто конфессиональное, а с явным отпечатком исламского реформаторства.

Неприметность не то что реформаторского, а как такового «арабоязычного периода» в жизнеописаниях неудивительна, если учитывать идеологический фон их появления и то, что «портретируют» они первых деятелей советской культуры. Среди них Мажид Фанзиев, Пшикан Шекихачев, Тута Борукаев, ученик А. Дымова и Н. Цагова Али Шогенцуков. История их истинного отношения к религии и история описания их деятельности имеет свои нюансы. Не удерживая в поле зрения *процесс трансформации ценностных представлений, многие из которых были насаждаемы*, разобраться во всем этом очень непросто.

Исследователям еще предстоит работа по выявлению творческого и интеллектуального наследия этого периода, его забытых имен и фактов. Поэтому развернутое повествование очевидца и участника событий тех лет для нас особенно ценно. Оно интересно подробностями, которые приближают к искомой цельности понимания: дают возможность взглянуть с более близкого расстояния на культурный облик Кабарды того времени и судить о степени проявленности в ней реформаторского движения. «Воспоминания» известного адыгского просветителя, лингвиста, писателя и собирателя фольклора Хасана Увжуковича Эльбердова (1885-1967) до настоящего времени не рассматривались не только в этом, но и в иных планах.

Но прежде чем перейти к тексту «Воспоминаний», нам важно задержаться на понятиях и определениях, которые должны упорядочить рассмотрение интересующего нас феномена.

Итак, наш интерес связан с феноменом исламского реформаторства. Вряд ли будет преувеличением сказать, что наиболее информативные исследования, по которым можно судить об его отражении в культуре кабардинцев, принадлежат перу З.М. Налоева. Однако примечательно, что З. Налоев, открывший тему «восточного культурного канала» в среде адыгов, ни разу не прибегнул к формулировкам «исламское реформаторство» и «джадидизм», хотя, вроде бы, причастность прогрессивных адыгских «арабистов» к более широкому контексту преобразований исламской культуры от его взгляда не ускользает. «Как видно, – замечает он в работе «Колыбель кабардинского просвещения», – баксанский культурный очаг с самого начала имел творческие связи с другими подобными центрами как внутри страны (например, с Дагестаном, а впоследствии с Казанью), так и за рубежом – в особенности с Черкесским благотворительным обществом («Адыгэ фӀыщӀэ хасэ») в Стамбуле и университетом аль-Азхар в Каире» [Налоев 2009: 572]. Интересно также, что он оперирует понятием «новометодность», но нигде не упоминает усул-и джадид (что означает в переводе с арабского – «новый метод») и не называет

«своими именами» его популяризаторов – джадидов. Что послужило тому причиной, судить трудно, но можно предположить – стремление миновать вероятной ассоциации этого феномена с панисламизмом и пантюркизмом, ведь последние негативно истолковывались в России как дореволюционных, так и советских лет.

Размышляя о терминологическом разном, вообще характерном для описания мусульманских концепций, автор монографии «Мусульманские концепции в философии и политике» М.Т. Степанянц выделяет ряд следующих клише: «Модернизм, например, полностью отождествляется с реформаторством, реформизм – с реформаторством, ортодоксия – с возрожденчеством (которое еще называют традиционализмом, обновленчеством, фундаментализмом, ревайвализмом) и т. д.» [Степанянц 1982: 8]. Исследователь выделяет четыре типа религиозного сознания: ортодоксия, модернизм, реформаторство, возрожденчество. «Противниками ортодоксии, но в противовес модернистам поборниками перемен, согласуемых с духовными традициями, выступают *реформаторы*» [Степанянц 1982: 10].

Однако существенно расширяет хронологические рамки исламского реформаторства М.М. Аль-Джанаби. Такой подход он обосновывает тем, что «идейная парадигма реформ» пронизывает вообще всю историю существования ислама. Вероятно, по этой причине в его исследовании «реформизм» фигурирует как синоним «реформаторства». М.М. Аль-Джанаби ссылается на то, что «исламская история породила свои школы, свои разнообразные стили, методы и образцы реформаторской мысли» [Аль-Джанаби 2014: 12]. По его образному выражению, «восход» этого феномена совершился в «современном мусульманском реформизме», в «...идеях и действиях таких крупных его деятелей, как аль-Афгани, Мухаммед Абдо и аль-Кавакиби» [Аль-Джанаби 2014: 28].

Подводя условную черту под вопросом терминологии, надо также заметить, что в исследованиях, посвященных исламскому реформаторству, среди которых мы особо выделяем труды А. Малашенко [Малашенко 1998], И. Бабич и А. Ярлыкапова [Бабич, Ярлыкапов 2003] «возрождение», «модернизация» и «реформаторство» употребляются как взаимодополняющие и взаимозаменяемые понятия. Иными словами, на пересечении трудов, которые сыграли ведущую роль в нашем понимании исламского реформаторства, терминологическая строгость представляется маловероятной, однако для нас главное, что все они ведут речь об одном и том же объекте и тождественны в его трактовках.

Теперь мы вернемся к тому, о чем уже упоминали выше – необходимость удержания в поле исследовательского зрения трансформаций системы ценностных представлений, тем более что в начале минувшего столетия они происходили часто и имели выраженный характер. Как нам видится, важный подступ к более ясному пониманию явлений такого рода совершает М.С. Каган, говоря о том, что «полюсами» ценностного отношения «являются ценность и оценка; это отношение образуется особой формой связи объекта и субъекта» [Каган 1997: 50].

Для нас существенен сам факт некоторой обособленности, разведенности по полюсам ценности и оценки. Ценность в нашем случае – это феномен исламского реформаторства и его представители. Оценка же прочитывается в принципах повествования о них. Но это то, что актуализируем именно мы, находясь, если можно так выразиться, на своем культурно-историческом отрезке времени. Сами носители идей реформаторства видели безусловную ценность в переустройстве системы исламского образования, ведь переход мусульман (адыгского этноса) на более высокую ступень цивилизации иначе был невозможен. В этом убеждает неизменный лейтмотив публикаций А. Дымова, Н. Цагова и многочисленных авторов газеты «Голос адыга» [Адаб... 1991].

Ценностное отношение, как показывает М.С. Каган, «возникает в реальной социокультурной среде, в ней живет, функционирует и изменяется, на нее же и оказывает определенное воздействие» [Каган 1997: 55]. Хасан Эльбердов – очевидец той социокультурной среды, в которой реализовывались идеи исламского реформаторства. Период дружбы и творческого взаимодействия с новометодниками он описывает как переломный в длительной истории собственного самообразования. Относил ли он в ту пору себя к джадидам? Объективно на этот вопрос ответить невозможно, ведь свои воспоминания он записывал, пребывая уже в совершенно другой социокультурной среде. Точная дата написания «Воспоминаний» не указана, но его ученик З. Налоев, который в свое время подвиг Х. Эльбердова к этому труду, поясняет, что он приступил к нему после выхода на пенсию и продолжал дополнять до самой смерти. Хасана Эльбердова не стало в 1967 году. Понятно, что весь период работы над «Воспоминаниями» приходится на время, когда все связанное с религией возможно было оценивать только пренебрежительно.

Можно уверенно сказать, что интерпретационные пределы имели осязаемое влияние на автора «Воспоминаний», иное было невозможно. З. Налоев, снабдивший их очень подробными комментариями, осознавал степень этого влияния и старался по мере сил ее уменьшить: в 1993, когда книга увидела свет, подобное не требовало оглядок. Приведем одно из выразительных мест подобного «диалога» – комментарий к популярному тезису, сводящему образование примечетских школ к заучиванию молитв. В уточняющей реплике З. Налоева – свобода быть объективным: «В медресе, помимо молитв, о которых упоминает Эльбердов, также изучали арабский язык, Коран, историю пророков, логику (мантик)» (перевод наш. – И.К.) [Эльбердов 1993: 391].

Описание старометодного образования: значимость, традиции, атрибуты

В письменной культуре кабардинцев жанр мемуаров не особо популярен. Как замечает во вступительном слове З. Налоев, «нам неизвестно, чтобы до Эльбердова кто-либо из адыгов писал мемуары, есть те, что появились позднее (к слову, «Вид с белой горы» Алима Кешокова).

«Воспоминания» охватывают многое из того, что привлечет интерес наших литературоведов и историков: прежний уклад жизни, порядки, определявшие адыгские медресе и учебу в них (в том числе и способы преподавания), историю становления адыгской письменности и педагогики, образы их зачинателей, любопытные сведения о революции и гражданской войне, историю Баксанского медресе; историю становления кабардинской советской письменности, открытие советских учебных заведений, биографию самого автора, его путь к знаниям, обширную деятельность» (перевод наш. – *И.К.*) [Эльбердов 1993: 31].

В свете нашего интереса оказывается также существенным ракурс описываемых событий. Ведь реальность изображена в ее развороте к представителю той среды, для которой было доступно лишь профессиональное образование, потому здесь уловлены детали, невидимые для многих из тех, кто до него затрагивал тему дореволюционного просвещения адыгов.

Основную тему «Воспоминаний» – поиск и совершенствование знаний – *Х. Эльбердов* намечает еще в начале: «Когда мне исполнилось 5 лет, мой отец обучил меня арабскому алфавиту, нужно было запомнить названия букв. Тем самым, решил он, если я не позабуду их через год, значит, гожусь для учебы. Как сейчас помню, через год я безошибочно прочитал все буквы.

Однако на следующий год (в 1892) наш отец скорпостижно скончался, едва достигнув 39-летнего возраста. Свалившееся на нас горе заставило позабыть о моем образовании, и в течение двух-трех лет по поводу меня никто ничего не решал. Потом за мое обучение взялись два моих старших брата» (перевод наш. – *И.К.*) [Эльбердов 1993: 264]. Пусть косвенно, но здесь упомянут временной отрезок немалой протяженности, и, судя по всему, на этом отрезке исламское образование и понимание его значимости в среде простого народа является уже чем-то укоренившимся. Отец, будучи из крестьян (на что указывает сам Эльбердов), знал арабский алфавит, а стало быть, умел, как минимум, читать Коран. Кстати, немного позже Эльбердов посчитает нужным добавить к сказанному, что отец не просто умел читать Коран, но «какое-то время учился в медресе, и своих старших сыновей чтению Корана обучил сам» [Эльбердов 1993: 279]. Год рождения автора «Воспоминаний» – 1885, значит, отец обучался арабской грамоте приблизительно в середине или второй половине XIX века (наверняка, спустя совсем немного времени после покорения Кавказа). Как видим, старшие братья Хасана также овладели определенными знаниями, во всяком случае, могли хотя бы некоторое время обучать своего младшего брата. Пусть это была всего лишь полуграмотность, да и знания весьма специфические – образованность трактовалась прежде всего как знание священной книги мусульман, – но свидетельства отчетливого понимания важности этого образования, укорененности и распространенности самого понимания здесь есть: «В каждом селении имелось две-три мечети, таких сел, где имелась лишь одна мечеть, были единицы. К каждой мечети, за очень редкими исключениями, пристраивалось маленькое помещение.

Вот в этой маленькой турлучной пристройке с земляным полом, поделенной на комнатку и сени, и находилось медресе» [Эльбердов 1993: 272].

Для Кабарды описываемого периода большое количество мечетей было характерно. Сошлемся на слова И. Бабич, они встраивают сведения Эльбердова в общую панораму: «Во второй половине XIX в. наблюдается значительное строительство мечетей на Северо-Западном Кавказе <...> Большое количество каменных мечетей было построено в конце XIX в. в Кабарде и Карачае. В это время в каждом горском ауле было от 1 до 3 мечетей или молельных дома. Квартал (хьэблэ, джамаат) обычно имел свою общину и свою мечеть или молельный дом <...> Мечети разделялись на соборные (джума-межгит), в которых совершались пятничные и праздничные службы с проповедью (джума-намаз) и пятничные, в которых проводились лишь пятничные службы. В архивных материалах последние часто назывались приходскими или квартальными» [Бабич, Ярлыкапов 2003: 34-35]. Иначе говоря, религия занимала существенное положение в Кабарде тех лет. Каков бы ни был уровень получаемых в них знаний, медресе не пустовали. Эльбердов рассказывает, что в жилой комнатке медресе ютились по 6-7 учеников, а если комнатка оказывалась чуть больше – человек 9-10. Когда наплыв учеников бывал слишком велик, группы делили на две (тогда кто-нибудь из жителей села для одной отводил помещение). Так было с группой одного из медресе, в которых довелось учиться самому Эльбердову [Эльбердов 1993: 276-277].

То, что обучаемые мирились с теснотой и другими неудобствами, забывая эти помещения до отказа, говорит само за себя. Не станем останавливаться на особенностях обучения в таких медресе: бессистемность получаемых знаний; отходничество учеников, вынужденных искать в соседних селах наставника, наиболее сведущего по тем или иным исламским дисциплинам; необходимость самостоятельно добывать себе пропитание и топливо. Все эти сведения уже детально проработаны в исследованиях З.М. Налоева. Для нас важно увидеть не только критическую сторону, но и осознать ценностную составляющую этого образования. Будь знания, получаемые в медресе, совершенно бесполезны, крестьяне своих детей в учение отдавать не стали бы. Для людей, занятых ведением натурального хозяйства, в котором важна каждая пара рабочих рук, это было бы непозволительной роскошью (даже если предположить, что чаще всего детей отправляли на учебу в зимнее время).

История утверждения ислама в среде адыгов длительна и не проста, но, как известно, окончательное признание он получил в разгар Кавказской войны. Понятно, что религия сама по себе – сфера сакральных представлений, но для адыгов сакральность ислама была также сопряжена с историческими событиями, память о которых была еще свежа. Уже в свете этого знание «языка Аллаха» воспринималось с особым благоговением. Иными словами, к описываемому X. Эльбердовым периоду ислам уже стал полноправной «частью этнической самоидентификации» (А. Малашенко) адыгов.

Иметь конфессиональное образование было и почетно и престижно. X. Эльбердов неоднократно возвращается к тому, как ценилась адыгами исламская образованность, но подчеркивает ее крайне слабый уровень в Кабарде. Разумеется, она не могла оказаться средством, способным вывести край из бедственного положения, обеспечить его взаимодействие с бурно

меняющимся миром. Но справедливости ради надо сказать, что даже полученная через такую несовершенную систему арабоязычная грамотность в демократических кругах имела важность. Как подчеркивает И. Бабич, «Уже в 1830-е годы у черкесов наряду с татарским арабский язык стал использоваться в качестве письменного» [Бабич, Ярлыкапов 2003: 18-19]. И с течением времени его востребованность только росла: «Т. Лапинский в 1860-е годы отмечал, что «все документы пишутся теперь по-арабски» [Бабич, Ярлыкапов 2003: 96]. Иными словами, умение писать по-арабски имело практическую пользу: возможность собственноручно составить документ на арабском языке – уже неплохо. Да и обучение в медресе было бесплатным. Таким образом, если собрать воедино обозначенные детали: множество мечетей, почти при каждой из которых велось обучение, предельное количество учащихся в группах, бесплатность обучения – картина для Кабарды послевоенного периода сложится весьма выразительная.

Еще одним доводом в пользу востребованности подобного образования является то, что в селах, где не имелось примечетских школ, жители могли прибегнуть к такому выходу: когда набиралась группа желающих, чтобы их дети овладели арабской грамотой, собирали в равных долях общую сумму денег и приглашали для обучения человека, хорошо знающего Коран [Эльбердов 1993: 281]. Свидетельств, подобных этим, на страницах «Воспоминаний» немало, несмотря на то, что автор отзывается нелестно о старой системе конфессионального образования. И в этом отношении он не одинок.

Понятно, что в подобном образовании не было ничего, отвечающего прогрессу, оно было обращено не к будущему, а к прошлому. Одним из символов такой обращенности была, если можно так выразиться, «отуреченность» арабского, преподаваемого в этих медресе. Как известно, первые медресе Кабарды организовывались турецкими миссионерами. Логично, что «в основе преподавания в таких учреждениях была положена турецкая схоластическая методика, в рамках которой преподавался арабский язык, арабская грамота и Коран» [Бабич, Ярлыкапов 2003: 39]. Турецкая доминанта в образовательном процессе оказалась на редкость жизнестойкой: «О том, что язык, на котором преподают основы, на самом деле турецкий, я узнал только в 17-летнем возрасте, когда мы, группой из четырех человек отправились на учебу в Дагестан и больше года прожили в огромном кумыкском селении под названием Аксай. Мои скромные познания в кумыкском с тех времен. Так вот, язык этих кумыков турецкий» (перевод наш. – И.К.) [Эльбердов 1993: 279].

Обучение на начальном этапе велось при помощи турецкой «терминологии», и даже тексты из священной книги (Амдэч), в которой содержатся отдельные суры Корана, произносились на турецкий манер, а в дальнейшем, когда запас «турецкого» иссякал, начиналось арабское произношение. Характерно, что приезжих из Турции воспринимали как особо сведущих в преподавании. Если к таким хаджи обращались с просьбой обучить детей, сумма оказывалась вдвое больше той, что собирали для местных

наставников. Едва ли они и в самом деле были из тех, кто совершил хадж, местные жители сами одаривали их почетным званием «хаджи» из-за красноречивой детали их одеяния: красные фески были обернуты десятью аршинами белой материи [Эльбердов 1993: 279-281, 282].

Что касается уровня владения арабским, сведения «Воспоминаний» довольно разноречивы. На одном отрезке сказано о том, что после многолетних мытарств обучавшиеся выходили из этой «школы» полными невеждами, так и не овладев даже арабским языком: «...с хорошим знанием арабского оттуда выходил лишь один из ста» [Эльбердов 1993: 350]. Потом узнаем, что некоторые кабардинцы получали высшее образование в исламском университете Египта аль-Азхар, и что условием для поступления было знание арабского, а наши медресе в какой-то мере его давали [Эльбердов 1993: 353]. Однако к поступлению в аль-Азхар знание арабского «в какой-то мере» вряд ли применимо. Так, Р.В. Ислямов, рассуждая о реформах, проведенных в этом заведении при Мухаммеде Абдо, упоминает, что поступающий «...должен был знать наизусть некоторую часть Корана, уметь читать и писать» [Ислямов 2018: 161]. Вряд ли знание наизусть некоторой части Корана было возможно без хорошего понимания арабского. А, кроме того, будущим студентам предстояло долгое пребывание вдали от дома, в чужой языковой среде. Стало быть, неплохой уровень подготовки имел место быть, и были люди, способные его обеспечить.

Все разноречия в оценке уровня владения арабским, скорее всего, отражают неопределенность, царившую, по свидетельству самого Эльбердова, в консервативной системе образования. Отсутствие определенной программы, низкая доля ответственности обучающихся становились причиной, затрудняющей получение желаемых знаний. Не последнюю роль играла невозможность безотрывного, а тем более всеобщего обучения, ведь не всякий мог себе позволить надолго оторвать своего ребенка от сельскохозяйственных работ. Нетрудно заключить, что все эти изъяны были очевидны и создавали почву для принятия прогрессивно настроенной молодежью идей исламского реформаторства.

Разумеется, изменения не могли совершиться вмиг, и отход от прежних традиций не мог быть безболезненным. Но если говорить именно о Кабарде, то в ней, судя по доступным сведениям, реформаторские тенденции, успев претвориться в очень короткий период, дали ощутимые результаты.

Облик исламского реформаторства в Кабарде

В биографии Х. Эльбердова роль вдохновителя на реформы старометодного образования сыграл его учитель и друг, талантливый сохста, а в будущем – известный революционер Мажид Фанзиев. Джадидистский напор легко узнается в просветительских идеях, которыми были оба одержимы к концу длительной истории мытарств по разным медресе Кабарды: «В 1909 году, во время нашего пребывания в Боруково (ныне селение Арик) Мажид начал выписывать газеты. В то время в Петербурге (Ленинград) выходила

арабоязычная газета «Тиллиз». Эта газета была пламенным агитатором всех тех, кто по вине ислама отставал в своем развитии – она призывала народы Востока и Кавказа к развитию наук, к новой жизни, пробуждала сознание простого люда, указывала путь к свету. В ней говорилось о том, к чему так стремился сам Мажид, чему учил нас, он проникался каждым ее словом, потом отдавал мне, и я читал, ничего не пропуская. Она воодушевляла Мажида настолько, что он составлял листовки с выдержками, а потом мы расклеивали их на мечетях, на главных улицах. Этим он приводил в бешенство закосневших мулл, выбивал почву из-под ног тех, кто, пользуясь своими полужнаниями, обирал народ» (перевод наш. – И.К.) [Эльбердов 1993: 293].

Разумеется, Эльбердов нигде не упоминает слово «джадид» – учитывая время, в которое он запечатлевал «Воспоминания», иначе быть не могло. К слову, вот как характеризует он просветительскую деятельность М. Фанзиева после возвращения того из Казани: «Стоило им услышать о его возвращении, как тотчас к нему стянулась молодежь со всех медресе. Он взялся обучать по 3-4 группы, ведя их по новому пути образования» (перевод наш. – И.К.) [Эльбердов 1993: 354]. «Новый путь образования». Эту формулировку исчерпывающе комментирует З.М. Налоев: «...новый путь, о котором ведет речь Эльбердов – это возникший в то время новый метод; в новометодных медресе, помимо религиозных дисциплин и арабского языка, преподавались светские предметы (география, астрономия, арифметика, история и др.)» (перевод наш. – И.К.) [Эльбердов 1993: 414]. Несложно догадаться, что и рассказчик, и комментатор подразумевают не что иное как джадидизм.

«Арабским словом *джадид* (буквально *новый*) впервые были названы те, кто под влиянием просветительских идей выдающегося крымско-татарского просветителя Исмаила Гаспринского (1851-1914), открывали новометодные школы, где преподавались не только религиозные, но и светские науки» [Исмаилов, Базарбаев 2013: 45]. «Первоначально содержание понятия «новый метод» сводилось только к так называемому «звуковому методу» преподавания языка. Впоследствии «новый метод» стал пониматься как коренная перестройка традиционной мусульманской системы образования. Принципиальную важность в этой связи представлял вопрос о родном языке в процессе обучения в мусульманской школе» [Исмаилов, Базарбаев 2013: 49]. Несколько забегаая вперед, скажем, что проблема обучения на родном языке становится одной из первых, за решение которой берутся М. Фанзиев, Н. Цагов, А. Дымов. Из четырех кабардинских азбук, которые появились, по выражению З. Налоева, «в период между двумя русскими революциями», три составлены новометодниками.

Пример с М. Фанзиевым – один из наиболее ярких, но «джадидистский сюжет» в образовательной истории Х. Эльбердова этим далеко не исчерпывается. С возрастающим влиянием джадидизма ему довелось столкнуться еще во время своего пребывания в Дагестане. После трех-четырех лет учебы в Кабарде Эльбердов с группой сохст отправился в Дагестан (было это приблизительно в 1903). Описывая порядки в тамошних медресе, он замечает, что «также как и у нас, там изучали арабский язык и религиозные

дисциплины. Но совершенно неожиданно можно было повстречать людей с другими знаниями. К слову, в Аксае в ту пору проживал некий Мухамед Карахи, переселившийся с дальней окраины Дагестана, учитель с глубокими познаниями в астрономии, автор книг по астрономии, составитель календарей» (перевод наш. – *И.К.*) [Эльбердов 1993: 284]. Мухаммад-Кади ал-Карахи (Магомед-Кади Дибиров), о котором речь, – известный дагестанский джадид, автор кумыкского и аварского букварей, многих научных трудов.

Позднее, наведываясь в Дагестан за учебной литературой, Эльбердов и его друзья наблюдали появление в Темирхан-Шуре прогрессивных учебных заведений, которые финансировались состоятельными людьми. В одно из таких заведений, содержание которого взял на себя известный бакинский нефтепромышленник и меценат Муртуза Мухтаров, намеревался поступить Эльбердов. История этого заведения сложилась неудачно: оно закрылось, толком не начав действовать. Причиной послужили денежные растраты возглавлявшего его эфенди. Любопытно, что прежде чем назначить эфенди на эту должность, М. Мухтаров отправил его совершенствоваться в Египет, оплатил все расходы, «да только что толку отправлять старого консервативного эфенди на учебу в Египет! Так и остался прежним закоснелым муллой, только жадности прибавилось» (перевод наш. – *И.К.*) [Эльбердов 1993: 298]. Сколь бы печальным ни был итог этого мероприятия, отправка эфенди за знаниями в Египет – центр исламского реформаторства, уже говорит о том, что задумывалось заведение джадидистского толка.

Х. Эльбердов с друзьями задумали довести идею меценатской поддержки до сведения кого-нибудь из наиболее уважаемых и состоятельных людей Кабарды. Их выбор пал на Тамашу-хаджи Коцева. Они составили прошение, да такое, как говорит Эльбердов, «какое не могло оставить равнодушным сердце муллы». Тамаша Коцев идею вроде бы одобрил, обещал подумать, посоветоваться, а через несколько дней дать ответ. Ответ, полученный спустя несколько дней – опосредованное свидетельство настороженности официальной власти к джадидам. Тамаша Коцев не скрыл, что будет более надежным с этой настороженностью считаться: «Так вот, молодые люди, хоть и кажусь я состоятельным, а потянуть в одиночку такое дело не смогу, а если б и смог, то не решился бы взяться за дело, небывалое для нашего края; а если б и взялся, то вышестоящие, скорее всего, не позволили бы, – с этими словами он вручил каждому из нас по шесть рублей, и отпустил» (перевод наш. – *И.К.*) [Эльбердов 1993: 297].

Та же осторожность, та же оглядка узнается и в реакции начальника Нальчикского округа Султанбека Клишбиева на планы Нури Цагова организовать новометодную школу. Взавший на себя роль посредника в этом деле Адиль-Гирей Атажукин получил отповедь такого содержания: «...чего ты добиваешься, зачем ты, словно кого особенного, водишь везде этого парня из Турции? Ты уверен, что Россия тебе такое позволит? А может, это шпион, с чего ты решил пойти на такой риск?!» (перевод наш. – *И.К.*) [Эльбердов 1993: 305].

Сложное отношение царской администрации к джадидам – вопрос хорошо освещенный [Малашенко 1998; Бабич, Ярлыкапов 2003; Резван 2006; Исмаилов, Базарбаев 2013], тем не менее, многие культурные начинания джадидов Крыма, Поволжья, Туркестана, Дагестана воплотились не в последнюю очередь благодаря тому, что среди местной элиты, представлявшей царскую администрацию, находились люди, готовые эти начинания поддержать.

Идея медресе, учащиеся которого будут избавлены от забот, отвлекающих от занятий, со временем все же воплотилась, однако в той форме, в какой сторонники нового метода ее хотели бы видеть меньше всего. Но так было лишь поначалу.

Оказавшись на очередном этапе своей учебы в селении Старая Крепость, Х. Эльбердов повстречался с одним из ее состоятельных жителей – Махмудом-хаджи Гуговым. Рассказ о том, что в Дагестане немало медресе, содержание которых берут на себя обеспеченные люди и тем избавляют учащихся от многих неудобств, свойственных медресе Кабарды, заинтересовал Махмуда Гугова. Интерес его, по словам Эльбердова, был неслучаен. У Гугова подрастали три сына, с образованием старшего он явно запаздывал, и возможность избавить своих детей от испытаний отходнической формы учебы не могла оставить его равнодушным.

Но не столь важны мотивы. Как видится нам, основное в том, что идея духовного учебного заведения с полным пансионом для учащихся из простого народа становилась явью.

Махмуд-хаджи Гугов взялся организовать собственное учебное заведение, но в согласии с традиционным видением конфессионального образования: «... его намерения и мои мечты не совпали. Он собирался обеспечивать заведение, которое подготавливало бы прежних привычных адыгских мулл, а я хотел собрать приблизительно 20 – 25 человек молодежи, готовых к переменам, и, в отличие от привычных нам медресе, не обучать их тому, «как плавать так, чтобы пойти ко дну», а другому типу знаний и воспитания, хотел ввести предметы, которые помогут им освоиться в этом мире, увидеть его свет.

Между тем я окончил учебу, и весной 1913 года вернулся домой; Махмуд Гугов в 1914 открыл медресе, такое, какое хотел, обо мне не вспомнил, взял преподавателем какого-то старого муллу, не сведущего, кроме «божественных», ни в каких «земных» науках» (перевод наш. – *И.К.*) [Эльбердов 1993: 300].

Здесь надо сказать, что существующие трактовки роли Махмуда-хаджи Гугова в так называемом «баксанском культурном движении» противоречивы. Как следует из «Воспоминаний», это был сторонник старометодного образования, который со временем, под напором идей февральской революции, все же оказался вынужден принять в своей духовной семинарии новые методы. З.М. Налоев пишет, что «...в специальной литературе стали оценивать М. Гугова как фанатичного муллу-реакционера, преследователя прогрессивных начинаний Н. Цагова и А. Дымова» [Налоев 2009: 576], и что некритически

воспринятая, эта концепция отразилась некогда и в его взглядах. Но, несмотря на факт оппозиции к Н. Цагову и А. Дымову, главным, по его мнению, остается то, что «...в борьбе за создание и развитие национальной культуры они оказываются соратниками против действительных врагов образования» [Налоев 2009: 577].

Понятно, что о реакционности М. Гугова вынуждает думать известный эпизод с изгнанием из духовной семинарии прогрессивно настроенного Н. Цагова и его талантливому ученика Али Шогенцукова. Между тем, выпускник университета аль-Азхар М. Гугов вряд ли мог обладать поверхностными знаниями и быть ярким консерватором. Возможно, он попросту не хотел идти на риск, учитывая установленный «Особым совещанием» под началом А. П. Столыпина запрет преподавания в мусульманских религиозных школах небогословских дисциплин [Резван 2006: 221]. Запрет был наложен незадолго до описываемых событий – в 1910 году. Судя по категоричности представителя царской администрации нетрудно догадаться, что новометодные школы в Кабарде создавались наперекор и вопреки. О симпатиях или антипатиях М. Гугова к новым методам профессионального образования мы могли бы рассуждать более уверенно, если бы знали наверняка, приходится ли время его учебы в Египте на реформы образовательной системы аль-Азхара. Но такими сведениями мы пока не располагаем. Однако даже если допустить версию неприятия М. Гуговым идей исламского реформаторства, несправедливо недооценивать то, что он организовал беспрецедентное для Кабарды того времени заведение – частную духовную семинарию, финансовое обеспечение которой взял на себя, пусть и с надеждой на определенную помощь членов попечительского совета.

В 1916 году Эльбердова все же пригласили в эту семинарию – преподавателем арабского языка. Через короткое время он собрал кружок из 26 наиболее юных учеников и после занятий стал преподавать им язык и древнюю историю адыгов. С этого момента начинается постепенное преобразование гуговской духовной семинарии в семинарию джадидистского толка. Своей увлекательностью кружок во многом был обязан незримому присутствию в нем Н. Цагова (к этому времени он уже не был преподавателем семинарии). Цагов охотно обеспечивал Эльбердова конспектами лекций по адыгской истории, а после февраля 1917 года, одарившего прогрессистов большими надеждами, участвовал в основательной перестройке образовательной программы медресе.

Совершалось все за спиной Махмуда-хаджи Гугова. Для составления новой программы Эльбердов пригласил еще одного человека – своего друга из Адыгеи Амина Хапцева. В интересующем нас реформаторском контексте факт дружбы с этим человеком симптоматичен, поскольку речь идет определенно об еще одном джадиде.

Со слов Эльбердова мы узнаем, что после обучения в местных медресе Амин Хапцев отправился в Каир, где учился три года. Его последний приезд на каникулы совпал с началом германской войны и лишил его возможности вернуться в Египет. Тогда он отправился в Казань, где устроился преподавателем «в крупном духовном заведении». С его появлением там и

программа, и устав, и качество преподавания общеобразовательных предметов заметно улучшились [Эльбердов 1993: 306-308].

Здесь стоит сказать, что «Воспоминания» достаточно полно отражают географию распространения учебных заведений реформаторского толка и ее неплохую освоенность адыгами. Будущие джаиды, как известно, получали образование в реформированных исламских учреждениях Египта, Стамбула, Крыма, Казани, Дагестана. Выпускником исламского университета аль-Азхар являлся Адам Дымов, после возвращения из Египта он и организовал новометодную школу. Как было только что сказано, учеба в Египте определила прогрессистский настрой Амина Хапцева, который отправился реализовывать свои идеи в крупный джаидистский центр – Казань. Аль-Азхар остался нереализованной мечтой Мажида Фанзиева (просто не удалось добиться финансовой поддержки), однако джаидистские «университеты» он прошел в Темирхан-Шуре, потом, не удовлетворяясь полученными знаниями, поехал в Крым, но, как передает Эльбердов, учеба в Бахчисарае его не вдохновила, и он отправился в Казань. В Стамбуле прошел учебу Н. Цагов, который успешно преподавал на родном языке светские и конфессиональные дисциплины в новометодной школе Адама Дымова, в своем «университете», в реформированной семинарии. Отправка Али Шогенцукова и «сына хаджи Темиржанова из Псыгансу» [Эльбердов 1993: 306] в Бахчисарай на учебу в школе знаменитого джаида Исмаила Гаспринского комментариен не требует. Как показал Х. Кауфов [Кауфов 2000], важно только помнить, что в жизни Шогенцукова это был один из этапов его весьма основательного джаидистского образования: Темирхан-Шура – Бахчисарай – Стамбул.

Итак, Амин Хапцев прибыл в Баксан в августе 1917 года и совместно с Эльбердовым и Цаговым составил образовательную программу: «Мы внесли в нее все, что было принято изучать в государственных учебных заведениях. После урока арабского – каждодневно – общеобразовательные дисциплины, без вмешательства иных, религиозным дисциплинам мы отвели по часу между неделями. Два урока арабского в неделю. На адыгский язык отвели больше. А духовную семинарию переименовали в семинарию учительскую» (перевод наш. – *И.К.*) [Эльбердов 1993: 308]. Со следующего учебного года обучающихся, которых, судя по количеству одних только кружковцев Эльбердова было итак немало, стало еще больше.

Разумеется, все эти «нелегальные» инициативы новометодников не привели в восторг М. Гугова, «...нас стали осуждать даже старые муллы, которые вообще не имели к нам никакого отношения», – пишет Х. Эльбердов. И если раньше это заведение называли по-арабски «собор наук», то теперь его стали называть «местом встречи дураков» [Эльбердов 1993: 309].

Видимо, речь идет о том, что муллы, не имеющие отношения к попечительскому совету духовной семинарии М. Гугова, все же посчитали своим долгом продемонстрировать неприятие реформаторских начинаний, ведь новые методы образования были только частью реформирования исламских традиций, неизбежность которых казалась им несомненной. При чем кадимисты (от арабского «кадим» – старый) располагали тем, что подкрепляло их силы.

Если можно так выразиться, «официальная власть» была в их руках. Как замечает Е. А. Резван, «численное соотношение в этой борьбе довольно быстро менялось в пользу джадидов, однако задачи, стоявшие перед ними, были не из легких. Препятствовавшие им *традиционалисты контролировали по существу все четырнадцать тысяч триста (по другим данным – двадцать две тысячи) мечетей, существовавших только на территории собственно России до 1917 г.* Этому джадиды могли противопоставить более пяти тысяч новометодных школ, возникших к 1916 г.» [Резван 2006: 221].

Эпизоды противостояния, о которых повествуют «Воспоминания», группируются в основном вокруг убежденности джадидов в том, что преподавание в медресе должно вестись не на арабском, а непременно на родном языке: «Дети адыгов никогда не овладеют науками посредством арабского языка, сказать – посредством русского, так он в нашем представлении стал харамом», – цитирует Х. Эльбердов слова М. Фанзиева (перевод наш. – *И.К.*) [Эльбердов 1993: 352]. В 1905 году Фанзиев вместе с Эльбердовым издали в Темирхан-Шуре на собственные деньги азбуку и букварь кабардинского языка. Из 500 экземпляров 300 надлежало распространить между учащимися медресе Кабарды. Взвзвешавшийся за это с большим воодушевлением Хасан Эльбердов передает свой диалог с муллой, в руках которого оказался букварь. Прочитав на обложке арабоязычную надпись «Типография Мухаммад-Мирзы Мавраева», мулла хотел было высказаться о достижениях издателя, но когда ему простоудушно указали на кабардинский текст, написанный арабской вязью, резко переменился. «Этот дородный мужчина вмиг стал бледнее воска. «Чем это вы, негодные, занимаетесь?! Сейчас же покинь это село! Иначе окажешься за решеткой!», – вскинулся он на меня. Что это вы взяли за дело, которое уничтожит арабский язык, уничтожит религию?!».

Что мог я возразить? Он был известный мулла, а я всего лишь мальчишка.

- Мы не собираемся уничтожать нашу религию или отказываться от арабского – не в этом наша цель, мы хотим, чтобы народ мог читать и писать на родном языке, чтобы через него мог постигать науки, – сказал я, и с тем отправился прочь» (перевод наш. – *И.К.*) [Эльбердов 1993: 308].

В словах муллы типичные для кадимистов аргументы и убежденность в том, что закон на их стороне. Новые образовательные принципы были тесно связаны с модернизацией традиций ислама. «Необходимость авторитетной интерпретации священных текстов, сближение их с реалиями жизни» [Кажарова 2014: 35] – один из постулатов исламского реформаторства. В Кабарде противостояние кадимистов и джадидов носило отнюдь не умозрительный характер. Так, Мажид Фанзиев и группу молодых людей, которых он по возвращении из Казани стал обучать согласно новому методу, стали подвергать преследованиям, поскольку «...они вызывали нарекания своими религиозными взглядами. Им пришлось покинуть Аргудан и переместиться в Нижнее Кожоково (Нижний Черек). Там они пробыли около года, затем, когда заметили их деятельность, выдворили и оттуда, а Мажид посадили» (перевод наш. – *И.К.*) [Эльбердов 1993: 354].

Кадимисты прекрасно понимали, что вместе со старыми воззрениями навсегда уходит и старый привычный мир. Но если новый исламский мир, который так хотели видеть джаиды, вызывал протест кадимистов, то революционным веянием, которыми была охвачена Россия, он оказывался вполне созвучным: «...в феврале 1917 года совершилась революция, и, услышав лозунг «свобода слова, свобода печати», мы почувствовали себя более независимыми, воспрянул духом и уволенный из семинарии Нури» (перевод наш. – И.К.) [Эльбердов 1993: 307]. Казалось, кабардинским джаидам наконец открывался долгожданный простор действий. Ведь не случайно, как подчеркивает Х. Эльбердов, «Типография братьев Дымовых» появилась в ноябре 1917 года. Она и газета «Адыгский голос» были воплощением демократических настроений, витавших в обществе.

Видимо, на волне этих же настроений возникает мысль о переносе семинарии из Баксана в Нальчик. Символично, что этим делом занимается бывший ученик, а впоследствии преподаватель семинарии Назир Катханов [Катханов 2008: 6].

То, что 84 воспитанника новометодников отказались весной 1918 года примкнуть к кадетам, обосновав это тем, что не станут воевать против своих родителей [Эльбердов 1993: 322] – случай, в котором также ощутимо созвучие нового исламского мира идеалам нового, пока лишь едва обозначившегося, строя. Более того, «... воспитанники этого медресе составили первоначальное ядро Шариатского отряда под командованием Катханова, сыгравшего важную роль в Гражданской войне на Северном Кавказе» [Катханов 2008: 11]. Как известно, приняли революцию Мажид Фанзиев и многие его ученики.

Развернувшаяся в 20-е годы борьба за распространение грамотности была близка образовательным идеалам джаидов. Они стали первыми преподавателями курсов подготовки кабардинских учителей. Их наработки в деле составления азбук и букварей, педагогической литературы использовались при составлении кабардинских учебников для советских школ.

И все же важно заметить, что когда сторонники исламского реформаторства предстают на фоне событий 1918 – 20-х годов, в повествование вкрадывается идеологическая витиеватость, способная сбить с толку. Она смешивает прогрессивность сторонников исламского реформаторства с нарастающим атеизмом нового политического строя. В особенности проявляется такая тенденция, когда речь заходит о периоде Гражданской войны в Кабарде и личности Назира Катханова. Так, о его встрече в городе Владикавказе с Беталом Калмыковым и Серго Орджоникидзе сказано: «...ему дали поручение собрать шариатский отряд и восстановить в Нальчике большевистскую власть. Шариат, естественно, они понимали как нечто временное, то, что способно как можно скорее привлечь народ» [Эльбердов 1993: 325]. По этому отрывку несколько затруднительно понять, введен ли в обозначение «они» сам Катханов, зато в дальнейшем уточняется: «Кроме прочего, с тех дней, как Назир Катханов организовал большое войско, обнадеживая шариатом, при помощи которого народ должен был стать

более уступчивым, в селах оставались собранные для них (шариатистов – И.К.) припасы» [Эльбердов 1993: 331].

Сомневаться в том, что для тех, кто «дал поручение собрать шариатский отряд», шариат был явлением временным, уже не приходится, но однозначно, что он не был временным для самого Н. Катханова и присоединившихся к нему бойцов. Они боролись за ту власть, которая обещала защищать мусульман, их верования и обычаи, национальные и культурные учреждения. Как подчеркивает К. Катханов, «Назыр был правоверным мусульманином, твердо придерживавшимся исламского мировоззрения, принимавшим нормы шариата» [Катханов 2008: 12]. Несомненно, эти же слова применимы к большинству тех, кто вступил в борьбу под знаменем шариата (и здесь уже неважно, являлись они сторонниками традиционного или реформированного ислама).

Как характеризует А. Малашенко первые семь-восемь лет после установления советской власти, «стратегической задачей большевиков на первом этапе было не только, а возможно и не столько подчинить себе мусульман, но и найти с ними общий язык, заполучить мусульманские народы в качестве союзников по борьбе с внутренним врагом – белым движением, а также для реализации своей стратегической цели – распространения на Востоке мировой революции. Завоеванию доверия мусульман и призвано было служить на первых порах демонстративно подчеркивавшееся уважение к их религии» [Малашенко 1998: 44]. В системе ценностей, которая будет пропагандироваться на следующем этапе, не будет места ни религии, ни ее носителям.

Сказались ли интерпретационные пределы, либо собственные заблуждения Х. Эльбердова, но начало обучения адыгов на родном языке он связывает с 1917 годом и с личностью Нури Цагова, хотя несколькими годами раньше преподавание на родном языке успешно практиковалось Адамом Дымовым в его новометодном медресе (где, кстати, по возвращении из Турции преподавал и Нури Цагов). Интересно, что о школе А. Дымова Х. Эльбердов вообще не упоминает. Вероятно, не успел. Зато, кратко обрисовывая личность самого Дымова, он оставляет свидетельства распространенности в Кабарде идей исламского реформаторства: «...подобно ему, появлялись в Кабарде и другие, которые по завершении учебы не шли работать муллами, а оставались дома, придерживаясь иного образа жизни, к слову, таков был Кажаров Мажид из Аргудана, Каншао из Старого Уруха, Шибзухов Анзор из Кишпека» (Перевод наш. – И.К.) [Эльбердов 1993: 347].

В «Воспоминаниях» выведено немало образов служителей культа. В манере их изображения интерпретационные пределы ощущаются очень явно. Муллы предстают как недоучки, в большинстве своем люди алчные и расчетливые. Среди личностей, причастных к исламу, с положительными характеристиками проходят сохсты Кесын Кагазежев и Мажид Фанзиев, Нури Цагов, Али Шогенцуков, Адам Дымов, иначе говоря, очевидные прогрессисты. К сожалению, автор оставляет читателя без сведений о Даниле Кудаеве – учителе Мажида Фанзиева, о том эфенди из Старой Крепости, благодаря которому Эльбердову и Фанзиеву завершили курс обучения в медресе, о Мухамеде Хацукове, который учился в Египте, об эфенди Мамызе, который, по

настоящему консервативного муллы экзаменовал Хажисмеля Бетрозова, а проэкзаменовав, сказал, что познания Хажисмеля в географии превосходят его собственные. Подобных «намёков» на мулл с широким кругозором в «Воспоминаниях» также немало, но все они так и остаются на уровне беглых упоминаний.

Заключение

Как было отмечено, движение исламского реформаторства сказалось в масштабах мусульманского мира, и не проявиться в Кабарде, где проблемы национального возрождения, культурного подъема были очевидны, оно не могло. «Воспоминания» Х. У. Эльбердова сохранили немало свидетельств того, как под влиянием этого движения и тесно связанного с ним джадидизма в Кабарде обозначилась плеяда арабоязычно образованных прогрессистов. Прочтение этого текста требует от исследователя работы по объективации сведений, отвлечения их от интерпретационных пределов, неизбежных в системе ценностей того периода, в котором были запечатлены «Воспоминания».

Насколько позволяет судить поведенное Х. Эльбердовым, все культурные начинания кабардинского джадидизма претворялись вопреки бескомпромиссной позиции представителей официальной власти, оттого были неравномерны и прерывисты. Положение изменилось к лучшему лишь в 1917 году, однако ненадолго.

«Воспоминания» убеждают в том, что контакты Кабарды с исламскими центрами, принявшими идеи реформаторства, были намного активнее и намного обширнее, чем нам привычно представлять.

Финал джадидизма в Кабарде был такой же, как и в других областях его распространения. Он был прерван советскими преобразованиями, и уже в 30-х годах значимость его достижений была упразднена системой новых ценностей. «Воспоминания» сохранили немало имен, представляющих этот культурный слой. Некоторые из них непосредственно связаны с интеллектуальным становлением самого Х. Эльбердова. Многие отмечены лишь кратким упоминанием, но и в таком виде указывают важные направления дальнейших разысканий.

Если в дореволюционной России деятельность джадидов не встречала поддержки царской администрации, джадиды были вынуждены преодолевать различные преграды и вопреки этому добивались заметных результатов в культурном развитии своих этносов, то советской властью они были попросту устранены. Конечно, трагедия постигла не только джадидов, но абсолютное большинство деятелей, связанных с конфессиональной культурой. Как пишет А. Малашенко со ссылкой на А. В. Кудрявцева: «Не стал исключением и входивший в состав РСФСР Северный Кавказ, где в конце 20-х годов свертывалась система религиозного образования, под давлением властей прекращали деятельность шариатские суды. «В 30-е годы в рамках борьбы с «антисоветскими элементами» прошли аресты шейхов и мулл, были закрыты

почти все мечети, а религиозная литература реквизировалась или уничтожалась. В Кабардино-Балкарии и Адыгее после репрессий 30-х годов не осталось ни одной мечети.

Уничтожение большевиками влиятельного слоя исламского духовенства шло параллельно с репрессиями против «буржуазных националистов», в число которых попадала национальная интеллигенция, в той или иной форме пытавшаяся сохранить культурное наследие своих народов» [Малашенко 1998: 54]. В виду того, что многие явления национальной культуры этого периода в интерпретационном контексте последующих десятилетий оказались нивелированы, важна любая возможность узнать о них как можно больше, а в идеале – восстановить и адекватно истолковать.

З.М. Налоев, оценивая достижения Баксанского культурного центра, подчеркивал: они «... были столь значительны, что не могли пропасть бесследно. Они диффундировали с советским культурным строительством <...> все баксанские педагоги и воспитанники составили костяк первой генерации советских кабардинских учителей» [Налоев 2009: 611]. Однако уточнения напрашиваются сами собой. Если взглянуть на первую генерацию педагогов из числа баксанцев, то в ней мы не найдем Адама Дымова – фигуры слишком значимой, чтобы упустить из виду факт ее отсутствия. А если попытаться взглянуть на достижения не только Баксанского культурного центра, а на джадидистский контекст, порождением которого он был, то нельзя будет пройти также мимо фактов физического уничтожения Назира Катханова, Туты Борукаева, Пшикана Шекихачева, Данила Кудяева и других.

Личность Хасана Эльбердова соотносят преимущественно с историей адыгской лингвистики, известен он и как составитель множества учебников для советских школ. Однако его художественное творчество, представленное поэзией и прозой, пока остается неоцененным. Не погрешим против истины, если скажем, что открытием в 1970-х темы «восточного культурного канала» З.М. Налоев обязан Хасану Эльбердову. В предисловии к сборнику сказано немало о тесноте их сотрудничества, частых беседах о безвозвратно ушедшей эпохе и ее людях.

При ознакомлении с «Воспоминаниями» ретроспективно распознается многое из того, что спустя десятилетие с небольшим после ухода их автора вернуло одну из забытых (вернее, замалчиваемых) страниц истории адыгской культуры.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Адаб... 1991 – *Адаб* баксанского культурного движения / Сост. З.М. Налоев. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 440 с.

Аль-Джаноби 2014 – *Аль-Джаноби М.М.* Философия современной мусульманской реформации. – М.: ООО «Садра», 2014. – 436 с.

Бабич, Ярлыкапов 2003 – *Бабич И., Ярлыкапов А.* Исламское возрождение в современной Кабардино-Балкарии: перспективы и последствия. – М.: ФГБУ РГБ, 2003. 144 с.

Дымов 2003 – *Дымов А.Г.* Избранное / Подготовка текста к публикации и вступительная статья Ф. Ш. Ошноковой. – Нальчик: Эльбрус, 2003. – 124 с.

- Ислямов 2018 – *Ислямов Р.В.* Российские мусульмане Волго-Уральского региона в университете Ал-Азхар // *Ислам в современном мире.* – 2018. – Том 14. – № 1. – С. 151-170.
- Исмаилов, Базарбаев 2013 – *Исмаилов А.И., Базарбаев К.К.* Джадидизм – история просветительного движения и свободомыслия в Средней Азии, конец XIX – начало XX века // *Былые годы.* – 2013. – № 1 (27). – С. 44-51.
- Каган 1997 – *Каган М.С.* Философская теория ценности. – СПб.: Петрополис, 1997. – 205 с.
- Кажарова 2014 – *Кажарова И.А.* Кабардинская поэзия XX века: актуализация идеала. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2014. – 176 с.
- Катханов 2008 – *Катханов К.Н.* Назыр: Книга об отце. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – 144 с.
- Кауфов 2000 – *Кауфов Х.* Али Шогенцуков и джадидизм // *Литературная Кабардино-Балкария.* – 2000. – № 5. – С. 12-19.
- Малашенко 1998 – *Малашенко А.В.* Исламское возрождение в современной России. – М: Московский Центр Карнеги, 1998. – 222 с.
- Налоев 1978 – *Налоев З.М.* Литература баксанского просвещения // *Налоев З.М.* Из истории культуры адыгов. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – С. 152-191.
- Налоев 2009 – *Налоев З.М.* Этюды по истории культуры адыгов. – Нальчик: Эльбрус, 2009. – 656 с.
- Резван 2006 – *Резван Е.А.* Коран в истории России (рукописи, издания, судьбы) // *Россия и Кавказ – прошлое и настоящее. История, обычаи, религия.* – СПб.: «Журнал “Звезда”», 2006. – С. 193-258.
- Степанянц 1982 – *Степанянц М.Т.* Мусульманские концепции в философии и политике (XIX-XX вв.). – М.: Наука, 1982. – 247 с.
- Теунов 1955 – *Теунов Х.И.* Литература и писатели Кабарды. – Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1955. – 360 с.
- Эльбердов 1993 – *Эльбердов Х.У.* Воспоминания (на кабардинском). – Нальчик: Эльбрус, 1993. – 416 с.
- Яфаунов 1976 – *Яфаунов А.М.* О газете «Адыгэ макъ» А. Дымова и Н. Цагова // *Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX – начале XX века (Материалы конференции 28-29 марта 1974 года).* – Нальчик: Эльбрус, 1976. – С. 315-320.

REFERENCES

- Adab baksanskogo kul'turnogo dvizheniya / Sost. Z.M. Naloev* [Adab Baksan cultural movement. Compiled by Z.M. Naloev]. – Nalchik: El'brus, 1991. – 440 p. (In Russian)
- AL'-DZHANABI M.M. *Filosofiya sovremennoi musul'manskoi reformatsii* [The philosophy of modern Muslim reformation]. – М.: ООО «Sadra», 2014. – 436 p. (In Russian)
- BABICH I., YARLYKAROV A. *Islamskoe vozrozhdenie v sovremennoi Kabardino-Balkarii: perspektivy i posledstviya* [Islamic revival in modern Kabardino-Balkaria: prospects and consequences]. – М.: FGBU RGB, 2003. 144 p. (In Russian)
- DYMOV A.G. *Izbrannoe / Podgotovka teksta k publikatsii i vstupitel'naya stat'ya F.Sh. Oshnokovoi* [Favorite. Compiled by F.Sh. Oshnokova]. – Nalchik: El'brus, 2003. – 124 p. (In Russian)
- EL'BERDOV Kh.U. *Vospominaniya* [Memories]. – Nalchik: El'brus, 1993. – 416 p. (In Kabardian)
- ISLYAMOV R.V. *Rossiiskie musul'mane Volgo-Ural'skogo regiona v universitete Al-Azhar* [Russian Muslims of the Volga-Ural region at Al-Azhar University]. IN: *Islam v sovremennom mire.* – 2018. – Vol. 14. – No. 1. – P. 151-170. (In Russian)
- ISMAILOV A.I., BAZARBAEV K.K. *Dzhadidizm – istoriya prosvetitel'nogo dvizheniya i svobodomyслиya v Srednei Azii, konets XIX – nachalo XX veka* [Jadidism-the history of the enlightenment movement and freedom of thought in Central Asia, the end of the XIX – beginning of the XX century]. IN: *Bylye gody.* – 2013. – No. 1 (27). – P. 44-51. (In Russian)

- KAGAN M.S. *Filosofskaya teoriya tsennosti* [Philosophical Theory of Value]. – SPb.: Petropolis, 1997. – 205 p. (In Russian)
- KATKHANDOV K.N. *Nazyr: Kniga ob ottse* [Nazyr: A Book About Father]. – Nalchik: El'brus, 2008. – 144 p. (In Russian)
- KAUFOV Kh. *Ali Shogentsukov i dzhadidizm* [Ali Shogentsukov and Jadidism]. IN: *Literaturnaya Kabardino-Balkariya*. – 2000. – No. 5. – P. 12-19. (In Russian)
- KAZHAROVA I.A. *Kabardinskaya poeziya XX veka: aktualizatsiya ideala* [Kabardian poetry of the twentieth century: actualization of the ideal]. – Nalchik: OOO «Pechatnyi dvor», 2014. – 176 p. (In Russian)
- MALASHENKO A.V. *Islamskoe vozrozhdenie v sovremennoi Rossii* [Islamic revival in modern Russia]. – M.: Moskovskii Tsentri Karnegi, 1998. – 222 p. (In Russian)
- NALOEV Z.M. *Etyudy po istorii kul'tury adygov* [Studies on the history of the Circassians]. – Nalchik: El'brus, 2009. – 656 p. (In Russian)
- NALOEV Z.M. *Literatura baksanskogo prosveshcheniya* [Literature Baksan's enlightenment]. IN: NALOEV Z.M. *Iz istorii kul'tury adygov* [From the history of the Circassian culture]. – Nalchik: El'brus, 1978. – P. 152-191. (In Russian)
- REZVAN E.A. *Koran v istorii Rossii (rukopisi, izdaniya, sud'by)* [Koran in the history of Russia (manuscripts, publications, fates)]. IN: *Rossiya i Kavkaz – proshloe i nastoyashchee. Istoriya, obychai, religiya* [Russia and the Caucasus – past and present. History, customs, religion]. – SPb.: «Zhurnal “Zvezda”», 2006. – P. 193-258. (In Russian)
- STEPANYANTS M.T. *Musul'manskie kontseptsii v filosofii i politike (XIX-XX vv.)* [Muslim concepts in philosophy and politics (XIX – XX centuries)]. – M.: Nauka, 1982. – 247 p. (In Russian)
- TEUNOV Kh.I. *Literatura i pisateli Kabardy* [Literature and Writers of Kabarda]. – Nalchik: Kabardinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1955. – 360 p. (In Russian)
- YAFANOV A.M. *O gazete «Adyge mak'» A. Dymova i N. Tsagova* [About the newspaper «Adyge Mak'» A. Dymov and N. Tsagov]. IN: *Obshchestvenno-politicheskaya mysl' adygov, balkartsev i karachaevtsev v XIX – nachale XX veka (Materialy konferentsii 28-29 marta 1974 goda)* [The socio-political thought of the Circassians, Balkars and Karachais in the XIX and early XX centuries]. – Nalchik: El'brus, 1976. – P. 315-320. (In Russian)

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КАВКАЗА

УДК 821.35

DOI 10.31143/2542-212X-2020-3-187-204

**ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЦИКЛИЗАЦИИ (КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКАЯ ПОЭЗИЯ И ПРОЗА)****А.Д. БОЛАТОВА (АТАБИЕВА)**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский
научный центр РАН»*

360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

E-mail: bolatovaatabieva@mail.ru

Аннотация. В статье проводится исследование феномена циклизации, который получает теоретическое осмысление в качестве самостоятельной научной проблемы на примере произведений тех карачаево-балкарских авторов, в чьем творчестве цикличность проявляется как определяющий принцип поэтики текста. Работа отличается принципиально новым ракурсом рассмотрения и разбора литературных произведений. На материале национальной поэзии/прозы анализируется процесс освоения различных типов циклических структур, дается обоснование данному явлению, анализируется методология вопроса, принципы разграничения поэтического и повествовательного циклов с опорой на принятые трактовки ученых в разъяснении их специфики. Отмечаются исторические предпосылки возникновения подобных форм в литературе, иллюстрируются механизмы циклообразования, выявляются универсальные признаки политекстовых конструкций. В качестве характерных особенностей стихотворного цикла обозначены: авторская интенция, заданность композиции, единая тематическая направленность, относительная автономность частей внутри целого. Устойчивыми чертами эпического повествования видятся контекстно-концептуальная взаимосвязь, наличие сквозных героев, централизующей эпической проблематики, рефранных сюжетных линий. В приводимых примерах отслежена аккумуляция смыслов, стилистические «дублеты», содержательная перспектива (возможность расширения и дополнения), многомерность структуры, способы создания художественной целостности.

Ключевые слова: художественная циклизация; стихотворный и повествовательный циклы; роман-эпопея; диалогия; трилогия; метатекст.

**THEORETICAL UNDERSTANDING OF THE PROBLEM OF ARTISTIC
CYCLIZATION (KARACHAY-BALKARIAN POETRY AND PROSE)****A.D. BOLATOVA (ATABIEVA)**

*The Institute for the Humanities Research – Affiliated of the Federal State Budgetary Scientific
Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian
Academy of Sciences»*

360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18

E-mail: bolatovaatabieva@mail.ru

Abstract. The article investigates the phenomenon of cyclization, which receives theoretical understanding as an independent scientific problem on the example of the works of those Karachay-Balkar authors, in whose work cyclicity is manifested as a defining principle of the poetics of the text. The work is characterized by a fundamentally new angle of consideration and analysis of literary works. Based on the material of national poetry/prose, the process of mastering various types of cyclic structures is analyzed, the rationale for this phenomenon is given, the methodology of the issue is analyzed, the principles of distinguishing the poetic and narrative cycles are based on accepted interpretations of scientists in explaining their specifics. The author notes the historical background for the emergence of such forms in the literature, explains the mechanisms of cyclization, and identifies universal features of polytextual structures. As characteristic features of the poetic cycle are designated: the author's intention, the task of the composition, a single thematic focus, the relative autonomy of parts within the whole. The stable features of the epic narrative are the contextual and conceptual relationship, the presence of end-to-end characters, centralizing epic issues, and refractive storylines. In these examples, the accumulation of meanings, stylistic "doublets", meaningful perspective (the possibility of expansion and addition), multidimensional structure, ways to create artistic integrity.

Keywords: artistic cyclization; poetic and narrative cycles; novel-epic; dilogy; trilogy; metatext.

Вопрос о возникновении полилогических структур и введение в научный оборот термина «художественный цикл», обозначающего специфическое понятие с устойчивым значением (под которым подразумеваются несколько произведений, объединенных общностью сюжета, сквозными героями, соотносимым идейным содержанием), ранее находил отражение в литературоведческих изысканиях различных ученых в общемировом масштабе. Феномен циклизации осмыслен исследователями в рамках гуманитарных дисциплин, сформировав отдельное направление в отечественной науке. Многие авторы, рассматривая полилогические формы как «наджанровые объединения», подчеркивают многоуровневый характер их текстовой организации. В северокавказской литературной критике «цикловедческий ракурс» не получил должного внимания, хотя и рассматривался в рамках отдельных исследовательских тем как явление, характерное для поэзии.

Опыт исследования национальной прозы, и романа в частности, берет начало с 1960-х годов и представлен фундаментальными трудами ученых: З.Х. Толгурова, К.Г. Шаззо, Ю.М. Тхагазитова, А.М. Теппеева, А.Х. Мусукаевой, А.М. Сарбашевой, М.А. Хакуашевой, К.Н. Паранук и др. В работах отмеченных авторов эпический жанр анализируется в плане структурно-содержательных особенностей, новаторства проблематики, с точки зрения индивидуальных стилистических решений. Однако приходится констатировать, что, несмотря на факт существования полилогических форм (к которым следует относить романы-эпопеи, дилогии, трилогии, тетралогии, пенталогии), процесс их зарождения и эволюционирования в карачаево-балкарской прозе практически не рассматривался. Этим обстоятельством обусловлено наше обращение к данному вопросу, поскольку он требует

специализированного изучения в будущем. Отсутствие в региональном литературоведении работ, посвященных заявленной теме, позволяет обозначить такую исследовательскую проблему, как генезис полилогических форм. Появление в карачаево-балкарской литературе текстов, структурируемых по циклическому принципу, было не случайным, примеры такого рода имели место еще в мифологии и устном народном творчестве. Их следует принять во внимание, дабы представить объективную оценку повествовательного цикла в эволюционном движении.

Политекстовые конструкции сформировались во всех литературных родах, однако механизмы «циклообразования» в каждом из них отличаются. Поэтому осмысление данного вопроса требует разъясняющих формулировок и обстоятельного ознакомления с соответствующей терминологической базой.

Чтобы дать теоретическое обоснование анализируемому явлению, необходимо коснуться вопросов поэтики, главным образом, структурной организации текстов, входящих в эту самую целокупность. Считается, что обращение к циклической форме подачи художественного материала в большей степени характерно для поэзии. Широкое применение в лирике находят политекстовые структуры, именуемые поэтическими циклами, в которых наблюдается смешение формообразующих признаков. В повествовательных жанрах в роли полилогий, выстраиваемых авторской интенцией (замыслом, намерением), выступает союз из нескольких самостоятельных произведений с общим идейным наполнением.

В поисках возможностей относительно объективной интерпретации обозначенных категорий истории и теории литературы выстроили методологию изучения циклизации как проблемы в различных толкованиях. Существует терминологическое обозначение «контекстных отношений» в лирике и прозе, с которым должен быть увязан анализ соответствующих текстов. Исходя из этого, цикл понимается как постоянно пополняемое, расширяющееся объединение ряда художественных произведений. Данное текстовое образование имеет свойство развиваться, видоизменяться на протяжении определенного времени, что делает указанную форму перспективной в плане комплектации частей целого, а также с точки зрения познавательно-отражающей функции, расширения интерпретационных уровней избираемой автором проблематики. В циклической структуре тексты чаще всего сгруппированы вокруг отдельной темы, эпохи, героя. Все зависит от того, на что конкретно нацелен создающий и какими творческими задачами руководствуется.

На разных этапах развития литературы под влиянием определенных исторических факторов происходило закономерное обращение к таким формам, поскольку они мыслились адекватными действительному жизненному материалу и оказывались способными вместить широкий круг вопросов, волнующих определенное поколение авторов. Так они могли сосредоточиться на изображении реалий разных эпох, объединить поток разрозненной информации в едином художественном поле. Постепенно накапливая внушительный фактический материал и комплекс средств по визуализации

соответствующей идеи, писатель/поэт приступает к их совмещению в рамках поэтического либо повествовательного полотна.

С поэтологической точки зрения данная тема получила детальное освещение в ряду теоретических работ по исследованию творчества поэтов-символистов. Первые серьезные попытки осмысления циклической природы лирических произведений принадлежат В. Брюсову, А. Белому, А. Блоку, которые восприняли это явление как новое качество художественного творчества. Существуют различные, довольно спорные, но рациональные суждения и комментарии относительно того, какие тексты следует относить к лирическому циклу, и почему отдельные стихотворения, входящие в его состав, нужно рассматривать в качестве дополняющих частей единого текстового пространства. Вместе с тем проблема жанрового статуса цикла остается открытой, поскольку возникают трудности с соотношением некоторых характерологических черт.

Один из теоретиков немецкого романтизма А.В. Шлегель в свое время отмечал, что в циклической форме могут выступать такие явления, которые становятся полноточными только благодаря предшествующему или последующему текстам. Многие современные исследователи придают процессу циклизации характер закономерности. Данная структура понимается как производное от уже имеющегося опыта, допуская различные ассоциации, повторы, параллели и стилистические «дублиеты» в дальнейшем. В.А. Сапогов по-своему объясняет подобное явление, в его трактовке циклически структурируемые произведения сцеплены «при помощи самых различных конструктивных приемов, главным из которых является единая сквозная тема или, что еще чаще, единая авторская эмоция» [Сапогов 1966: 18].

И.В. Фоменко в своей работе «Поэтика лирического цикла» [Фоменко 1990] также выделяет в качестве основного признака особые отношения между текстом и контекстом, позволяющие воплотить в системе определенным образом организованных произведений целостную авторскую концепцию. Именно в таком значении понятие было введено в обиход на рубеже XIX-XX вв., что позволило в какой-то мере уточнить многие характеристики «цикла» (как поэтологического понятия) и «эпопеи» (как контекстно взаимосвязанных повествовательных образцов).

В литературоведении наметилась линия определения системы универсальных признаков циклической формы, принципа выявления циклообразующих связей, разъясняющих характер скрепления смежных текстов. Поэтические произведения, подводимые под это понятие, сближаются общим настроением, направленностью художественной мысли. Они воспринимаются читателем как отдельные эпизоды, однако могут существовать и вне рамок целого. Указывая на эту особенность, исследователь З.Х. Толгуров подчеркивает, что «Каждый элемент цикла свободен в передвижении, имеет замкнутый в себе сюжет, смысл, ценностный уровень» [Толгуров 1991: 226]. Отталкиваясь от соответствующей формулировки, можно сделать вывод об относительной идентичности механизмов структурирования поэтического и повествовательного циклов. Первый «представляет собой цепь тематически

связанных, но внешне различных стихотворений, которые являются, по сути, отдельными эпизодами» [Атабиева 2008: 41]. Точно так же полилогии в прозе имеют сопрягаемый сюжет, цельную композицию, сквозной идейно-художественный замысел.

Все вышеперечисленные моменты можно проиллюстрировать на конкретных примерах из национальной литературы. Существуют художественные тексты, безусловно относящиеся к стихотворному циклу по совокупности определяющих признаков, но имеют место и те, в которых только просматривается тяготение к циклизации. В этом отношении показательны «Сиваш» и «Перекоп» К. Кулиева, «Близкие мелодии издалека», «Песни Назыма Хикмета» Т. Зумакуловой. В произведениях превалирует лирическое начало, связь стихотворений основывается на объединяющей теме, герое, идее, однако они не лишены внутренней свободы. Тексты, составляющие циклическую структуру, способны функционировать по-отдельности, поскольку отличаются логической завершенностью мысли.

Типичным примером рефренного структурирования поэтического текста является цикл К. Отарова «Сенден узакьда» («Вдали от тебя»), который составлен из десяти стихотворений. Каждый отдельный фрагмент имеет свой подзаголовок, сама внутренняя организация делает безусловным позиционирование этих смежных текстов как полноценного поэтического цикла.

Следует подчеркнуть, что проблема дифференциации, определения жанра художественных произведений продолжает оставаться дискуссионной, несмотря на наличие большого числа авторитетных исследований в данной области. Опыт показывает, что существующие теоретические определения условны и не всегда позволяют адекватно характеризовать схожие варианты. Ситуация усугубляется тем, что некоторые поэты и писатели не считают необходимым придерживаться четкой разграничительной линии, классифицируя свои сочинения по собственному усмотрению. В балкарской литературе (впрочем, как и в любой другой) немало примеров неверного толкования (литературной критикой в том числе) жанровой принадлежности текстов. Одним из таких ошибочных представлений является отнесение поэтического цикла к поэме.

Такое наблюдается в произведении А. Созаева «Жер» («Земля»), которое ни в конструктивном плане, ни содержательно не соответствует поэмной форме. Точно так же, как названные поэмами циклические объединения стихов И. Бабаева «Элия бешик» («Колыбель молнии» – состоящее из семидесяти семи частей), «Туугъан ташым» («Камень родного очага»), «Китабым» («Моя книга») на поверку таковыми не являются. Фактически структура указанных произведений подпадает под определение цикла, поскольку каждый текст в составе этой целокупности может существовать автономно, несмотря на то, что в их содержании обнаруживается тематическая повторяемость. Для подобных примеров соответствует определенный тип художественного единства, характеризующийся некой внутренней закономерностью. Цикл – это ряд формально замкнутых, самостоятельных произведений, которые на уровне

образной системы, авторской концепции подразумевают связь с предыдущими текстами, дополняющими и продолжающими их проблематику. Тогда как вычленение какой-либо части поэмы неизбежно приводит к отрывочности, неполноте содержания.

В сборнике стихотворений и поэм М. Беппаева «Эльбруслу Малкъарым» («Моя Балкария, в которой Эльбрус есть») применимость циклического структурирования можно проиллюстрировать на примере группы стихотворений «Сюргюнчю» («Переселенец»), посвященной теме депортации. Творческое освоение формы поэтического цикла характерно и для карачаевского автора Н. Хубиева, о чем свидетельствует текстовая организация произведений «Мени Шаркъым» («Мой Восток»).

В национальной поэзии XX века плодотворно развивалась и такая форма как венки сонетов, усложненная композиция которого предполагает сочленение текстов с помощью приема обрамления. Примечательны своеобразные определения данного жанра: на кабардинском языке оно звучит как «сонет *Іэрамэ*» (дословно – «охапка» или «букет сонетов»), схожая интерпретация наблюдается у карачаевцев – «сонет *джоппу*» (буквально – «букет сонетов»), в балкарском варианте подобные тексты принято называть «сонет *минчакъла*» (что в переводе означает «бусы из сонетов»). И в том, и в другом случаях подразумевается процесс нанизывания текстов. Мало кто задумывался, что ступенчатая архитектура венка сонетов основана на циклическом принципе построения. С теоретической точки зрения нет соответствующей методологической базы для более убедительной аргументации подобного утверждения. Однако наличие приема обрамления является верным признаком, подтверждающим данный вывод. Логика выстраивания частей в венке сонетов подчиняется ступенчатой модели, благодаря чему строки слаженно функционируют внутри этой системы.

В книгах А. Байзуллаева «Узакъ аулакъ» («Далекая равнина») и «Жангыз терек» («Одинокое дерево») опубликованы сонеты «Туман заман» («Туманное время»), «Къызыл кёрюмдю» («Красное видение»), «Федерико Гарсиа Лоркадан» («Из Федерико Гарсиа Лорки»). Венки сонетов состоят, как правило, из 15 произведений с определенным количеством строк (устойчивая схема – 14 строк). Сходная внутритекстовая организация характеризует и группу стихотворений, объединенных в цикл под общим названием «Къуранны эниклеу» («Подражание Корану»). Частым обращением к сонетной форме характеризуется также творчество карачаево-балкарских авторов М. Мокаева, Х. Байрамуковой, С. Гуртуева.

Наибольшую актуальность по части исследовательского интереса приобретает менее изученный вопрос освоения циклических структур в прозе. Обращаясь к материалу эпической литературы, следует подчеркнуть применимость вышеперечисленных характеристик к повествовательным текстам, объединяющимся на определенном этапе в идейно-тематическую целостность благодаря ассоциативным связям, сквозным, рефренным образам, пространственно-временным ориентирам, взаимообусловленным социально-историческим обстоятельствам и связующей глобальной проблематике.

Таковыми являются формы многочастных повествовательных циклов (дилогии, трилогии, тетралогии, пенталогии).

Показательны в этом плане размышления отечественных исследователей, стремящихся определить специфику выстраивания подобных текстов. М.Н. Дарвин подчеркивает, в частности, что «Художественная циклизация – это широкая возможность объединения произведений в различные формы не только цикла. Сам же цикл, думается, точнее определять не как одно произведение, но как множество произведений, как произведение произведений» [Дарвин 1997: 9]. Важным в разъяснении сути рассматриваемой темы представляется и следующее соображение ученого: «Можно, очевидно говорить о том, что лирика обладает своим собственным, специфическим языком, тяготеющим к различным соотражениям, к образованию каких-то достаточно емких и целостных контекстов. В связи с этим актуализируется понятие контекста. Целостность полилогической формы находится в прямой зависимости от степени структурной автономности составляющих его элементов, а его единство следует рассматривать как единство противоположностей, характеризующееся действием как центростремительных, так и центробежных сил. Поэтому известная «извлекаемость» отдельного произведения из контекста не менее важный его признак, чем целостность или «неделимость» [Дарвин 1997: 10-11]. В предложенной интерпретации дилогия, трилогия и тому подобные вариации полилогий рассматриваются как произведения, организованные по принципу линейной связности, т.е. хроники.

В статье Баланчук О.Е. «Дилогия в русском литературном процессе: генезис и эволюция» обозначены основные принципы организации дилогической целостности. В качестве формальных признаков жанра ученый определяет переходящий, продолжающийся сюжет, идею, общих героев. Далее подчеркивается, что «пик развития романной дилогии в русской литературе приходится на 1860–1880-е годы, а прозаические явления, организованные по принципу дилогии обнаруживаются уже в 1830-е годы (повести М. Погодина, В. Одоевского, Н. Полевого)» [Баланчук 2010: 8].

Анализ полилогических текстов на уровне фабульной организации произведений, а также идейной составляющей с указанием на взаимообусловленность таковых отличает диссертационное исследование Ласточкиной А. С. «Нарративные стратегии в дилогии У. Голдинга «На край земли» [Ласточкина 2011]. В предпринятом научном изыскании представлена «рецептивная методология», позволяющая проследить «аккумуляцию смыслов» в смежных художественных текстах, различные модификации эпического повествования, комплекс композиционных приемов, способствующих объединению в целостность самостоятельных частей дилогии. Она рассматривается на материале аллегорических романов «Повелитель мух», «Шпиль» английского писателя У. Голдинга.

Свое видение жанровой природы романа-эпопеи и литературного цикла в целом представили М.Н. Дарвин, Т.Н. Фоминых, А.В. Чичерин, Ю.И. Крутов, Л.Е. Ляпина и др. Исследователями анализируется принцип разграничения

произведений по типу повествования. Прослеживая становление эпопеи в советской прозе 1920-х годов, Фоминых Т.Н. подчеркивает, что решающим историческим условием возникновения и предметом изображения в ней является «всеобщее эпическое состояние мира», следовательно, исходным для характеристики эпопейного начала может стать художественная интерпретация «исторического события как эпической ситуации» [Фоминых 1984].

Интерес к указанной проблематике (литературной циклизации, генезису полилогических форм) значительно возрос в 1960-е годы. Рассматривая так называемую «деревенскую» прозу в литературе советского периода (творчество М. Шолохова, В. Шукшина, В. Астафьева и др.), ученые отмечают, что драматическая, сложная реальность обуславливала искаженные формы сознания. Согласно теории Л.Н. Гумилева, кризисные исторические эпохи порождают «пассионарный толчок» [Гумилев 2019] в самосознании народа, и на его основе возникают произведения, содержащие эпопейные черты. А.В. Чичерин [Чичерин 1975] и другие исследователи внесли некоторые пояснения в понимание традиционных форм романа, в качестве родовых признаков которого определены: эпичность, многоуровневость сюжета, масштабы отражения действительности, глобальность проблематики, множество полноценно оформленных характеров.

Что же касается современных исследований в данной области литературоведческого анализа, следует упомянуть Ю.И. Крутова и его работу «Генезис и трансформации эпопейных жанровых признаков в прозе XX века», в которой ученый анализирует критерии эпопейного повествования в западноевропейской и русской литературах минувшего столетия. В качестве устойчивых черт выделены: историзм, народность, непосредственное изображение «текущего времени». Им отмечается, что «В поэтике романа торжествует принцип самодостаточности художественного вымысла, его независимость от реальной жизни» [Крутов 2006: 17], вместе с тем объем и идейно-художественное содержание не являются достаточным основанием эпопейности повествования. В произведениях, классифицируемых как роман-эпопея, наличествуют национальная героика, массовые сцены исторического значения, генеалогия действующих лиц, благодаря чему читатель получает возможность проследить эволюцию героев. Данная форма способна вместить «субстанциональное содержание народной жизни» (Гегель), «художественную концепцию мира» (Н.К. Гей) и обобщенный взгляд на действительность.

В ряду теоретических изысканий, освещающих повествовательные циклы, следует отметить работы Е.Л. Пивоваровой («Принцип циклизации как эксперимент в прозе в начале XX в.: к постановке вопроса») [Пивоварова 2018] и Л.В. Татару («Точка зрения и ритм композиции нарративного текста: на материале произведений Дж. Джойса и В. Вулф») [Татару 2009]. В круг лингвистических вопросов, касающихся смысловой перспективы и «нарративного потенциала» художественного текста (немаловажного при изучении полилогических форм), вовлекаются исходные категории, на основе которых выстроены подобные произведения. В том числе такие факты текстообразования, как стиль, образ автора, смысл и т.д. По мнению ученых,

синтез «когнитивного и коммуникативного планов текста» направлен на построение целостной модели романов-эпопей. Центральное для когнитивной лингвистики понятие «концепта» также имеет существенное значение в уяснении специфики текстового пространства полилогий.

Проблема терминологического определения этого понятия разъясняется через разнодисциплинарные трактовки. Собственно художественный текст обозначен в науке как «единство двух нервующихся линий» [Хализев 1999: 99]. С позиции лингвистики значимыми в оценке циклических структур являются «когнитивный механизм текстообразования», «нарратив в толковании текста», его делимость на соизмеримые сегменты. С учетом такого подхода, определяется логика выстраивания метатекстового пространства с литературоведческой точки зрения. Исходя из вышеизложенного, анализ художественного цикла основывается на соотношении целого и его частей в гармонии и симметрии.

Полилогии являются специфической жанровой формой с межтекстовыми взаимосвязями, образующими целостность более высокого и сложного порядка. Части циклической структуры мыслятся как самостоятельные звенья «макроконтекста». Составляя архитектурное единство, но сохраняя известную автономность, циклы рассказов, новелл, повестей и романы-эпопеи подчиняются общим конструктивным принципам. Отдельные фрагменты полилогической формы рассматриваются одновременно как «текст», «контекст» и «интертекст», образующие художественную целостность сопряженных частей. Эти композиционно завершенные произведения представляют собой продолжение предыдущей книги, дополняющее, корректирующее, расширяющее заданную проблематику. Поэтика прозаического цикла усложняется наличием параллелей, ассоциаций, мотивной, идейно-ценностной и образной соотносимостью.

С этим моментом сопряжены вопросы, касающиеся особенностей функционирования хронотопа, выстраивания взаимоотношений между автором и читателем, само пространство текста мыслится как поле их взаимодействия. Возникает такая категория как реальность в условной «темпоральности» – семантический термин, обозначающий временную логику повествования. Многомерная сущность понятия времени не ограничивается привязкой к категории пространства, оно мыслится намного шире. «Пространственно-временной континуум» в системе поэтики полилогий (дилогии, трилогии, тетралогии, пенталогии) выступает на передний план при анализе межтекстовых взаимосвязей.

Следует сказать, что время в мифологическом понимании изначально носило циклический характер. В религиозном представлении причастность героя, образа или события ко времени получает однолинейную направленность в будущее. Таким образом, на различных этапах эволюции сознания человек продуцировал тот или иной тип хронотопа. В зависимости от воплощаемой идеи писателем избирался соответствующий ритм и последовательность действий, ориентация на определенный «модус времени».

Поскольку такого рода произведения являются сложными полижанровыми образованиями, основанными на интертекстуальных связях соотносимых частей, категория времени получает в них всеохватность. Хронотоп в данном случае многофункционален и вмещает в себя авторский дискурс, интертекст, обратную связь *читатель – автор – текст*. Особенности маркирования каждой последующей книги в подобных образцах основывается на преемственности, поэтому они рассматриваются как постепенно эволюционирующее художественное целое, в контексте которого триада *текст – метатекст – интертекст* образует неразрывное целое («единство во множестве»).

Произведения, относящиеся к диалогическим образованиям, имеют место в каждой национальной прозе. Данная форма мыслится весьма перспективной в плане масштабов изображения, поскольку эпическая проблематика получает поэтапное раскрытие. Логика формирования повествовательного цикла допускает вовлечение в единое поле динамическую схему одновременных событий, объективирующих историческую действительность протяженностью в несколько веков. Отмеченное свойство трактуется как возможность концептуализации истории. Проблема этнического прошлого закодирована в содержании цикла романов, задавая тон для адекватной интерпретации читателем смыслового объема нескольких повествований. Трактовка концептуального содержания основана преимущественно на субъективно-оценочном восприятии. Особую сферу в конструировании диалогий и трилогий составляет процесс синтеза различных планов выражения. Писатели прибегают к паузам, приемам умолчания. Недосказанность сюжета, ступенчатое раскрытие темы заставляют читателя самому домысливать предполагаемую концовку либо находиться в ожидании продолжения, дальнейшего развития намеченных ранее повествовательных линий.

Серийность повествования – известная литературная практика, основанная на ретроспективе событий прошлого, неспешном и постепенном их воспроизведении, создании «слепок» реальности, характеров в их динамике и личностной эволюции. Масштабы избранной проблематики и необходимость максимально полной реализации авторской концепции требовали неоднократного возвращения к однажды обозначенной теме. Этим объясняется логическая связность составных частей, внутреннее психологическое родство обыгрываемых персонажей, повторяемость сюжетных ходов. В этом плане интересен сборник коротких повестей М. Геттуева «Человек на марше» (1982). В числе произведений, вошедших в данную книгу, выделяется повесть «Капитан Сармакии», содержание которой составляют девять сцен из фронтовой жизни капитана Гатижокова. Автор сумел воплотить смелую по тем временам художественную идею совмещения нескольких взаимодополняющих текстов внутри единого произведения, что было нечастым явлением в национальной литературе.

Такие вопросы как процесс нравственного возмужания героя, его социальное самоопределение, выбор жизненного пути, перемены в духовном облике, напряженный поиск самого себя, трансформация личности под

натиском исторически изменчивой действительности чаще всего реализуются в контексте трилогии либо дилогии. Обращение к таким формам продиктовано потребностью в фиксации значимых перемен в психологии героев. В некоторых персонажах литературных произведений уловимы черты их создателя. На авансцену художественного текста выдвигаются динамично развивающиеся характеры, событийность произведений уплотняется, время и место действия могут варьироваться, однако их идейная основа сохраняется, закрепляется, подается более выпукло.

Поскольку писатели, обладающие эпическим мышлением, ориентированы на панорамность, широту охвата, выявление предыстории событий, в частях дилогического целого обнаруживаются сходства, совпадения идейного плана, взаимосвязь описываемых моментов, факты и жизненные судьбы героев перекликаются, допуская возможность хронотопической удаленности. Степень объективации жизненных перипетий, ступени становления отдельной личности, мировоззренческие установки автора – все это отражено посредством циклического воспроизведения. В некоторых полилогических формах заметна дневниковость повествования, при несомненном приоритете нравственно-этической подоплеки событий, философских размышлений онтологического свойства.

Писателей, освоивших циклические структуры (главным образом жанр дилогии, трилогии, романа-эпопеи) не так много, их можно охарактеризовать как сложившихся мастеров художественного слова. Национальные авторы развивают сложную по меркам того времени форму, следуя основным принципам построения жанра. Роман «сохраняет генерирующие признаки», заключая в своем контексте эпический масштаб выражения.

В литературах Северного Кавказа на начальном этапе формирования художественной традиции доминирующими были темы, связанные с революцией, колхозным строительством, военной эпохой и выселенческим периодом. С намерением продолжить свои наблюдения и размышления на заданную тему, художники обращаются к различным этапам истории, выводя хронику событий революционного прошлого, военных лет, послевоенных десятилетий, периода депортации или современной эпохи. Подчиняясь единой композиционной организации соотносимых частей, в дилогиях и трилогиях достигается полномасштабное отражение актуальной проблематики. События, ставшие предметом художественного осмысления, во многом предопределяли структуру произведений. Так, на определенном этапе формообразующие элементы художественного текста являлись порождением военной реальности (гуманистический смысл подвига очерчен во многих образцах национального эпического повествования).

Карачаевская проза (а именно – крупные эпические формы эпического характера) представлена именами А. Урусовой (примером полилогий в ее творчестве служит роман «Айсанат», состоящий из двух одноименных книг), О. Хубиева (трилогия «Аманат»), Д. Кубанова («Эки заман» – «Два времени»). Сюда же следует отнести роман Х. Аппаева «Къара кюбюр» («Черный сундук»), задуманный как часть дилогии. В силу объективных обстоятельств,

вторую книгу автор завершить не успел. Замысел писателя был реализован Д. Кубановым, который дописал и опубликовал заключительную часть повествовательного цикла – роман «Таулада таууш» («Голос в горах»). Представленные примеры свидетельствуют о значительном интересе национальных прозаиков к художественной циклизации.

В отмеченном плане показательна также дилогия кабардинского писателя А. Кешокова «Вершины не спят». В романе «Сабля для эмира» отражены последствия Кавказской войны, повлекшие за собой массовую эмиграцию адыгов в Турцию. Он охватывает три последовательных исторических этапа, вбирающие революционные преобразования, пору гражданской войны и период Первой мировой. Трилогия, состоящая из романов «Долина белых ягнят», «Грушевый цвет», «Сломанная подкова» стала заметным явлением адыгского словесного искусства. Историческое мышление присуще и такому автору, как Маржохов М. Его перу принадлежит роман-эпопея «Щит Тибарда», написанный в духе героических сказаний о драматических событиях истории этноса.

Приверженность отдельных авторов к эпической хроникальности повествования объясняется «эффектом накопления материала», который подразумевает дальнейшее достраивание сюжета с параллельным отслеживанием личностной градации героя. Подобное явление объясняется желанием прозаиков к показу эволюции характеров, иллюстрации исторической динамики. Воссоединение разрозненных, обособленных частей дилогии, трилогии и тому подобных форм продиктовано стремлением художников к полноте реализации творческой задачи и является закономерным следствием незавершенности смысла, недосказанности мысли. Чтобы добиться эпической полноты изображаемых событий или явлений, писатели допускают расширение рамок повествования и выход за грань отдельного произведения. В таком случае один роман призван дополнить предыдущий, фокусируя внимание читателя на определенных мотивах. Принцип построения трилогии и дилогии нашел наиболее эффективное применение в романной форме и в жанре повести. Хотя (по логике) в данном контексте следует также рассматривать цикл рассказов и новелл на заданную тему, где тексты произведений относительно самостоятельны, но тесно сплетены сюжетикой, проблематикой, образностью (в качестве иллюстрации можно привести книгу прозы Бегиевой-Кучмезовой Р. «Мгновений кольца, времени круги»). Каждый из них добавляет новую информацию, привносит свои характеристики, относящиеся к сквозным персонажам, оттеняя определенные грани в отражении социально-общественных реалий.

Дилогии и трилогии 60-70-х годов XX века создавались как части широких эпических полотен. В связи с этим возникает вопрос об эпическом потенциале темы Отечественной войны. Развитие данной проблематики напрямую связано с магистральной эпопейной тенденцией во всей советской литературе, что обуславливало превалирование публицистического начала, тяготение к документализму в первых опытах создания произведений подобного рода. Тексты носили выраженный летописный характер, и это

вполне объяснимо. Фронтной быт, перестройка человеческой психики под влиянием экстремальных обстоятельств, формирование человека на войне характеризовали их ценностно-содержательный уровень. Синтез эпохи, усиление интереса к политическим аспектам народной жизни – явление закономерное для того времени.

Героика отличает содержание эпосов прозаика О. Этезова. Роман «Тарда» («В теснине») задуман как первая книга трилогии, его продолжением считаются романы «Аслан», «Урушну отунда» («В огне войны»), опубликованные уже после смерти писателя. В свете последних уточняющих данных включение произведения «Аслан» в состав трилогии оказывается дискуссионным. Существует предположение относительно того, что в содержательном плане и с точки зрения хронологической последовательности роман не может считаться продолжением незавершенной трилогии. Каждую из предложенных версий можно оспорить, поставить под сомнение, поскольку доподлинно не известно, каким был замысел самого писателя. В данном случае важно указать, что произведения сцеплены единой идеей, однако последовательность изложения намеренно нарушается автором, им используется прием отсылки в предысторию хроники. История в трилогии выступает как факт и как национальное прошлое, в ее концепции очевидна нацеленность писателя на художественное воплощение национального характера.

Региональная проза, ввиду своей эпичности, затрагивает события, связанные с исторической судьбой этноса. Критикой отмечается, что «Конец 60-х годов вошел в историю развития прозы балкарцев как особый период, когда многие писатели начинают ориентироваться на преодоление однопланового изображения жизни, на создание таких произведений, которые бы вписывались в контекст художественных общесоюзных исканий. В этом плане обозначенный период является началом качественно новых эстетических контактов балкарской литературы с духовными ценностями других народов в целенаправленном использовании их литературных традиций» [Толгуров 2010: 195]. Такова трилогия Ж. Токумаева «Кинжал мести», состоящая из одноименного произведения и романов «Сталь не сгибается», «Бессонные горы». Хронологические рамки этой серии включают период насаждения советской власти в регионе, события коллективизации на селе, завершающая часть описывает годы тотальных репрессий. В основе циклического повествования – нравственная подоплека межличностных взаимоотношений героев, их непримиримое столкновение, обусловленное сословным разделением. Части указанной трилогии обозначили значимые вехи движения народной истории, в них переплетены драматические изломы человеческих судеб на фоне переломных событий.

Примером циклического построения сюжета могут служить и комедийные пьесы автора, главным персонажем которых выступает Чонай. В этом же ряду стоит упомянуть «Рассказы Алдарбека из Курнаята», в которых заметно стремление писателя к использованию художественных ресурсов сатирического жанра. В отличие от прозы раннего этапа, отмеченной перевесом

трагедийного начала, в последующем творчестве Ж. Токумаева наблюдается преобладание позитивного мировосприятия.

Довольно перспективным на пути развития эпического повествования видится творчество балкарского прозаика Х. Шаваева. Зачатки полилогической формы выявляются в структуре повестей «Последний день недели» («Ыйыкны ахыр кюн»), «Асият», «Повесть, найденная в сундуке» («Кюбюрде табылган повесть»), объединенных общей проблематикой – темой депортации балкарского народа в Среднюю Азию. «Повесть, найденная в сундуке» продолжает развивать трагическую историю, начатую в сюжетной линии повести «Асият». Его содержание также высвечивает судьбу женщины горянки, но уже в трагических обстоятельствах, обусловленных военной действительностью и периодом выселения. Но, несмотря на внешнее формальное сходство текстов, явные совпадения в образной системе и перекликающееся содержание, упомянутые произведения все же не сложились в трилогию. Отмеченные элементы не стали достаточным аргументом, чтобы отнести самостоятельные во всех смыслах повествования писателя к полилогическому жанру. Данные примеры приведены нами с целью демонстрации случаев нестыковок с принятыми определениями эпичности.

Примеры объединения драматургических произведений в повествовательный цикл имеют место в творчестве И. Маммеева. По аналогии с нартскими сказаниями стилизованы пьесы писателя «Крепость Шамая» и «Нарт Ёрюзбек». Их содержание составили героические подвиги эпических героев. Авторский юмор несколько смягчает явный антагонизм добра и зла, а сказочность сюжета позволяет легко реализовать их постановку на сцене.

Трилогия И. Боташева, составленная из драматических пьес «На рассвете», «Абрек», «Встретимся ли?», призвана отразить сложность ситуативной постановки героев перед выбором – совесть или долг. В фокусе писательского внимания находится нравственно-этическая проблематика. В данном случае необходимо подчеркнуть, что драматургические жанры (так же как формы исторической повести и романа) были еще на стадии становления, чем объясняются существенные просчеты концептуального плана. Однако, в общем и целом, анализируемые образцы привнесли свою лепту в прогрессивное развитие национальной прозы.

Ведущий прозаик современности – З. Толгуров наметил в форме диалогической целостности романы «Большая медведица» и «Голубой типчак». Но подобное авторское определение, опять же, является спорным, если учесть отсутствие между ними какой бы то ни было контекстуальной взаимообусловленности. В своем эпическом творчестве писатель лишь единожды прибегает к возможностям повествовательного цикла, имея целью глубже показать процесс самоопределения личности, нравственных поисков героев, выявить факторы, мотивирующие их поступки. Такова фабула повести «Рассыпавшиеся бусы», несколько позже реализованная в широком контексте романа «Белое платье». Внимание автора сфокусировано на теме любви и противоречивых взаимоотношениях художника Зекерии и Аскерхан. Сюжет и герои произведения плавно переносятся в содержательные рамки более

крупного эпического повествования в дополнение к другим параллельно развивающимся линиям. Аналогичная схема развития рефренного сюжета наблюдается в романе А. Теппева «Мост Сират» и повести «Солнце не заходит» (тексты соотносимы содержательно, композиционно и на уровне образных ассоциаций).

В начале XXI века полилогические формы продолжали разрабатываться в творчестве прозаика А. Теппева. Цикличность очевидна в мифоэпической серии романов «Ас-Тах», «Баязир», «Золотой Хардар». В произведениях обыграна современная действительность в сопряжении с древней историей, здесь часты пантеистические моменты, характерные для языческого прошлого. Развернутое изображение способствует параллельному освещению событий различных эпох, определению переломных этапов этнической истории, выявлению наиболее значимого, узлового мотива. Эпические тексты, выстраиваемые по хронологии событий, вырисовывают историю народа на протяжении столетий. Завершают эту временную последовательность современные жизнеописания героев. В содержании романов-эпопей сильны социально-философские мотивы, что дает возможность их классифицировать как «философско-аллегорические романы».

Адаптированность категорий времени и пространства к конкретной исторической плоскости прослеживается и в творчестве М. Кучинаева. Писатель выказывает стремление к созданию полисюжетных, «хронотопически детерминированных моделей». Такой «пространственно-временной субстрат» имеет место в структуре романов «Большая Балкария», «Сказание об аланах», «Дети солнца», являющихся логическим продолжением друг друга и повествующих о далеком этническом прошлом. Создавая трилогию, писатель отталкивался от архаического материала, указание на это заключено в говорящих названиях произведений. Что касается композиционной целостности, в поэтапно развивающемся повествовании выделяются три смысловые части, фиксирующие определенный отрезок исторической действительности. В первом примере нашло отражение сословное разделение в Балкарии, текст насыщен множеством этнографических деталей. Следующий роман («Сказание об аланах») по форме максимально приближен к историко-героическим песням, в нем отражены исторические судьбы аланского государства, его противостояние нашествию Чингизхана. «Дети солнца» представляет собой историческую хронику условий существования скифского государства. Содержание произведения вобрало процесс «борьбы алано-скифских племен в VI в. до н.э. Это – золотой век Скифии, когда она достигла вершин славы и доблести» [Сарбашева 2003: 256]. Здесь мы наблюдаем процесс, когда историческая хроникальность уступает место абстрагированному повествованию.

Из приведенных примеров явствует, что модификации романной формы в балкарской прозе весьма разнообразны, они представлены во множестве вариаций. Произведения можно назвать итоговыми в развитии диалогической формы в национальной литературе. Новационные черты определяются как в принципах построения прозаического текста, так и в архитектонике хронотопа,

способах формирования сюжетных линий повествования. Такой конституирующий элемент полилогической формы, как «эффект накопления информации», предопределяет наличие весомого концептуального содержания и соответствующий масштаб отражения действительности. Данное обстоятельство позволяет вычленивать их из общего материала карачаево-балкарской эпической литературы, ведущей тенденцией которой была и остается историческая проблематика.

Анализ процесса эволюционирования полилогических жанров в национальной эпической прозе позволяет сделать вывод о том, что событийная плотность, эмотивная составляющая, высокая степень достоверности описываемых ситуативных моментов, глубинный психологизм и прочие содержательные аспекты романного повествования подчинены воплощению «парадигмы качеств крупной формы».

Как уже отмечалось, память актуализируется в перспективе художественного текста. Содержательный компонент расширяется, получая различные ракурсы, что позволяет улавливать и накапливать «кванты» информации. Все эпизоды складываются в целостную картину, симметричную соразмерность частей. Периодичность текстовых элементов заставляет читателя соотносить отдельные фрагменты друг с другом, стараясь нащупать контекстные переклички. Процесс развития сюжета, простирающегося во времени и пространствах реализуется методом проекции, что позволяет фокусироваться на главном, объединяющем мотиве. Своеобычно структурированный ход событий способствует постепенному «погружению» в смысловые поля цикла. Интенция, как направленность авторского сознания (коммуникативное намерение), становится ведущей текстообразующей категорией, она же обуславливает сведение смысла повествований в единую концепцию. Однако группировка нескольких текстов в диалогическую форму не всегда является замыслом самого автора, это может происходить и помимо воли художника.

В книгах национальных писателей представлена широкая панорама социально-общественной жизни, исторических судеб северокавказских народов. Тяготение к циклическому воспроизведению событий прошлого и настоящего объясняется их потребностью в более глубоком монументальном осмыслении действительности. Наметив тематическое продолжение в поэтических жанрах, а также в формах повести и романа, авторы обобщают накопленный прежде художественный опыт, стремясь к переосмыслению «фактической подосновы» изображаемого. Все сказанное позволяет отнести проанализированные произведения к свершениям национальной поэзии и прозы, наметившим новый курс в развитии карачаево-балкарской литературы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Атабиева 2008 – *Атабиева А.Д.* Лирика Танзили Зумакуловой: традиции и новаторство. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – 128 с.

Баланчук 2010 – *Баланчук О.Е.* Диалогия в русском литературном процессе: генезис и эволюция // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2010. – № 2 (Том 1). – С. 7-16.

Гумилев 2019 – *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера земли. – М.: Издательство АСТ, 2019. – 704 с.

Дарвин 1997 – *Дарвин М.Н.* Художественная циклизация лирических произведений. Спецкурс. Тексты лекций. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – 40 с.

Крутов 2006 – *Крутов Ю.И.* Генезис и трансформации эпопейных жанровых признаков в прозе XX века. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 26 с.

Ласточкина 2011 – *Ласточкина А.С.* Нарративные стратегии в диалогии У. Голдинга «На край земли». Дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 2011. – 204 с.

Пивоварова 2018 – *Пивоварова Е.Л.* Принцип циклизации как эксперимент в прозе в начале XX в.: к постановке вопроса // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2018. – № 1. – С. 40-43.

Сапогов 1966 – *Сапогов В.А.* О некоторых структурных особенностях лирического цикла А. Блока // Язык и стиль художественного произведения. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1966. – С. 18-22.

Сарбашева 2003 – *Сарбашева А.М.* Кучинаев Магомед Юсупович // Биобиблиографический словарь. Писатели Кабардино-Балкарии (XIX – конца 80-х гг. XX в.). – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – С. 254-256.

Татару 2009 – *Татару Л.В.* Точка зрения и ритм композиции нарративного текста (на материале произведений Дж. Джойса и В. Вулфа). Дисс. ... д-ра филол. наук. – Саратов, 2009. 419 с.

Толгуров 1991 – *Толгуров З.Х.* В контексте духовной общности. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 285 с.

Толгуров 2010 – *Толгуров З.Х.* Балкарская литература 1960-90-х годов // Очерки истории балкарской литературы. – Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2010. – С. 183-204.

Фоменко 1990 – *Фоменко И.В.* Поэтика лирического цикла. Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 1990. – 32 с.

Фоминых 1984 – *Фоминых Т.Н.* Становление эпопеи в советской прозе о первой мировой войне (20-е годы). Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1984. – 208 с.

Хализев 1999 – *Хализев В.Е.* Теория литературы. – М.: Высшая школа, 1999. – 400 с.

Чичерин 1975 – *Чичерин А.В.* Возникновение романа-эпопеи. – М.: Советский писатель, 1975. – 376 с.

REFERENCE

ATABIEVA A.D. *Lirika Tanzili Zumakulovoi: traditsii i novatorstvo* [The lyrics of Tensilya Zumakulova: tradition and innovation]. – Nalchik: El'brus, 2008. – 128 p. (In Russian)

BALANCHUK O.E. *Dilogiya v russkom literaturnom protsesse: genezis i evolyutsiya* [Dilogy in the Russian literary process: Genesis and evolution]. IN: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. – 2010. – No. 2 (Vol. 1). – P. 7-16. (In Russian)

CHICHERIN A.V. *Vozniknovenie romana-epopei* [The origin of the epic novel]. – М.: Sovetskii pisatel', 1975. – 376 p. (In Russian)

DARVIN M.N. *Khudozhestvennaya tsiklizatsiya liricheskikh proizvedenii. Spetskurs. Teksty leksii* [Artistic cyclization of lyrical works. Special course. Texts of lectures]. – Кемерово: Kuzbassvuzizdat, 1997. – 40 p. (In Russian)

FOMENKO I.V. *Poetika liricheskogo tsikla. Avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk* [Poetics of the lyric cycle. Abstract of dissertation for the doctor of philological sciences degree]. – М., 1990. – 32 p. (In Russian)

FOMINYKH T.N. *Stanovlenie epopei v sovetskoj proze o pervoi mirovoi voine (20-e gody). Diss. ... kand. filol. nauk* [The formation of an epic in Soviet prose about the first world war

(twenties). The Dissertation for the candidate of philological sciences degree]. – M., 1984. – 208 p. (In Russian)

GUMILEV L.N. *Etnogenez i biosfera zemli* [Ethnogenesis and the earth's biosphere]. – M.: Izdatel'stvo AST, 2019. – 704 p. (In Russian)

KHALIZEV V.E. *Teoriya literatury* [Theory of literature]. – M.: Vysshaya shkola, 1999. – 400 p. (In Russian)

KRUTOV Yu.I. *Genezis i transformatsii epopeinykh zhanrovnykh priznakov v proze XX veka. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Genesis and transformations of epic genre features in prose of the XX century. Abstract of dissertation for the candidate of philological sciences degree]. – M., 2006. – 26 p. (In Russian)

LASTOCHKINA A.S. *Narrativnye strategii v dilogii U. Goldinga «Na krai zemli»*. Diss. ... kand. filol. nauk [Narrative strategies in the novels of William Golding «On the edge of the earth». The Dissertation for the candidate of philological sciences degree]. – SPb., 2011. – 204 p. (In Russian)

PIVOVAROVA E.L. *Printsip tsiklizatsii kak eksperiment v proze v nachale XX v.: k postanovke voprosa* [The principle of cyclization as an experiment in prose at the beginning of the XX century]. IN: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistsika*. – 2018. – No. 1. – P. 40-43. (In Russian)

SAPOGOV V.A. *O nekotorykh strukturnykh osobennostyakh liricheskogo tsikla A. Bloka* [On some structural features of A. Blok's lyric cycle]. IN: *Yazyk i stil' khudozhestvennogo proizvedeniya* [Language and style of a work of fiction]. – M.: MGPI im. V.I. Lenina, 1966. – P. 18-22. (In Russian)

SARBASHEVA A.M. *Kuchinaev Magomed Yusupovich*. IN: *Biobibliograficheskii slovar'. Pisateli Kabardino-Balkarii (XIX – kontsa 80-kh gg. XX v.)* [Biobibliographic Dictionary. Writers of Kabardino-Balkaria (XIX – late 80s. XX century)]. – Nalchik: El'-Fa, 2003. – P. 254-256. (In Russian)

TATARU L.V. *Tochka zreniya i ritm kompozitsii narrativnogo teksta (na materiale proizvedenii Dzh. Dzhoisa i V. Vulf)*. Diss. ... d-ra filol. nauk [The point of view and the rhythm of the composition of a narrative text: based on the works of J. Joyce and W. Wolfe. The Dissertation for the doctor of philological sciences degree]. – Saratov, 2009. 419 p. (In Russian)

TOLGUROV Z.Kh. *Balkarskaya literatura 1960-90-kh godov* [Balkarian literature of the 1960s-90s]. IN: *Ocherki istorii balkarskoi literatury* [Essays on the history of Balkarian literature]. – Nalchik: Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g., 2010. – P. 183-204. (In Russian)

TOLGUROV Z.Kh. *V kontekste dukhovnoi obshchnosti* [In the context of spiritual community]. – Nalchik: El'brus, 1991. – 285 p. (In Russian)

ОЧЕРКИ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(47)

DOI 10.31143/2542-212X-2020-3-205-212

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «ЕВГЕНИЯ ДЖАМУРЗОВНА НАЛОЕВА.
НАУКА БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ (ВОСПОМИНАНИЯ, ПЕРЕПИСКА,
ДОКУМЕНТЫ) / СОСТАВИТЕЛЬ А.С. МИРЗОЕВ. – Нальчик: ООО
«Печатный двор», 2018. – 720 с.»**

Ю.Д. АНЧАБАДЗЕ

*Институт этнологии и антропологии РАН
Абхазский институт гуманитарных исследований имени Д.И. Гулиа АНА
119334, Москва, Ленинский проспект, 32а
384900, Абхазия, Сухум, ул. Аидгылара, 44
E-mail: anchabadze@list.ru*

Аннотация. В рецензии анализируется сборник воспоминаний, документов и переписки Евгении Джамурзовны Налоевой, подготовленный к изданию одним из ее учеников – старшим научным сотрудником ИГИ КБНЦ РАН А.С. Мирзоевым. Е.Д. Налоева известна, как человек трудной судьбы, талантливый исследователь социально-политической истории традиционного кабардинского общества, проблем генезиса и развития кабардинского феодализма. В мемориальном издании иллюстрируются перипетии жизненного пути, характеризуется научно-педагогическая деятельность Евгении Джамурзовны, запечатлено ее человеческое мужество, благородство и профессиональное достоинство. В рецензии анализируется структура сборника. Оценивается качество комментирования, представленных в издании источников. Отмечаются достоинства особо важных разделов сборника, ценность раздела с воспоминаниями Евгении Джамурзовны, раздела с корреспонденцией, полнота и разносторонность, собранных издателем материалов.

Ключевые слова: Е.Д. Налоева; историк; воспоминания; переписка; документы; биография; преподавательская работа; исследовательская работа; общественно-политические взгляды.

**REVIEW OF THE BOOK “EVGENIYA DZHAMURZOVNA NALOEVA.
THE SCIENCE OF BEING HUMAN (MEMORIES, CORRESPONDENCE,
DOCUMENTS) / COMPILED BY A.S. MIRZOEV. – Nalchik: ООО
"Pechatnyi dvor", 2018. – 720 p.”**

Yu.D. ANCHABADZE

*Institute of Ethnology and Anthropology RAS
Abkhaz Institute for Humanitarian Research named after D.I. Gulia ASA
119334, Moscow, Leninsky prospect, 32a
384900, Abkhazia, Sukhum, Aidgylar st., 44
E-mail: anchabadze@list.ru*

Abstract. The review analyzes the collection of memoirs, documents and correspondence of Evgenia Dzhamurzovna Naloeva, prepared for publication by one of her students – senior researcher at the Institute for Humanitarian Studies of KBSC RAS A.S. Mirzoev. E.D. Naloyeva is known as a person of a difficult fate, a talented researcher of the socio-political history of traditional Kabardian society, the problems of the genesis and development of Kabardian feudalism. The memorial edition illustrates the vicissitudes of life, characterizes the scientific and pedagogical activities of Evgenia Dzhamurzovna, captures her human courage, nobility and professional dignity. The review analyzes the structure of the collection. The quality of the comments provided in the publication of sources is assessed. The merits of the most important sections of the collection, the value of the section with the memoirs of Evgenia Dzhamurzovna, the section with correspondence, the completeness and versatility of the materials collected by the publisher are noted.

Keywords: E.D. Naloeva; historian; memories; correspondence; documents; biography; teaching work; research work; socio-political views.

Евгения Джамурзовна Налоева (1920-2007) прошла большой и трудный жизненный путь. Его главные вехи в полной мере оказались сопричастными времени и эпохе, отразив всю силу и трагедию уже ушедшего в историю XX столетия. Вступив не по своей воле в конфликт с государственным левиафаном, Е.Д. Налоева вышла в конце концов победителем в неравном сражении. Почти погибнув, она смогла вернуться из небытия и, преодолев все трудности и обиды, нашла силы заново начать жизнь и построить свою новую биографию. В благодарной памяти многочисленных друзей, коллег и учеников Евгения Джамурзовна осталась символом высокой чести, профессионального достоинства, человеческого мужества и благородства. Теперь ее образ навсегда запечатлен в замечательном мемориальном издании, вышедшем в свет благодаря инициативе, организационному и творческому вкладу одного из ее учеников – старшего научного сотрудника КБИГИ А.С. Мирзоева, выступившему составителем, редактором, автором предисловия, вступительных разделов и комментариев [Налоева 2018].

Человеческая жизнь всегда многомерна. Она имеет самые разные связи с окружающей действительностью, что естественным образом отразилось и в структуре сборника. А.И. Мирзоев разделил его на 14 разделов, каждый из которых отражает какую-то грань жизни и судьбы Е.Д. Налоевой. Самостоятельные во внутренней сюжетике, в совокупности они образуют последовательный биографический нарратив, в котором ярко проявлена уникальная траектория человеческой судьбы, вплетённой в бег исторического времени. А.С. Мирзоев высказал мнение, что жизненный путь Е.Д. Налоевой мог бы стать «основой литературного романа, или кинофильма» (с. 4), не обозначив жанр этого будущего произведения – к сожалению, этот жанр может быть только трагедией.

Центральным разделом книги являются, конечно же, воспоминания самой Евгении Джамурзовны. Наговоренные на диктофон, а затем расшифрованные и преобразованные письменную речь, они несут основную смысловую нагрузку в структуре и сюжетике сборника. Автор начинает с ранних детских воспоминаний, постепенно приобретающих черты семейной саги, в действие которой вовлекаются все большее число персонажей – родители, родственники, ближний и

дальний круг друзей, соседей и знакомых. Детство Жени (Блау, как ее звали в семейном кругу) Налоевой закончилось рано. В ноябре 1929 г. был арестован отец, весной следующего года мать с малолетними детьми бежит из Кабарды, пробираясь в Таджикистан, где проживал старший сын. Все последующие события раскаленными зарубками отложились в памяти молодой девушки, начинавшей свою взрослую жизнь с клеймом дочери репрессированного «врага».

Как было сказано, текст воспоминаний является расшифровкой диктофонной записи (наша благодарность интервьюеру и расшифровщику записи Н.С. Казанчевой-Мирзоевой). При этом воспоминания опубликованы без редакционной правки, т.е. представляют собой аутентичный материал, сохранивший живое звучание устной речи. К сожалению, рецензент не может оценить звучание кабардинской речи, на которой в рассматриваемом сборнике представлен значительный пласт авторских материалов. Но думается, что рожденная в кабардинском мире, с детства говорившая на родном языке, Е.Д. Налоева, без сомнения, владела им в совершенстве. Что касается русской речи, то в устах Евгении Джамурзовны она прекрасна – красива, выразительна и эмоциональна. Е.Д. Налоева свободно играет словом, стилистическими оттенками языка, выразительными возможностями богатой русской речи. Характеристики рассказчика точны и прицельны, они не скрываются за эвфемизмами и пустым словословием, выхолащивающим смысл и значение описываемых событий. При этом последние даны не в произвольной комбинации ситуативно всплывающих воспоминаний, что весьма характерно для устной речи рассказчика, но в строгой последовательности событийного ряда. Это создает объемную, по существу романную панораму исторической действительности, в динамику которой были вовлечены рассказчик и его персонажи.

Выскажу предположение: если бы Е.Д. Налоева сама писала свои воспоминания, это был бы выдающийся литературный труд. Помимо богатства и выразительности устной речи, у Евгении Джамурзовны был явный талант беллетриста. Известно, что она пробовала свои силы в художественном письме, в частности в одном из разделов книги помещены обнаруженные в ее архиве рассказы, стихи и другие беллетристические опусы. Они не подписаны, поэтому А.С. Мирзоев осторожно высказался об их дубиальности¹. Между тем, приводимые им аргументы в пользу авторства Е.Д. Налоевой вполне убедительны и могут быть приняты в качестве окончательного доказательства.

Возвращаясь к тексту «Воспоминаний», отметим, что они, к сожалению, охватывают лишь начальный период жизни героини. Мы узнаем о годах, проведенных в Таджикистане, сопряженных с бедствованием и страданиями, страхом ареста, смертью маленького братика. В 1935 г. Е.Д. Налоева возвращается на Кавказ. В Кабарду пути не было, она осталась в Орджоникидзе, где стала учиться в местном индустриальном техникуме. Новый виток репрессий, обрушившихся на Налоевых, заставил Евгению вновь бежать в Таджикистан. Ей удается поступить в Сталинабадский пединститут, но дочь репрессированного

---

¹ Дубиальные произведения – без установленного авторства, но по сумме признаков приписываемые конкретному писателю (ред.)

подвергается преследованиям. Исключенная из института, она едет «за правдой» в Москву, но даже заступничество М.И. Калинина не стало охранной грамотой. Е.Д. Налоева покидает Таджикистан и с надеждой возвращается на Кавказ. Жизнь как будто налаживалась. Остатки семьи воссоединились, в 1941 г. Евгения Налоева завершает учебу на историческом факультете пединститута в Орджоникидзе, начинает работать. Однако в очень скором времени иллюзии были развеяны – в октябре 1942 г. Е.Д. Налоеву арестовали. Первый печальный опыт соприкосновения с советской карательной системой, по счастью, был недолгий, так как через восемь месяцев заключенную освободили. Однако второй арест в 1950 г. в Нальчике завершился 8-летним приговором к исправительно-трудовым лагерям.

Е.Д. Налоева описывает свой арест, допросы, этапирование в лагерь, лагерную жизнь. Иной скажет, что эти страницы «Воспоминаний» в целом не новы, и многие описанные детали и ситуации идентичны фактологии, изложенной в уже довольно большом корпусе лагерной прозы. Возможно. Но вполне очевидно, что в своем повествовании автор добавляет немало новых штрихов в описание гулаговской действительности и механизмов функционирования одного из самых чудовищных порождений советской политической системы. В то же время подлинное значение «Воспоминаний», как мне кажется, в другом. Читателю (мне, например) гораздо важнее пример уникального опыта выживания человека в условиях, предназначенных не для жизни. За жизнь цеплялся каждый – стратегия избегания смерти бывает разной. В жутких условиях быта, в окружении люмпенов и уголовниц, постоянно сталкиваясь с низжайшей грубостью, подлостью и неприязнью, Е.Д. Налоева сохраняла свою личную планку этического существования, которое возвышало ее над окружающим, помещая в пространство, свободное от лагерных реалий. В этом пространстве она не была узницей, а свободным человеком, устанавливающим собственные правила, которые в конечном счете помогали выжить. Некоторые из них, правда, сейчас вызывает полуулыбку, как, например, признание, что из-за внушенных с детства заповедей хабзе, «даже во время следствия я не могла громко, грубо разговаривать с мужчинами» (с. 23). Между тем, эти примеры отвергают примитивное представление о доминанте быта, определяющим человеческое сознание.

Была еще одна черта личности Е.Д. Налоевой, которая оказалась спасительным стержнем в ее лагерном существовании. Евгения Джамурзовна так и не смирилась со своим приговором. Поставив целью его отменить, она стремилась не «скостить» срок, но, прежде всего, добиться реабилитации своего честного имени. Но и этого ей было мало. В своих письмах на имя И.В. Сталина и Г.М. Маленкова, а в июне 1956 г. в газету «Правда» она – сама заключенная – говорила не только о своей судьбе, но призывала обратить внимание на еще казавшимися незыблемыми лагеря, где местные начальники «по своим морально-политическим качествам стояли гораздо ниже некоторых заключенных. И это превращало лагерь в какую-то страшную адскую машину, которая живо обрабатывала новичков на свой лад» (с. 323). Е.Д. Налоеву «обработать» не удалось. В том же письме в главную советскую газету она говорила о вставшей перед ней дилемме: «либо смириться со всем, что делается вокруг и думать лишь

о себе, либо бороться дальше, не заботясь о возможных последствиях. Я выбрала последнее, ибо первое я понимала как идейное перерождение» (с. 323). Идейной стойкостью и духовным величием объясняется на обывательский взгляд «безумное» и «нерациональное» решение не принимать объявленную в 1953 г. режимом амнистию. «В знак протеста против чудовищного произвола, учиненного надо мной, – писала Евгения Джамурзовна в комиссию по разбору дел заключенных, – я хочу отбыть свое наказание до конца» (с. 321). Поведение Е.Д. Налоевой это яркая страница в истории духовного сопротивления государственному репрессивному тоталитаризму в СССР.

К сожалению, воспоминания самой Евгении Джамурзовны завершаются более ранним периодом ее пребывания в лагере. Более полную информацию в данном случае дают другие разделы книги, в которых опубликованы соответствующие документальные материалы, собранные А.С. Мирзоевым – письма, заявления, обращения Е.Д. Налоевой, а также другие документы, касающиеся репрессий в отношении Евгении Джамурзовны и членов ее семьи, а также реабилитационная документация.

Е.Д. Налоева освободилась из заключения в августе 1956 г., однако полной реабилитации пришлось ждать еще долгих шесть лет. После этого начался новый период жизни. Евгения Джамурзовна получила возможность заняться делом, к которому всегда стремилась, в частности, завершение аспирантуры дало возможность приступить к исследовательской работе, одновременно она начинает преподавательскую деятельность в КБГУ. Яркая индивидуальность, выдающийся преподавательский дар, привлекательные черты открытого, отзывчивого характера привлекают к ней людей, делают ее заметной фигурой в гуманитарных слоях общества. В разделе «Воспоминания о Е.Д. Налоевой» собраны ценнейшие свидетельства людей, лично знавших Евгению Джамурзовну, которые своими рассказами дополняют ее живой образ новыми красками и штрихами.

В этом отношении очень важен эпистолярный раздел книги, в котором представлена корреспонденция в основном с двумя адресатами – выдающимися советскими историками Е.И. Дружининой и Е.Н. Кушевой. Их знакомство произошло в начале 1960-х гг., когда Е.Д. Налоева, определяясь с темой будущей диссертационной работы, побывала в Институте истории АН СССР. Со своими старшими коллегами у Евгении Джамурзовны установились взаимоуважительные и теплые отношения, вылившиеся в многолетнюю дружескую переписку. Правда, публикация вынужденно носить «односторонний» характер: в распоряжении составителя имелись лишь письма к Е.Д. Налоевой (ответные письма Евгении Джамурзовны пока не обнаружены), тем не менее данные материалы, как и всякий эпистолярный, являются ценнейшим источником, несущим информацию, как об исторической эпохе, так и о ее субъектах, в частности авторах писем и их адресате.

Проблемы, волновавшие корреспондентов, были самые разнообразные. Первоначально большое внимание в письмах уделялось перипетиям с диссертацией Е.Д. Налоевой – обсуждения темы и текста работы, подготовка к защите (Е.Н. Кушева, с которой у Евгении Джамурзовны сложились особенно доверительные отношения, выступила оппонентом), затем активно обсуждалось

предполагаемое издание монографии Е.Д. Налоевой (к сожалению, в то время неосуществленное). Но постепенно сюжетика писем расширялась, точки соприкосновения интересов корреспондентов множились, и переписка из деловой превратилась в жизненную потребность постоянного общения с другом и коллегой («с нетерпением жду Вашего ответного письма» – таков был частый завершающий рефрен в посланиях Е.Н. Кушевой). Корреспонденты посвящают друг друга в свои дела, обмениваются информацией, высказывают суждения о злободневных событиях, обмениваются текстами своих работ, ждут откликов, спорят, полемизируют, не соглашаются, высказывают полное одобрение и т.д.

Письма откомментированы. Тем не менее в их текстах есть некоторые позиции, которые, на мой взгляд, также нуждались в пояснении, что в целом увеличило бы информативность раздела. Так, Е.Н. Кушева неизменно извещала своего адресата о том, как протекает увлекавшая ее работа над сборником документов по истории Чечено-Ингушетии. Для читателя было бы интересно узнать судьбу этого сборника, который вышел в свет уже после ухода из жизни ее составителя [Русско-чеченские отношения... 1997]. Отвечая на письмо Е.Д. Налоевой, Е.Н. Кушева формулирует свою позицию по научному спору, нашедшему отражение в одном из номеров журнала «Вопросы литературы» (с. 456). Очевидно, что суть спора взволновала обоих корреспондентов, поэтому важно уточнить его детали и дать комментарии, что речь идет о критической полемике вокруг книги Т.Х. Кумыкова «Кази Атажукин» [Кумыков 1972; Калоев 1972]

Еще одна позиция, которая, на мой взгляд, нуждалась в справочном комментарии. Е.Н. Кушева связывает поправки, которые могут быть внесены в текст диссертации Е.Д. Налоевой «с тем обстоятельством, которое отражено в “Правде” от 29 марта» [1973 г.] (с. 467). В данном случае важно уточнить, что речь шла о появившейся на страницах главной советской газеты очередной установочно-директивной статьи, определявшей политико-идеологические рамки развития исторической науки в СССР [Неотложные... 1973]. Е.Н. Кушева сообщает, что сдала в редакцию «Советской этнографии» статью и она «в какой-то степени отклик на очень интересную статью» Г.А. Меликишвили в журнале «История СССР» (с. 500), которую советует обязательно прочесть. Право, не было бы лишним в комментариях обозначить обе работы [Меликишвили 1975; Кушева, Усманов 1978], отметив, что они трактовали вопросы специфики социально-экономического развития традиционных кавказских обществ. Эти проблемы находилось в русле исследовательских интересов Е.Д. Налоевой, вызвали ее профессиональный отклик – в одном из писем Е.Н. Кушева благодарит «за то, что Вы прочли со вниманием мою статью. Написали весьма хорошие слова» (с. 523).

Впрочем, корреспондентов увлекали не только научные темы. Так, в дни праздновавшегося в конце 1980 г. столетнего юбилея А.А. Блока, в переписке всплывает имя великого русского поэта: «я вспоминала наш с Вами разговор о нем» (с. 517), писала Е.К. Кушева. Для Екатерины Николаевны эти воспоминания были особенно дороги, так как ее семья была связана родственными узами с Бекетовыми, из рода которых по материнской линии происходил поэт. Кстати, нерасшифрованная фамилия на той же странице – это как раз Бекетова.

Главное, что лице Е.Н. Кушевой Евгения Джамурзовна приобрела понимающего и доброжелательного наперсника. Отвергая некоторые рефлексии, которые, видимо, проскальзывали в письмах своего корреспондента, Екатерина Николаевна уверенно успокаивает своего младшего друга: «Вы написали очень интересную подлинно исследовательскую диссертацию. Уверена в том, что Вы много полезного, творческого сделаете для истории своей Кабардино-Балкарии» (с. 488). Она постоянно будировала исследовательские интенции Е.Д. Налоевой, поддерживая ее изыскания в области кабардинской генеалогии. В то же время Е.Н. Кушева видела увлеченность Е.Д. Налоевой лекционной работой в КБГУ, искренне признавала важность и значимость этой стороны профессиональной деятельности Евгении Джамурзовны: «У вас подлинный талант педагога», писала ей Екатерина Николаевна (с. 512), «работа в вузе – дело Вашей жизни» (с. 523), констатировала в другом.

Эти стороны профессиональной деятельности Е.Д. Налоевой характеризует другие разделы сборника, где собраны документы, связанные с ее преподавательской и исследовательской работой (отчеты, характеристики, отзывы, рецензии, тексты различных выступлений и др.).

Материалы сборника дают возможность судить об общественно-политических взглядах Е.Д. Налоевой. Здесь важны прежде всего «Воспоминания», где немало важных мыслей и рассуждений автора, но обращает на себя внимание другой раздел книги, в котором можно познакомиться с другими текстами: заявление пленуму ЦК КПСС по национальным отношениям (сентябрь 1989 г.), «Мнение о войне в Чечне», «Размышления по поводу абхазо-грузинских переговоров» и др. Они убеждают, что основной мировоззрения Е.Д. Налоевой была вера в демократические идеалы, которые могут стать мощными импульсом развития страны и общества. Однако на пути к демократическому обществу предстоит преодолеть немало препятствий, в том числе глобального характера, которые обозначены ею, как «теневые стороны цивилизации» (с. 691). В их числе несовершенство правовых систем, государственный тоталитаризм («Государство неограниченное правовыми нормами – орган голого насилия, способный решать свои внутренние проблемы лишь силовыми методами» (с. 683), несправедливость распределения мировых ресурсов («на военные расходы только США столько тратят, что на эти средства можно было крепко поставить на ноги всю Африку» (с. 687), международный терроризм, который, как «ответная реакция» олицетворяет «сопротивление современной цивилизации» (с. 687, 691). По мнению Е.Д. Налоевой, «мир слишком хрупкое явление, чтобы доверять его только политикам и военным» (с. 575). Ее доверие вызывала только культура, образование, мораль, искусство, дружба и взаимопонимание между народами и людьми.

Завершая чтение сборника, остается радостное чувство от общения с яркой, неординарной личностью, добрая память о которой навсегда останется на Земле. Определяя жанр всей полифонии жизненного пути героини, возможно, следует внести существенную поправку в жанровую характеристику, определив ее как «оптимистическая трагедия». Возможно, с этим бы согласилась и сама Евгения Джамурзовна, которая при самых страшных коллизиях пройденного ею пути

не теряла человеческого достоинства, оптимизма и веры в неизбежный социальный, духовный и нравственный прогресс человечества.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Калоев 1972 – *Калоев Б.* Справедлив ли рецензент? // Вопросы литературы. – 1972 – № 2. – С. 166-172.

Кумыков 1972 – *Кумыков Т.* Об одной небрежной рецензии // Вопросы литературы. – 1972 – № 2. – С. 161-165.

Кушева, Усманов 1978 – *Кушева Е.Н., Усманов М.А.* К вопросу об общественном строе вайнахов (письмо 1657 г. из Шибутского джамаата царю Алексею Михайловичу) // Советская этнография. – 1978. – № 6. – С. 99-110.

Меликишвили 1975 – *Меликишвили Г.А.* К вопросу о характере древних закавказских и средневековых горских северокавказских классовых обществ // История СССР. – 1975. – № 6. – С. 43-53.

Налоева 2018 – *Налоева Е.Д.* Наука быть Человеком (Воспоминания, переписка, документы) / Выявление, археография, составление, автор предисловия, вступительных разделов и комментариев А.С. Мирзоев. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2018. – 720 с.

Неотложные... 1973 – *Неотложные задачи историков* // Правда. – 1973.29.03.

Русско-чеченские отношения... 1997 – *Русско-чеченские отношения.* Вторая половина XVI – XVII вв. Сборник документов / Выявление, составление, введение, комментарии Е.Н. Кушева. – М.: Наука, 1997. – 415 с.

REFERENCES

KALOEVA B. *Spravedliv li retsenzent?* [Is the reviewer fair?]. IN: *Voprosy literatury*. – 1972 – No. 2. – P. 166-172. (In Russian)

KUMYKOV T. *Ob odnoi nebrezhnoi retsenzii* [About one careless review]. IN: *Voprosy literatury*. – 1972 – No. 2. – P. 161-165. (In Russian)

KUSHEVA E.N., USMANOV M.A. *K voprosu ob obshchestvennom stroe vainakhov (pis'mo 1657 g. iz Shibutskogo dzhamaata tsaryu Alekseyu Mikhailovichu)* [On the question of the social structure of the Vainakhs (letter of 1657 from the Shibut Jamaat to Tsar Alexei Mikhailovich)]. IN: *Sovetskaya etnografiya*. – 1978. – No. 6. – P. 99-110. (In Russian)

MELIKISHVILI G.A. *K voprosu o kharaktere drevnikh zakavkazskikh i srednevekovykh gorskikh severokavkazskikh klassovykh obshchestv* [On the question of the nature of the ancient Transcaucasian and mountain North Caucasian medieval class societies]. IN: *Istoriya SSSR*. – 1975. – No. 6. – P. 43-53. (In Russian)

NALOEVA E.D. *Nauka byt' Chelovekom (Vospominaniya, perepiska, dokumenty) / Sostavitel' A.S. Mirzoev* [The Science of Being Human (Memories, Correspondence, Documents). Compiled by A.S. Mirzoev]. – Nalchik: ООО «Pечатnyi dvor», 2018. – 720 p. (In Russian; In Kabardian)

Neotlozhnye zadachi istorikov [The Urgent Tasks of Historians]. IN: *Pravda*. – 1973.29.03. (In Russian)

Russko-chechenskie otnosheniya. Vtoraya polovina XVI – XVII vv. Sbornik dokumentov / Vyyavlenie, sostavlenie, vvedenie, kommentarii E.N. Kusheva [Russian-Chechen relations. Second half of the XVI – XVII centuries Collection of documents / Revealing, compilation, introduction, comments by E.N. Kusheva]. – M.: Nauka, 1997. – 415 p. (In Russian)

Наши авторы

Анчабадзе Юрий Дмитриевич – д-р истор. наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН; ведущий научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований имени Д.И. Гулиа АНА

E-mail: anchabadze@list.ru

Болатова (Атабиева) Асият Даутовна – канд. филол. наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН»

E-mail: bolatovaatabieva@mail.ru

Боров Аслан Хажисмелович – канд. истор. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра социально-политических исследований ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: aslan-borov@mail.ru

Гончаров Серафим Анатольевич – студент Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

E-mail: goncharov.serafim@yandex.ru

Гусейнов Гаджи Магомедкамилович – канд. истор. наук, доцент, доцент кафедры теории и истории социальной работы ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»

E-mail: gadgi_botlih@mail.ru

Кадиева Анна Анатольевна – научный сотрудник Отдела археологических памятников Государственного исторического музея

E-mail: adelgeida85@mail.ru

Кажарова Инна Анатольевна – канд. филол. наук, старший научный сотрудник сектора кабардинской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН»

E-mail: barsello@rambler.ru

Мирзоев Асланбек Султанович – канд. истор. наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: marzeibach@mail.ru

Муратова Елена Георгиевна – д-р истор. наук, профессор, заведующая кафедрой истории России Социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

E-mail: lena_gm@mail.ru

Мурзаханов Юрий Исаевич – канд. ист. наук, доцент, методист отдела проектов и довузовской подготовки Управления по довузовской подготовке и профориентационной работе ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

E-mail: murzahanovyurii@mail.ru

Нахушева Инара Руслановна – старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Института права, экономики и финансов ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

E-mail: nakhusheva.inara@bk.ru

Норкина Екатерина Сергеевна – канд. ист. наук, доцент кафедры еврейской культуры Института философии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

E-mail: Norichmail@yandex.ru

Органова Юлия Аслановна – аспирант ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

E-mail: yulia-kabardinka@mail.ru

Соегов Мурадгелди – д-р филол. наук, профессор, действительный член (академик) Академии наук Туркменистана, внештатный научный консультант Института языка, литературы и национальных рукописей имени Махтумкули Академии наук Туркменистана

E-mail: msoyegov@gmail.com

Электронный журнал

Кавказология

Caucasology

№ 3 / 2020

DOI: 10.31143/2542-212X-2020-3